

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. гр , № 29.

ЗАПЕЧАТЛЫШЫЙ АНГЕЛЬ.

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣло было о святкахъ, наканунѣ Васильева вечера. Погода разгулялась самая немилостивая. Жесточайшая поземная пурга, изъ тѣхъ, какими бываютъ славны зимы на степномъ заволжьи, загнала множество людей въ одинокій постоялый дворъ, стоящій бобылемъ среди гладкой и необозримой степи. Тутъ очутились въ одной кучѣ дворяне, купцы и крестьяне, русскіе, и мордва, и чуваши. Соблюдать чины и ранги на такомъ ночлегѣ было невозможно: куда ни повернись, вездѣ тѣснота, одни сушатся, другіе грѣются, третьи ищутъ хотя маленькаго мѣстечка, гдѣ бы пріютиться; по темной, низкой, переполненной пародомъ избѣ, стоитъ духота и густой паръ отъ мокраго платья. Свободнаго мѣста нигдѣ не видно: на полатахъ, на печкѣ, на лавкахъ и даже на грязномъ земляномъ полу, вездѣ лежатъ люди. Хозяинъ, суровый мужикъ, не радъ быть ни гостямъ, ни наживѣ. Сердито захлопнувъ ворота за послѣдними, добившимися на дворъ санями, на которыхъ пріѣхали два купца, онъ заперъ дворъ на замокъ и, повѣсивъ ключъ подъ божницею, твердо молвилъ:

— Ну, теперь кто хочешь, хоть головой въ ворота бейся, не отворю.

Но едва онъ услылъ это выговорить и, снявъ съ себя обширный овчинный тулупъ, перекрестился древнимъ большимъ крестомъ и приготовился лѣзть на жаркую печку, какъ кто-то робкою рукой застучалъ въ стекло.

— Кто тамъ?—окликнулъ громкимъ и недовольнымъ голосомъ хозяинъ.

— Мы,—отвѣтили глухо изъ-за окна.

— Ну-у, а чего еще надо?

— Пусти, Христа ради, сбились... обмерзли.

— А много ли васъ?

— Не много, не много, восемнадцатеро всего, восемнадцатеро,—говорить за окномъ, закрывая и щелкая зубами, очевидно, совсѣмъ перезябшій человѣкъ.

— Некуда мнѣ васъ пустить, вся изба и такъ народомъ укладена.

— Пусти хоть малость обогрѣться!

— А кто же вы такіе?

— Извозчики.

— Порожнемъ или съ возами?

— Съ возами, родной, шкурье веземъ.

— Шкурье! шкурье везете, да въ избу ночевать проснетесь. Ну, люди на Руси настаютъ! Пошли прочь!

— А что же имъ дѣлать?—спросилъ проѣзжій, лежавшій подъ медвѣжьей шубой на верхней лавкѣ.

— Валить шкурье, да спать подъ нимъ, вотъ что имъ дѣлать, — отвѣчалъ хозяинъ и, ругнувъ еще хорошенько извозчиковъ, легъ неподвижно на печь.

Проѣзжій изъ-подъ медвѣжьей шубы въ тонѣ весьма энергическаго протеста выговаривалъ хозяину на жестокость, но тотъ не удостоилъ его замѣчанія ни малѣйшимъ отвѣтомъ. Зато вмѣсто его откликнулся изъ дальняго угла небольшой рыженькій человѣчекъ, съ острою, клиномъ, борождой.

— Не осуждайте, милостивый государь, хозяина,—заговорилъ онъ:—онъ это съ практики беретъ и внушаетъ правильно,—со шкурьемъ безопасно.

— Да?—отозвался вопросительно проѣзжій изъ-подъ медвѣжьей шубы.

— Совершенно безопасно—съ, и для нихъ это лучше, что онъ ихъ не пускаетъ.

— Это почему?

— А потому, что они теперь изъ этого полезную практику для себя получили, а между тѣмъ, если еще кто безпомощный добьется сюда, ему мѣстечко будетъ.

— А кого теперь еще понесетъ чортъ?—молвила шуба.

— А ты слушай,—отозвался хозяинъ:—ты не болтай пустыхъ словъ. Развѣ супостагъ можетъ сюда кого-нибудь

прислать, гдѣ этакая святыня? Развѣ ты не видишь, что тутъ и Спасова икона, и Богородичный ликъ.

— Это вѣрно,—поддержалъ рыженькій человекъ. — Всякаго спасеннаго человекка не Еѳіопъ ведеть, а ангель руководствуетъ.

— А вотъ я этого не видалъ, и какъ мнѣ здѣсь очень скверно, то и не хочу вѣрить, что меня сюда завелъ мой ангель,—отвѣчала словоохотливая шуба.

Хозяинъ только сердито сплюнулъ, а рычачокъ добродушно молвилъ, что ангельскій путь не всякому зримъ и объ этомъ только настоящій практикъ можетъ получить понятие.

— Вы объ этомъ говорите такъ, какъ будто сами вы имѣли такую практику,—проговорила шуба.

— Да-съ, ее и имѣлъ.

— Что же это: вы видѣли, что ли, ангела, и онъ васъ водилъ?

— Да-съ, я его и видѣлъ, и онъ меня руководствовалъ.

— Что вы шутите или смѣтесъ?

— Боже меня сохрани такимъ дѣломъ шутить?

— Такъ что же вы такое именно видѣли: какъ вамъ ангель являлся?

— Это, милостивый гѳсударь, цѣлая большая исторія.

— А знаете ли, что тутъ уснуть рѣшительно невозможно, и вы бы отлично сдѣлали, если бы теперъ рассказали намъ эту исторію.

— Извольте-съ.

— Такъ рассказывайте, пожалуйста: мы васъ слушаемъ. Но только что же вамъ тамъ на колѣняхъ стоять, вы идите сюда къ намъ, авось какъ-нибудь потѣсимся и усядемся вмѣстѣ.

— Нѣтъ-съ, на этомъ благодарю-съ! Зачѣмъ васъ стѣснять, да и къ тому же повѣсть, которую я предъ вами поведу, пристойнѣе на колѣняхъ стоя сказывать, потому что это дѣло весьма священное и даже страшное.

— Ну, какъ хотите, только скорѣе сказывайте, какъ вы могли видѣть ангела и что онъ вамъ сдѣлалъ.

— Извольте-съ, я начинаю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Я, какъ несомнѣнно можете по мнѣ видѣть, человекъ совсѣмъ незначительный, я болѣе ничего какъ мужикъ, и

воспитаніе свое получилъ по состоянію, самое деревенское. Я не здѣшній, а дальній, ремесломъ я каменщикъ, а рожденъ въ старой русской вѣрѣ. По сиротству моему я сызмалства пошелъ со своими земляками въ отходныя работы и работать въ разныхъ мѣстахъ, но все при одной артели, у нашего же крестьянина, Луки Кирилова. Этотъ Лука Кириловъ живъ по сіи дни: онъ у насъ самый первый рядчикъ. Хозяйство у него было стародавнее, еще отъ отцовъ заведено, и онъ его не расточилъ, а увеличилъ и создалъ себѣ житницу велику и обильну, но былъ и есть человекъ прекрасный и не обидчикъ. И ужъ зато куда-куда мы съ нимъ ни ходили? Кажется, всю Россію изошли, и нигдѣ я лучше и степеннѣе его, хозяина, не видалъ. И жили мы при немъ въ самой тихой патриархіи, онъ у насъ былъ и рядчикъ, и по промыслу и по вѣрѣ наставникъ. Путь свой на работахъ мы проходили съ нимъ точно іудей въ своихъ странствіяхъ пустынныхъ съ Моисеемъ, даже скинію свою при себѣ имѣли и никогда съ нею не разставались: то-есть имѣли при себѣ свое «Божіе благословеніе». Лука Кириловъ страстно любилъ иконописную святыню, и были у него, милостивые государи, иконы все самыя пречудныя, письма самаго искуснаго, древняго, либо настоящаго греческаго, либо первыхъ новгородскихъ или строгановскихъ иконографовъ. Икона противъ иконы лучше сіяли не столько окладами, какъ острою и плавностью предивнаго художества. Такой возвышенности я уже послѣ нигдѣ не видѣлъ!

И что были за во-иня разныя и Деисусы, и Нерукотворенный Спасъ съ омоченными власы, и преподобныя, и мученики, и апостолы, а всего дивнѣе многочислыя иконы съ дѣяніями, каковыя, наиримѣрь, Индиктъ: праздники, Страшный Судъ, Святцы, Соборы, Отечество, Шестодневъ, Цѣлебникъ, Седьмица съ предстоящими; Троица съ Авраамліямъ поклоненіемъ у дуба Мамврійскаго, и, однимъ словомъ, всего этого благолѣпія не изрещи, и такихъ иконъ нынче уже нигдѣ не напишутъ, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Палиховѣ; а о Греціи и говорить нечего, такъ какъ тамъ эта наука давно затеряна. Любили мы все эту свою святыню страстною любовью и сообща предъ нею святой елей теплили, и на артельный счетъ лошадей содержали и особую повозку, на которой везли это Божіе благословеніе

въ двухъ большихъ коробьяхъ всюду, куда сами шли. Особенно же были при насъ двѣ иконы, одна съ греческихъ переводовъ старыхъ московскихъ царскихъ мастеровъ: Пресвятая Владычица въ саду молится, а передъ Ней всѣ дерева кипарисы и ольфы до земли преклоняются; а другая Ангель Хранитель, Строганова дѣла. Изрещи нельзя, что это было за искусство въ сихъ обѣихъ свитыняхъ! Глянешь на Владычицу, какъ предъ ея чистотою бездушныя деревья преклонились, сердце таетъ и трепещетъ; глянешь на Ангела... радость! Сей Ангель вонистину былъ что-то неопи- суемое. Лицъ у него, какъ сейчасъ вижу, самый свѣтлобо- жественный и этакій скоропомощный: взоръ умиленъ; ушки съ тороцами, въ знакъ повсемѣтнаго отвсюду слышанія; одѣянье горитъ, рясны златыми преиспещрено; досицхъ пернатъ, рамена преоясаны; на персяхъ младенческой лицъ Эмануилевъ; въ правой рукѣ крестъ, въ лѣвой огнепалаящій мечъ. Дивно! дивно!.. Волосы на головкѣ кудреваты и русы, съ ушей повились и проведены волосокъ къ волоску игло- чкой. Крылья же пространны и бѣлы какъ снѣгъ, а непо- дъ лазурь свѣтлая, перо къ перу, и въ каждой бородкѣ пера усикъ къ уснку. Глянешь на эти крылья, и гдѣ твой весь страхъ дѣнется; молишься: «осѣни», и сейчасъ весь стинаешь, и въ душѣ станетъ миръ. Вотъ эта была какая икона! И были-съ эти два образа для насъ все равно, что для жидовъ ихъ Святая Святыхъ, чуднымъ Веселила худо- жествомъ изукрашенная. Всѣ тѣ иконы, о которыхъ я вне- редъ сказалъ, мы въ особой коробѣ на конѣ возили, а эти двѣ даже и на возъ не поставляли, а носили: Владычицу всегда при себѣ Луки Кирилова хозяйка Михайлица, а Ангелово изображеніе самъ Лука на своей груди сохранялъ. Былъ у него такой для сей иконы сдѣланъ парчевой ко- шель на темной пестряди и съ пуговицей, а на передней сторонѣ алыи крестъ изъ пастоящаго штофу, а вверху при- шить толстый зеленый шелковый шнуръ, чтобы вокругъ шен обвестъ. И такъ икона въ семъ содержаніи у Луки на груди всюду, куда мы шли, впереди насъ предходила, точно самъ Ангель намъ предшествовалъ. Идемъ, бывало, съ мѣ- ста на мѣсто, на новую работу стеними, Лука Кириловъ впереди всѣхъ нарѣзнымъ сажнемъ вмѣсто палочки помахиваетъ, за нимъ на возу Михайлица съ Богородичною ико- лой, а за ними мы всѣ артелью выступаемъ, а тутъ въ

полѣ травы, цвѣты по лугамъ, индѣ стада пасутся и свирѣць на свирѣли играетъ... то-есть просто сердцу и уму восхищеніе! Все шло намъ прекрасно и дивная была намъ въ каждомъ дѣлѣ удача: работы всегда находились хорошія; промежду собою у насъ было согласіе; отъ домашнихъ приходили все вѣсти спокойныя: и за все это благословляли мы предходящаго намъ Ангела, и съ пречудною его иконою, кажется, труднѣе бы чѣмъ съ жизнію своею не могли разстаться.

Да и можно ли было думать, что мы какъ-нибудь, по какому ни есть случаю, сей нашей драгоценнѣйшей самой святыни лишимся? А между тѣмъ, такое горе насъ ожидало и устроилось намъ, какъ мы послѣ только уразумѣли, не людскимъ коварствомъ, а самого онаго Путеводителя нашего смотрѣніемъ. Самъ онъ возжелалъ себѣ оскорбленія, дабы дать намъ свято постичь скорбь и тою указать намъ истинный путь, предъ которымъ всѣ до сего часа исхоженные нами пути были, что дѣбрь темная и безлѣдная. Но позвольте узнать, занятна ли моя повѣсть и не напрасно ли я ею ваше вниманіе утруждаю?

— Нѣтъ: какъ же, какъ же: сдѣлайте милость продолжайте! — воскликнули мы, заинтересованные этимъ разсказомъ.

— Извольте - съ, послушествую вамъ и, какъ сумбю, пачну излагать бывшія съ нами дивныя дивеса отъ Ангела.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Приняли мы для большихъ работъ подѣ большой городъ, на большой текучей водѣ, на Днѣпрѣ рѣкѣ, чтобы тутъ большой и нынѣ весьма славный каменный мостъ строить. Городъ стоитъ на правомъ крутомъ берегу, а мы стали на лѣвомъ, на луговомъ, на отложистомъ, и объявился предъ нами весь чудный пейзажъ: древніе храмы, монастыри святыя со многими святыхъ мощами: сады густые и деревья таковыя какъ по старымъ книгамъ въ заставкахъ вишутся, то-есть островерхіе тополи. Глядишь на все это, а самого за сердце словно кто щипать станеть, такъ прекрасно! Знаете, конечно, мы люди простые, но прензящество богозданной природы все же ощущаемъ.

И вотъ-съ это мѣсто намъ такъ жестоко полюбилось, что мы въ тотъ же самый въ первый день начали тутъ по-

стройку себѣ временного жилища, сначала забили высокенькія сваячки, потому что мѣсто тутъ было низменное, возлѣ самой воды, потомъ на тѣхъ сваяхъ стали собирать горницу п при ней чуланъ. Въ горницѣ поставили всю свою святыню, какъ надо, по отеческому закону: въ противенность одной стѣны складной иконостасъ раскинули въ три пояса, первый поклонный для большихъ иконъ, а выше два тябла для меньшеникихъ, и такъ возвели какъ должно лѣстницу до самаго распятія, а Ангела на аналогіи положили, на которомъ Лука Кириловъ Писаніе читалъ. Самъ же Лука Кириловъ съ Михайлицей стали въ чуланчикѣ жить, а мы себѣ рядомъ казаромку сгородили. На насъ гляючи, то же самое начали себѣ строить и другіе, которые пришли надолго работать, и вотъ сталъ у насъ противъ великаго основательнаго города свой легкій городокъ на сваяхъ. Занялись мы работой, и пошло все какъ надо! деньги за расчетъ у англичанъ въ конторѣ вѣрныя; здоровье Богъ посылалъ такое, что во все лѣто ни одного больного не было, а Лукина Михайлица даже стала жаловаться, что сама, говоритъ, я не рада, какая у меня по всѣмъ частямъ полнота пошла. Особенно же намъ, старовѣрамъ, тутъ нравилось, что мы въ тогдашнее время повсюду за свой обрядъ гонимію подвергались, а тутъ намъ была льгота: нѣтъ здѣсь ни городского начальства, ни уѣзднаго, ни попа; никого не зримъ, и никто нашей религіи не касается и не препятствуетъ... Вволю молились: отработаемъ свои часы и соберемъ въ горницу, а тутъ уже вся святыня отъ многихъ лампадъ такъ сіяетъ, что даже сердце разгорается. Лука Кириловъ положитъ Слѣгословяницѣй началъ; а мы всѣ подхватимъ, да такъ и славимъ, что даже иной разъ при тихой погодѣ далеко за слободою слышно. И никому наша вѣра не мѣшала, а даже какъ будто еще многимъ по обычаю приходила и нравилась не только однимъ простымъ людямъ, которые къ богочитательству по русскому образцу склонны, но и иновѣрамъ. Много изъ церковныхъ, которые благочестиваго нрава, а въ церковь за рѣку ѣздить некогда, бывало стануть у насъ подъ окнами и слушаютъ и молятся начнутъ. Мы имъ этого снаружи не возбраняли: всѣхъ отогнать нельзя, потому даже и иностранцы, которые старымъ русскимъ обрядомъ интересовались, не разъ приходили наше пѣніе слушать и одобряли. Главнѣйшій строитель изъ англи-

чанъ, Яковъ Яковлевичъ, тотъ, бывало, даже съ бумажкой подъ окномъ стоять приходилъ и все норовилъ, чтобы на поту наше гласованіе замѣчать и потомъ, бывало, ходилъ по работамъ, а самъ все про себя въ нашемъ родѣ гудеть: «Бо-Господь и явился намъ», но только все это у него, разумѣется, выходило на другой штыль, потому что этого пѣнія, расположеннаго по крюкамъ, новою западною нотою въ совершенствѣ уловить невозможно. Англичане, чести имъ приписать, сами люди обстоятельные и набожные, и они насъ очень любили и за хорошихъ людей почитали и хвалили. Однимъ словомъ, привелъ насъ Господень Ангелъ въ доброе мѣсто и открылъ намъ всѣ сердца людей и весь пейзажъ природы.

И сему-то подобнымъ мврственнымъ духомъ, какъ я вамъ представилъ, жили мы безъ малаго яко три года. Спорилось намъ все, изливались на насъ всѣ успѣхи точно изъ Амалфеева рога, какъ вдругъ узрѣли мы, что есть посреди насъ два сосуда избранія Божія къ нашему наказанію. Одинъ изъ таковыхъ былъ ковачь Марой, а другой—счетчикъ Пимень Ивановъ. Марой былъ совсѣмъ простецъ, даже неграмотный, что по старообрядчеству даже рѣдкость, но онъ былъ человѣкъ особенный: видомъ неуклюжъ, на подобіе верблюда, и нѣдрнсть какъ кабанъ — одна пазуха въ полтора обхвата, а лобъ весь заросшій крутою космою и точно мраволевъ старый, а середь головы на маковиѣ гуменцо простригалъ. Рѣчь онъ имѣлъ тупую и невразумительную, все шавкалъ губами, и умъ у него былъ тугой и для всего столь нескладный, что онъ даже заучить на память молитвъ не умѣлъ, а только все, бывало, одно какое-нибудь слово твердисловить, но былъ на предбудущее прозорливъ и имѣлъ даръ вѣщевать и могъ сбывчивые намеки подавать. Пимень же, напротивъ того, былъ человѣкъ шаповатый: любилъ держать себя очень форсисто и говорилъ съ такимъ хитрымъ извищеніемъ словъ, что удивляться надо было его рѣчи; но зато характеръ имѣлъ легкій и увлекательный. Марой былъ пожилой человѣкъ, за семьдесятъ лѣтъ, а Пимень средовѣкъ и изященъ: имѣлъ волосы курчавые, посрединѣ проборъ; брови кохловатыя, лицо съ подрумянкой, словомъ, веліарь. Вотъ въ сихъ двухъ сосудахъ и забродила вдругъ оцетность терпкаго питія, которое надлежало намъ испить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мостъ, который мы строили на восьми гранитныхъ быкахъ, уже высоко надъ водою возросъ, и въ лѣто четвертаго года мы стали на тѣ столбы желѣзные цѣпи закладывать. Только тутъ было вышла маленькая задержка: стали мы разбирать эти звенья и пригонять по мѣркамъ къ каждой дункѣ стальные заклепы, какъ оказалось, что многіе болты длинны, и отсѣкать ихъ надо, а каждый тотъ болтъ, — по-англицки штанга стальная, и дѣланы они все въ Англіи, — отлить изъ крѣпчайшей стали и толщины въ руку рослаго человѣка. Нагрѣвать этихъ болтовъ было нельзя, потому что тѣмъ сталь отпускается, а шилтъ ее никакой инструментъ не бралъ: но на все на это нашъ Марой ковачъ пзымѣлъ вдругъ такое средство, что облѣпнть это мѣсто, гдѣ надо отсѣчь, густою колоніею изъ телѣжнаго колеса съ песковымъ жвиромъ, да и сунеть всю эту штуку въ снѣгъ, и еще вокругъ солью осыпнть, и вертнть и крутнть; а потомъ оттуда ее сразу выхватнть, да на горячее ковало, и какъ треснетъ балдой, такъ какъ восковую свѣчу будто ножницами и отстрижетъ. Англичане все и нѣмцы приходили на это хитрое Мароево умудрѣнне смотрѣли, и глядять, глядять, да вдругъ разсмѣются и заговорятъ сначала промежь себя по-своему, а потомъ на нашемъ языкѣ скажутъ:

— Такъ, русскъ! Твой молодецъ; твой короннъ физикъ понимай!

А какой тамъ «физикъ» могъ понимать Марой: онъ о наукѣ никакого и понятія не имѣлъ, а произвелъ просто какъ его Господь умудрилъ. А нашъ Пименъ Ивановъ и пошелъ объ этомъ бахвалнть. Значнть и пошло въ обѣ стороны худо: одни все причнтали къ наукѣ, о которой тотъ нашъ Марой и помыслу не зналъ, а другіе заговорили, что надъ нами-де видимая Божія благодать творнть дивеса, какихъ мы никогда и не зрѣли. И эта послѣдняя вещь была для насъ горше первыя. Я вамъ докладывалъ, что Пименъ Ивановъ былъ слабый человѣкъ и любосластецъ, а теперь объясню, зачѣмъ мы его, однако, въ своей артели содержали; онъ у насъ ѣздилъ въ городъ за провнзеей, закупалъ какія надо покупки; мы его посылали на почту паспорты и деньги ко дворамъ отправлять и назадъ новые паспорты онъ отнбралъ. Вообще, вотъ всю этакую справу чннилъ и, по

правдѣ сказать, былъ онъ намъ человѣкъ въ этомъ родѣ пужный и даже очень полезный. Настоящій степенный старовѣръ, разумѣется, всегда подобной суеты чуждается и от общенія съ чиновниками бѣжить, ибо отъ нихъ мы, кромѣ досажденія, ничего не видѣли, но Пименъ радъ суетѣ, и у него на томъ берегу въ городѣ завелось самое изобильное знакомство: и торговцы, и господа, до которыхъ ему по артельнымъ дѣламъ бывали касательства, все его знали и почитали его за перваго у насъ человѣка. Мы этому случаю, разумѣется, посмѣивались, а онъ страсть какъ былъ охочъ съ господами чай пить да велерѣчить: тѣ его нашимъ старинною величаютъ, а онъ только улыбается, да по нутру свою бороду разстилаетъ. Однимъ словомъ сказать, пустоша! И занесло этого нашего Пимена къ одному немаловажному лицу, у котораго была жена изъ нашихъ мѣстъ родомъ, такая была тоже словесница, и начиталась она про насъ какихъ-то новыхъ книгъ, въ которыхъ неизвѣстно намъ, что про насъ писано, и вдругъ не знаю, съ чего-то ей пришло на умъ, что она очень старовѣровъ любить. Вотъ вѣдь удивительное дѣло: къ чему она избралась сосудомъ! Ну, любить насъ и любить, и всегда, какъ нашъ Пименъ зачѣмъ къ ея мужу придетъ, она его сейчасъ непременно сажаетъ чай пить, а тотъ тому и радъ, и разовѣетъ предъ ней свои свитки.

Та своимъ бабымъ языкомъ сурѣчить, что вы-де, старовѣрцы, и такіе-то и вотъ такіе-то, святые, праведные, присвоблаженные, а нашъ велиаръ очи разоцѣ раскосить, головушку на-бокъ, бороду маслить, а голосомъ сластить:

— Какъ же, государыня. Мы-де отеческій законъ блюдемъ, мы и такія-то, мы и вотъ такія-то правила содержимъ и другъ друга за чистотою обычая смотримъ, и словомъ, говорить ей все такое, что совѣмъ къ разговору съ мірскою женщиной не принадлежащее. А межъ тѣмъ та, представьте, интересуется.

— Я слыхала, говоритъ, что къ вамъ Божіе благословеніе видимо, говоритъ. проявляется.

А тотъ сейчасъ и подхватываетъ:

— Какъ же, отвѣчаетъ, матушка, проявляется; весьма зримо проявляется.

— Видимо?

— Видимо, говоритъ, государыня, видимо. Вотъ еще

на сихъ дняхъ нашъ одинъ человѣкъ могучую сталь какъ паутину щипаль.

Барынька такъ и всплеснула ручонками.

— Ахъ, говорить,—какъ интересно! ахъ, я ужасно люблю чудеса и вѣрю въ нихъ! Знаете, говорить, прикажите вы, пожалуйста, своимъ старовѣрамъ, чтобъ они помолились, чтобы миѣ Богъ дочь далъ. У меня есть два сына, но миѣ непременно хочется одну дочь. Можно это?

— Можно-съ,—отвѣчаетъ Пимень;—отчего же-съ; очень можно! Только, говорить, въ таковыхъ случаяхъ надо всегда, чтобъ отъ васъ жертвенный слей теплится.

Та съ великимъ своимъ удовольствіемъ даетъ ему на масло десять рублей, а онъ деньги въ карманъ и говорить:

— Хорошо-съ, будьте благонадежны, я повелю.

Намъ объ этомъ Пимень, разумѣется, ничего не сказываетъ, а у барыни родится дочь.

Фу! та такъ и замуѣла, еще послѣ родовъ обмогнуться не успѣла, какъ зоветъ нашего пустошу и чувствуетъ его, словно бы онъ самъ былъ тотъ чудотворецъ, а онъ и это пріемлетъ. Вотъ вѣдь до чего осуетится человѣкъ и омрачить умъ его, и оледенѣютъ чувства. Черезъ годъ у госпожи опять до нашего Бога просьба, чтобы мужъ ей дачу на лѣто нанялъ, — и опять все ей, по ея желанію, дѣлается, а Пимену все на свѣщи да на слей жертвы, а онъ эти жертвы куда надо, на нашъ бокъ не перенавляя, при-страиваетъ. И дѣвеса, дѣйствительно, дѣлались непонятныя: былъ у этой госпожи старшій сынъ въ училищѣ и былъ онъ первый потаскунъ и лѣнивый нестягъ, и ничему не учился, но какъ пришло дѣло къ экзамену, она шлетъ за Пименомъ и даетъ ему заказъ помолиться, чтобъ ея сына въ другой классъ перевели. Пимень говоритъ:

— Дѣло трудное; надо миѣ будетъ всѣхъ своихъ на всю ночь на молитву согнать и до утра со свѣщами вошіять.

А та ли за что не стоитъ; тридцать рублей ему вручила, только молитесь! И что же вы думаете? Выходитъ такое счастье этому ея блудягѣ сыну, что переводятъ его въ высшій классъ. Барыня мало отъ радости съ ума не сошла, что за ласки такія нашъ Богъ ей дѣлаетъ! Заказъ за заказомъ стала давать Пимену, и онъ ей уже выхлопоталъ у Бога и здоровья, и наслѣдство, и мужу чинъ большой, и орденвъ столько, что всѣ на груди не вмѣщались, такъ

одинъ онъ въ карманѣ, говорятъ, носилъ. Диво да и только, а мы все ничего не знаемъ. Но настала часъ всему этому обличиться и премѣниться однимъ девисамъ на другія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Замутилось что-то въ одномъ жидовскомъ городѣ той губерніи по торговой части у жидовъ. Не скажу вамъ навѣрно, деньги ли они неправильныя имѣли, или какой безпошлинный торгъ производили, но только надо было это начальству раскрыть, а тутъ награда предвидѣлась велемощная. Вотъ барынька и шлетъ за нашимъ Пименемъ и говорить:

— Пимень Ивановичъ, вотъ вамъ двадцать рублей на свѣчп и на масло; велите своимъ какъ можно усерднѣе молиться, чтобы въ эту командировку моего мужа послали.

Тому какое горе! Онъ уже разохотился эту елейную податъ-то собирать. и отвѣчаетъ:

— Хорошо, государыня, я повелю.

— Да, чтобъ они хорошенько, говорятъ, молились, потому мнѣ это очень нужно!

— Смѣютъ ли же они, государыня, у меня плохо молиться, когда я приказываю, — заспокоилъ ее Пимень: — я ихъ голодомъ запоцую, пока не вымолютъ, — взялъ деньги да и былъ таковъ, а барину въ ту же ночь желанное его супругою назначеніе сдѣлано.

Ну, уже тутъ ей такъ отъ этой благодати въ лобъ вступило, что она недовольна сдѣлалась нашей молитвой, а возжелала непремѣнно сама нашей святынѣ пославословить.

Говоритъ она объ этомъ Пимену, а онъ струсилъ, потому зналъ, что наши ее до своей святыни не допустятъ; но барыня не отстааетъ.

— Я, говоритъ, какъ вы хотите, сегодня же предъ вечеромъ возьму лодку и къ вамъ съ сыномъ приѣду.

Пимель ее уговаривалъ, что лучше, говоритъ, мы сами помолитвямъ; у насъ есть такой Ангель-Хранитель, вы ему на елей пожертвуйте, а мы ему супруга вашего и доверимъ сохранять.

— Ахъ, прекрасно, — отвѣчаетъ: — прекрасно; я очень рада, что есть такой Ангель; вотъ ему на масло, и зажгите предъ нимъ непремѣнно три лампады, а я приѣду посмотреть.

Пшмену плохо пристигло. онъ и пришелъ, да и ну намъ виноватиться, что такъ-де и такъ, я, говорить,—ей, еллинкѣ гадостной, не перечить, когда она желала, потому какъ мужъ ея намъ чловѣкъ нужный, и насказалъ намъ съ три короба, а всего, что онъ дѣлалъ, все-таки не высловилъ. Ну, сколь намъ было это ни неприятно, но дѣлать было нечего; мы поскорѣе свои иконы со стѣнъ снимали, да попрятали въ коробки, а изъ коробей кое-какія замѣнные заставки, что содержали страха ради чиновничьяго наше-ствія, въ тяблы поставили и ждемъ гостейку. Она и приѣхала; такая-то разфуфыренная, что страхъ; широкими да долгими своимн ометами такъ и мететь и все на тѣ наши замѣнные образа въ лорнетку смотреть и спрашиваетъ: «скажите, пожалуйста, который же тутъ чудотворный Ангель?» Мы уже не знаемъ, какъ ее и отбить отъ такого разговора:

— У насъ, говоримъ, такового Ангела нѣтъ.

И какъ она ни добивалась, и Пшмену выговаривала, но мы ей Ангела не показали, и скорѣе ее чаемъ повели поить и какими имѣли закусками угощать.

Страшно она намъ не понравилась, и Богъ знаетъ почему: видъ у нея былъ какой-то оттолковенный, даромъ, что она будто красивою почиталась. Высокая, знаете, этакая цыбастая, тоненькая, какъ сойга, и бременосная.

— Вамъ этакая красота не нравится? — перебила разсказчика медвѣжья шуба.

— Помилуйте, да что же въ змиевидности можетъ нравиться?—отвѣчалъ онъ.

— У васъ что же почитается красотой, чтобы женщина на кочку была похожа?

— Кочку!—повторилъ, улыбувшись и не обижаясь, разсказчикъ. — Для чего же вы такъ полагаете? У насъ въ русскомъ настоящемъ понятіи насчетъ женскаго сложенія соблюдается свой типъ, который по нашему гораздо нынѣшняго легкомыслія соответственнѣе, а совсѣмъ не то, что кочка. Мы длинныхъ цыбовъ точно не уважаемъ, а любимъ, чтобы женщина стояла не на долгихъ ножкахъ, да на крѣпкихъ, чтобъ она не цуталась, а какъ шарокъ всюду каталась и поспѣвала, а цыбастенькая побѣжитъ да спотыкнется. Змиевидная толшина у насъ тоже не уважається, а требуется, чтобы женщина была изъ себя поудристе

и съ пазушкой, потому оно хотя это и не такъ фигурно, да зато материнство въ ней обозначается, лобочки въ нашей настоящей чисто-русской женской породѣ хоть потѣльнѣе, помясистѣе, а зато въ этомъ мягкомъ лобочкѣ веселости и привѣта больше. То же и насчетъ носика: у нашихъ носики не горбылемъ, а все будто нипочкой, но этакая шпочка, она, какъ вамъ угодно, въ семейномъ быту гораздо благоувѣтливѣе, чѣмъ сухой гордый носъ. А особливо бровь: бровь въ лицѣ видъ открываетъ, и потому надо, чтобы бровочки у женщины не супились, а были пооткрытнѣе, дужкою, ибо къ таковой женщинѣ и заговорить человѣку повадливѣе и совсѣмъ она иное на всякаго, къ дому располагающее впечатлѣніе имѣетъ. Но нынѣшній вкусъ, разумѣется, отъ этого добраго типа отсталъ и одобряетъ въ женскомъ полѣ воздушную эфемерность, но только это совершенно напрасно. Однако, позвольте, я вижу, мы уже не про то заговорили. Я лучше продолжать буду:

Нашъ Пимень, какъ суетившійся человѣкъ, видитъ, что мы, проводивъ гостью, стали на нее критику произносить, и говоритъ:

— Чего вы? она добрая.

А мы отвѣчаемъ: какая, молъ, она добрая? когда у нея добра въ обличьи нѣтъ, но Богъ тамъ съ нею: какая она есть, такая и будь, мы уже рады были, что ее выпроводили и взялись скорѣй ладаномъ курить, чтобъ ея и духомъ у насъ не нахло.

Послѣ сего мы вывели отъ гостюшкиныхъ слѣдковъ горенку; замѣнные образа опять на ихъ мѣсто за перегородку въ коробья уклали, а оттуда достали свои настоящія иконы; размѣстили ихъ по тябламъ, какъ было по старому, покропили ихъ святой водой; положили началъ и пошли каждый куда ему слѣдовало на ночной покой, но только Богъ вѣсть, отчего и зачѣмъ всѣмъ что-то въ ту ночь не спалось — было какъ будто жутко и неспокойно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Утромъ пошли мы всѣ на работу и дѣлаемъ свое дѣло, а Луки Кирилова нѣтъ. Это, суди по его аккуратности, было удивительно, но еще удивительнѣе мнѣ показалось, что приходитъ онъ часу въ восьмомъ весь блѣдный и разстроенный.

Зная, что онъ человѣкъ съ обладаніемъ и пустымъ скорбямъ не любилъ поддаваться, я и обратилъ на это вниманіе и спрашиваю: «Что такое съ тобою, Лука Кириловъ?» А онъ говоритъ: «Послѣ скажу».

Но я тогда, по молодости моей, страсть какъ былъ любопытенъ и къ тому же у меня вдругъ откуда-то взялось предчувствіе, что это что-нибудь недоброе по вѣрѣ; а я вѣру чтилъ и невѣромъ никогда не былъ.

А потому не могъ я этого долго терпѣть и подъ какимъ ни есть предлогомъ покинулъ работу и побѣжалъ домой; думаю: пока никого дома нѣтъ, распытаю я что-нибудь у Михайлицы. Хоша ей Лука Кириловъ и не открывался, но она его, при всей своей простотѣ, все-таки какъ-то пронюхала, а таиться отъ меня она не станетъ, потому что я былъ съ дѣтства сиротою и у нихъ вмѣсто сына возросъ, и она мнѣ была все равно какъ второродительница.

Вотъ-съ я ударяюсь къ ней, а она, гляжу, сидитъ на крылечкѣ въ старомъ шумунѣ на опашку, а сама вся какъ больная, печальная и этакая зеленеватая.

— Что вы, говорю, второродительница, на такомъ мѣстѣ усѣвшись?

А она отвѣчаетъ:

— А гдѣ же мнѣ, Марочка, притулиться?

Меня зовутъ Маркъ Александровъ; но она, по своимъ материнскимъ чувствамъ ко мнѣ, Марочкой меня звала.

— Что это, думаю себѣ, она за нустики такіе мнѣ говорить, что ей негдѣ притулиться?

— А зачѣмъ же, говорю, вы въ чуланчикѣ у себя не ляжете?

— Нельзя, говоритъ, Марочка, тамъ въ большой горницѣ дѣдъ Марой молится.

«Ага! вотъ, думаю, такъ и есть, что что-нибудь по вѣрѣ случилось», а тетка Михайлица и начинаеть:

— Ты вѣдь, Марочка, небось ничего, дити, не знаешь, что у насъ тутъ въ ночи случилось?

— Нѣтъ, молъ, второродительница, не знаю.

— Ахъ, страсти!

— Расскажите же скорѣе, второродительница.

— Ахъ, не знаю какъ, можно ли это рассказать?

— Отчего же, говорю, не скажете: развѣ я вамъ какой чужой, а не вмѣсто сына?

— Знаю, родной мой,—отвѣчаетъ:—что ты мнѣ вмѣсто сына, ну, только я на себя не надѣюсь, чтобъ я могла тебѣ это какъ надо высловить, потому что глупа я и безталанна, а вотъ погоди—дядя послѣ шабаша придетъ, онъ тебѣ небось все расскажетъ.

Но я никакъ не могъ, чтобы дожидаться, и присталъ къ ней: «скажи да скажи мнѣ сейчасъ, въ чемъ все происшествіе».

А она, гляжу, все моргаетъ, моргаетъ глазами и всѣ у нея глаза дѣлаются полны слезъ и она ихъ вдругъ груднымъ платкомъ обмахнула и тихо мнѣ шепчетъ:

— У насъ, дитя, сею ночью Ангелъ-Хранитель сошелъ. Меня отъ всего этого открытія въ трепеть бросило.

— Говорите, прошу, скорѣе: какъ это диво сталося и кто были онаго дивозрители?

А она отвѣчаетъ:

— Дивеса, дитя, были непостижныя, а дивозрителей никого, кромѣ меня, не было, потому что случилось все это въ самый глухой полунощный часъ, и одна я не спала.

И рассказала она мнѣ, милостивые государи, такую повесть:

— Уснувъ, говорить, помолвившись, не помню я сколько спала, но только вдругъ вижу во снѣ пожаръ, большой пожаръ: будто у насъ все погорѣло, и рѣка золу несетъ, да въ завертахъ около быковъ крутить и въ глубь плотаетъ, сосетъ. А самой насчетъ себя Михайлицѣ кажется, будто она, выскочивъ въ одной ветхой срачицѣ, вся въ дыркахъ, и стоитъ у самой воды, а противъ нея, на томъ берегу стремитъ высокій красный столбъ, а на томъ столбѣ небольшой бѣлый пѣтухъ и все крыльями машетъ. Михайлица будто и говоритъ: «Кто ты такой?» потому что чувствами ей далось знать, что эта птица что-то предвозвѣщаетъ. А пѣтелокъ этотъ вдругъ будто человѣческимъ голосомъ возгласилъ: «Аминь»; и сникъ, и его уже нѣтъ, а стала вокругъ Михайлицы тишь, и такое въ воздухѣ тощеніе, что Михайлицѣ страшно дѣлалось и продохнуть нечѣмъ, и она проснулась и лежитъ, а сама слышитъ, что подъ дверями у нихъ барашекъ заблещалъ. И слышно ей по голосу, что это самый молодой барашекъ, съ котораго еще родимое руно не тронуту. Прозвенѣлъ онъ чистымъ серебрянымъ голосочкомъ «бя-я-я», и вдругъ уже чувствуетъ Михайлица, что онъ по молебной горницѣ ходитъ, копытками-то этакъ по

половицамъ чокъ-чокъ-чокъ частенько перебираетъ и все будто кого ищетъ. Михайлица и разсуждаетъ: «Господи Иисусе Христе! что это такое: овецъ у насъ во всей нашей приходской слободѣ нѣтъ и агниться нечему, а откуда же это молозиво къ намъ забѣжало?» И въ ту пору стренулася: «Да и какъ, молъ, онъ въ избу попадъ? Вѣдь это, значить, мы во вчерашней суетѣ забыли со двора двери запереть: слава Богу, думаетъ, что это еще агнецъ вскочилъ, а не песь со двора къ святынѣ забрался». Да и ну съ этимъ Луку будить; «Кирилычъ, кличетъ, Кирилычъ! Проклялся, голубчикъ, скорѣе, у насъ дверь отворена и какое-съ молозиво въ избу вскочило», а Лука Кириловъ, какъ на сей грѣхъ, мертвымъ сномъ объять спитъ. Какъ его Михайлица ни будить, никакъ не добудится: мычить онъ, а ничего не высловить. Что Михайлица еще жопе трясетъ и двизаетъ, то онъ только громче мычить. Михайлица его и стала просить, что «ты, молъ, имя-то Иисусово вспомяни», но только-что она сама это имя выговорила, какъ въ горницѣ кто-то завизжитъ, а Лука въ ту же минуту сорвался съ кровати и бросился-было впередъ, но его вдругъ посреди горницы какъ будто мѣдяна стѣна отшибла. «Дуй, баба, огонь! Дуй скорѣе огонь!» — кричитъ онъ Михайлицѣ, а самъ ни съ мѣста. Та запалила свѣчечку и выбѣгаетъ, а онъ блѣднолицъ, какъ осужденный насмертникъ, и дрожить такъ, что не только гапликъ на шеѣ ходить, а даже остегны на ногахъ трясутся. Баба опять до него: «Кормилецъ, говоритъ, что это съ тобой?» А онъ ей только показываетъ перстомъ, что тамъ, гдѣ Ангелъ былъ, пустое мѣсто, а самъ Ангелъ у Луки вскрай ногъ на полу лежитъ.

Лука Кириловъ сейчасъ къ дѣду Марою и говоритъ: такъ и такъ, вотъ что моя баба видѣла и что у насъ сдѣлалось, поди посмотри. Марой пришелъ и сталъ на колыняхъ передъ лежащимъ на полу Ангеломъ и долго стоялъ надъ нимъ недвижимо, какъ измрамранъ нагробникъ, а потомъ, поднявъ руку, почесалъ остриженное гүменцо на маковкѣ и тихо молвилъ:

— Принесите сюда двѣнадцать чистыхъ плинфъ новаго обожженнаго кирпича.

Лука Кириловъ сейчасъ это принесъ, а Марой осмотрѣлъ плинфы и видитъ, что всѣ они чисты, прямо изъ огненнаго

горна, и велѣлъ Лукѣ класть ихъ одна на другую, и возвели они такимъ способомъ столбъ, накрыли его чистою пириной, вознесли на него икону, и потомъ Марой, положивъ земной поклонъ, возгласили:

— Ангель Господень, да проліются стопы твоя аможе хощени!

И только что онъ эти слова проговорилъ, какъ вдругъ въ двери стукъ-стукъ-стукъ и незнакомый голосъ зоветъ:

— Эй вы, раскольники: кто у васъ тутъ набольшій?

Лука Кириловъ отворяетъ дверь и видитъ стоитъ солдатъ съ медалью.

Лука спрашиваетъ: какого ему надо набольнаго? А онъ отвѣчаетъ:

— Того самаго, говорить, что къ барынѣ ходилъ, котораго Пименомъ звать.

Ну, Лука сейчасъ бабу за Пименомъ послать, а самъ спрашиваетъ: что такое за дѣло? на чтò его въ ночи по Пимена послали?

Солдатъ говорить:

— Додолжно не знаю, а слышно что-то тамъ съ баринномъ жиды неловкое дѣло устроили.

А что такое именно, рассказать не можетъ.

— Слыхалъ-де, говорить, какъ будто баринъ ихъ запечаталъ, а они его запечатѣли.

Но какъ это они другъ друга запечатали — ничего вразумительно рассказать не можетъ.

Тѣмъ временемъ подошелъ и Пимень, и самъ, какъ жидъ, то туда, то сюда вертитъ глазами: видно самъ не знаетъ, что сказать. А Лука говорить:

— Что же ты, шилманъ ты этакій, стая, ступай те-перь производи свое шилманство въ окончаніе!

Они вдвоемъ съ солдатомъ сѣли въ лодку и поѣхали.

Черезъ часъ впрочемъ нашъ Пимень и ботвить будто бодръ, а видно, что ему жестоко не по себѣ.

Лука его и допрашиваетъ:

— Говори, говорить, — говори лучше, вѣтрогонъ, все по откровенности, что ты тамъ такое надѣлалъ?

А онъ говорить:

— Ничего.

Ну, такъ и осталось будто ничего, а совсѣмъ было не ничего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Съ бариномъ, за котораго нашъ Пимень молился, преудивительная штука совершилась. Онъ, какъ я вамъ докладывалъ, поѣхалъ въ жиловскій городъ и пріѣхалъ туда поздно ночью, когда никто о немъ не думалъ, да прямо всѣ до одной лавки и опечаталъ, и далъ знать полиціи, что завтра утромъ съ ревизіей пойдетъ. Жиды это, разумѣется, сейчасъ узнали и сейчасъ же ночью къ нему, просить его, чтобы на сдѣлку, знать того незаконнаго товара у нихъ пропасть было. Пришли они и суютъ этому барину сразу десять тысячъ рублей. Онъ говоритъ: я не могу, я большой чиновникъ, довѣрюсь облеченъ и взятокъ не беру; а жиды промежь себя гыр-гыр-гыр, да ему нятнадцать. Онъ опять «не могу»; они двадцать. Онъ, что же вы, говоритъ, не понимаете, что ли, что я не могу, я уже полиціи далъ знать, чтобы завтра вмѣстѣ идти ревизовать. А они опять гыр-гыр, да и говорятъ:

— Ази-язи, васе сятельство, то зи ничего зи, что вы дали знать въ полицію, мы вамъ вотъ дасемъ зи двадцать пять тысячъ, а вы зи только дайте намъ до утра вашу печатку и лозитесь себѣ спокойно пощивать: намъ ничего больше не нужно.

Баринъ подумалъ - подумалъ: хотя онъ и большимъ лицомъ себя почиталъ, а видно и у большихъ лицъ сердце не камень, взялъ двадцать пять тысячъ, а имъ далъ свою печать, которою печатывалъ, и самъ легъ спать. Жидки, разумѣется, ночью все что надо было изъ своихъ склеповъ вытаскали и опять ихъ тою же самою печатью запечатали, и баринъ еще спитъ, а они уже у него въ передней горгочатъ. Ну, онъ ихъ впустилъ; они благодарить и говорятъ:

— А зи теперь зи, васе высокоблагородіе, пожалуйста съ ревизіей.

Ну, а онъ этого какъ будто не слышитъ, а говоритъ:

— Давайте же скорѣе мою печать.

А жиды говорятъ:

— А давайте зи наши деньги.

Баринъ: «что? какъ?» А тѣ на своемъ стали:

— Мы зи, говорятъ, деньги подъ залогъ оставляли.

Тотъ опять:

— Какъ подь залогъ?

— А какъ зи, говорятъ, мы подь залогъ.

— Врете, говоритъ, вы подлецы этакіе, христопродавцы, вы мнѣ совсѣмъ тѣ деньги отдали.

А они другъ друга поталкиваютъ и смѣются.

— Гёршь-ту, говорятъ, слышь, мы будто совсѣмъ дали... Гм. гм! Ай вай: рази мы моземъ быть такіе глупые и совсѣмъ какъ мужики безъ политикю, чтобы такому большому лицу хабара давать? («Хабаръ» по-ихнему взятка).

Ну-съ, чего лучше этой исторіи можете себѣ вообразить? Господину бы этому, разумѣется, отдать деньги, да и дѣло съ концомъ, а онъ еще покаризначалъ, потому что жалъ разстаться. Наступило утро; вся торговля въ городѣ заперта; люди ходять, дивуются; полиція требуетъ печати, а жидки орутъ: «Ай вай, ну, что это такое за государственное правленіе! Это высокое начальство насъ разорить желаютъ». Гвалтъ ужасный! Баринъ запершись сидитъ и до обѣда чуть ума не рѣшился, а къ вечеру зоветь тѣхъ хитрыхъ жидковъ и говоритъ: «Ну, берите, проклятые, свои деньги, только отдайте мнѣ мою печать!» А тѣ уже не хотятъ, говорятъ: «А зи какъ же это можно! Мы весь городъ цѣлый день не торговали: теперь намъ съ вашего благородія надо пятьдесятъ тысячъ». Видите, что пошло! А жидки грозятъ: «Если нынче, говорятъ, пятьдесятъ тысячъ не дадите, завтра еще двадцать пятью тысячами больше будетъ стоить!» Баринъ всю ночь не спалъ, а къ утру опять шлетъ за жидками, и всѣ имъ деньги, которыя съ нихъ взялъ, назадъ имъ отдалъ и еще на двадцать пять тысячъ вексель написалъ, и прошелъ кос-какъ съ ревизіей: ничего, разумѣется, не нашель, да поскорѣе назадъ, да къ жекѣ и предъ нею и рветъ и мечетъ: гдѣ двадцать пять тысячъ взять, чтобы у жидковъ вексель выкупить? «Нужно, говоритъ, твою приданую деревнишку продать», а та говоритъ: «Ни за что на свѣтѣ: я къ ней привязана». Онъ говоритъ: «это ты виновата, ты мнѣ эту посылку съ какими-то раскольниками вымолила и увѣряла, что ихъ Ангелъ мнѣ поможетъ, а онъ между тѣмъ вотъ какъ мнѣ славио помогъ.» А она отвѣчаетъ: «что ты, говорить, самъ виноватъ, зачѣмъ былъ глупъ и тѣхъ жидковъ не арестовалъ, да не объявилъ, что они у тебя печать украли, а между прочимъ, говоритъ, это ничего: ты только

докорайся мнѣ, а ужъ я дѣло поправлю, и за твою неразумительность другіе заплатятъ.» И вдругъ, на кого тамъ случилась, крикнула-гаркнула: «сейчасъ, живо, говорить, съѣздить за Днѣпръ и привезть мнѣ раскольниковкаго старосту.» Ну, посоль, разумѣется, пошелъ и привезъ нашего Пимена, а барыня ему прямо безъ обинячки: «Послушайте, говорить, я знаю, что вы умный человекъ и поймете, что мнѣ нужно: съ моимъ мужемъ случилась маленькая неприятность, его одни мерзавцы ограбили... жиды... понимаете, и намъ теперь непременно на сихъ же дняхъ надо имѣть двадцать пять тысячъ и мнѣ ихъ такъ скоро достать ровно бы негдѣ; но я пригласила васъ и спокойна, потому что старовѣры люди умные и богатые, и вамъ, какъ я сама увѣрилась, во всемъ самъ Богъ помогаетъ, то вы мнѣ, пожалуйста, дайте двадцать пять тысячъ, а я съ своей стороны зато всѣмъ дамамъ буду говорить о вашихъ чудотворныхъ иконахъ, и вы увидите, сколько вы станете получать на воскъ и масло». Безъ труда, чай, можете себѣ, милостивые государи, представить, что намъ испилманъ при такомъ оборотѣ восчувствовалъ? Не знаю ужъ какими словами, но только, вѣрю я ему, онъ началъ горячо ротиться и клястися, завѣряя наше противъ такой суммы убожество, но она, эта обновленная Продиада, и знать того не хотѣла. «Нѣтъ, да мнѣ, говорить, хорошо извѣстно, что раскольники богачи, и для васъ двадцать пять тысячъ это вздоръ. Моему отцу, когда онъ въ Москвѣ служилъ, старовѣры не одинъ разъ и не такія одолженія дѣлали; а двадцать пять тысячъ это пустяки». Пимень, разумѣется, и тутъ попытался ей разъяснить, что то, моль, московскіе старовѣры, люди капитальные, а мы простые нивари-чернорабочіе, гдѣ же намъ противъ москвичей отмогуществовать. Но она имѣла въ себѣ вѣрно хорошее московское наученіе и вдругъ его осаждила: «Что вы, что вы, говорить, мнѣ это рассказываете! Развѣ я не знаю, сколько у васъ чудотворныхъ иконъ, и вы же мнѣ сами вѣдь говорили, сколько вамъ со всей Россіи на воскъ и на масло присылаютъ? Нѣтъ, я и слышать не хочу; чтобы сейчасъ мнѣ были деньги, а то мой мужъ нынче же къ губернатору поѣдетъ и все расскажетъ, какъ вы молитесь и соблазните, и вамъ скверно будетъ». Бѣдный Пимень какъ съ крыльца не свалился; пришелъ до-

мой, какъ я вамъ докладывалъ, и только одно слово твердить: «ничего», а самъ весь красный точно изъ бани и все по угламъ ходилъ, носъ сморкалъ. Ну, Лука Кириловъ его, наконецъ, малое дѣло немножечко допросился, только, разумѣется, не все онъ ему открытъ, а самую лишь ничтожность сущности обнаружилъ, какъ-то говоритъ: «Съ меня эта барыня требуетъ, чтобъ я у васъ ей пять тысячъ займы досталъ». Ну, Лука, разумѣется, и за это на него расходился: «Ахъ, ты шпилманъ этакій, говоритъ. шпилманъ; пужно было тебѣ съ ними знаться, да еще сюда ихъ водить! Что мы богачи, что ли, какіе, чтобъ у насъ такія деньги могли въ сборѣ быть? Да и за что мы должны ихъ дать? Да и гдѣ онѣ?... Какъ это задѣлывалъ, такъ и раздѣлывайся, а намъ пять тысячъ взять негдѣ». Съ этимъ Лука Кириловъ пошелъ въ свою сторону на работу и пришелъ, какъ я вамъ доложилъ, блѣдный, въ родѣ осужденнаго на смертника, потому что онъ, ночнымъ событіемъ искушенный, предвкусалъ, что это повліяетъ на насъ неприятностью: а Пименъ себѣ пошелъ въ другую сторону. Всѣ мы видѣли, какъ онъ изъ камышей въ лодочкѣ выплылъ и на ту сторону въ городъ переправился, и теперь, когда Михайлица все это мнѣ по порядку разсказала, какъ онъ о пяти тысячахъ кучился, я и домекнулъ такъ, что вѣрно онъ ударился ту барыню умлостивлять. Въ такомъ размысленіи я стою возлѣ Михайлицы да думаю, не можетъ ли для насъ изъ этого чего вреднаго воспослѣдовать и не надо ли противъ сего могущаго произойти зла какія-либо мѣры принять, какъ вдругъ вижу, что все это предпріятіе уже поздно, потому что къ берегу привалила большая ладья и я за самыми плечами у себя услыхалъ шумъ многихъ голосовъ и, обернувшись, увидалъ нѣсколько человѣкъ разныхъ чиновниковъ, примундиренныхъ всякимъ подобіемъ, и съ ними не малое число жандармовъ и солдатъ. И не успѣли мы съ Михайлицей, милостивые государи, глазомъ моргнуть, какъ всѣ они мимо насъ прямо въ Лукину горницу повалили, а у двери двухъ часовыхъ поставили съ облагодѣнными саблями. Михайлица стала на тѣхъ часовыхъ метаться, не столько для того, чтобъ ее пропустили, а чтобы постраждовать: они ее, разумѣется, стали отталкивать, а она еще ярѣе бьдается, и дошло у нихъ сраженіе до того, что одинъ жандармъ ее, наконецъ, больно зашибъ, такъ что она съ

крыльца кубаремъ скатилась. А я ударился—было за Лукою на мостъ, но гляжу, самъ Лука уже навстрѣчу мнѣ бѣжитъ, а за нимъ вся наша артель, всѣ вскрамолились и кто съ чѣмъ на работѣ былъ. кто съ ломомъ, кто съ мотыкою, всѣ бѣгутъ свою святыню оберегать... Кош не всѣ въ лодку попали и не на чемъ имъ до бережка достигнуть, во всемъ платьѣ, какъ стояли на работѣ, прямо съ мосту въ воду побросались и другъ за дружкой въ холодной волнѣ плывутъ... Даже, не повѣрите, ужасно стало чѣмъ это кончится. Стражбы той пріѣхало двадцать человѣкъ, и хотя всѣ они въ разныхъ храбрыхъ уборахъ, но на нашихъ болѣе полусотъ и всѣ высиреннею горячею вѣрой одушевленные, и всѣ они плывутъ по водѣ какъ тюленьки, и хоть ихъ колотушкой по башкамъ бей, а они на берегъ къ своей святынѣ достигаютъ, и вдругъ какъ были всѣ мокренкѣе и пошли впередъ, что твое каменіе живо и несокрушимое.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Теперь же вы извольте вспомнить, что когда мы съ Михайлицей на крыльцѣ разговаривали, въ горницѣ находился на молитвѣ дѣдъ Марой и господа чиновники со сбпрою своей тамъ его застали. Онъ послѣ и рассказывалъ, что какъ они вошли, сейчасъ дверь на захлопку и прямо кинулись къ образамъ. Одни лампады гасятъ, а другіе со стѣнъ рвутъ иконы да на полу накладываютъ, а на него кричатъ: «Ты попь?» Онъ говоритъ: «Нѣтъ, не попь». Они: «Кто же у васъ попь?» А онъ отвѣчаетъ: «У насъ нѣтъ попа». А они: «Какъ нѣтъ попа! Какъ ты смѣешь это говорить, что нѣтъ попа!» Тутъ Марой сталъ имъ было объяснять, что мы попа не имѣемъ, да какъ онъ говорилъ-то скверно, шавкавилъ, такъ они, не разобравши въ чемъ дѣло, да «связать, говорить. его, подъ арестъ!» Марой дался себя связать: хоша то ему ничего не стоило, что десятскій солдатъ ему обрывочкомъ руки опутать, но онъ стоитъ и, все это за вѣру пріемля, смотритъ, что далѣе будетъ. А чиновники тѣмъ временемъ зажгли свѣчи и ну иконы печатать: одинъ печати накладываютъ, другіе въ описи пишутъ, а третьи буравами дыры сверлятъ, да на желѣзный пруть иконы какъ котелки навизываютъ, Марой на все на это святотатственное безчиніе смотритъ и плечами не трясетъ, потому что разсуждаетъ, что такъ, вѣроятно, это

Богу изволися поустити такую дикость. Но въ это-то время слышитъ дядя Марой: одинъ жандармъ вскрикнулъ, и за нимъ другой; дверь разлетѣлася и тюленьки-то наши какъ выльзали изъ воды мокрые, такъ и пруть въ горницу. Да по счастью ихъ впереди ихъ очутился Лука Кириловъ. Онъ сразу крикнулъ:

— Стой, Христовъ народушко, не дерзничайте!—а самъ къ чиновникамъ и, указывая на эти пронзенныя прутью иконы, молвитъ:—Для чего же это вы, господа начальство, такъ святыню повреждаете? Если вы право имѣете ее у насъ отобрать, то мы власти не сопротивники—отбирайте; но для чего же рѣдкое отеческое художество повреждать?

А этой Пименовой знакомой барыньки мужъ, онъ тутъ главнѣе всѣхъ былъ, какъ крикнетъ на дядю Луку:

— Цыть, мерзавецъ! еще разсуждать смѣешь!

А Лука хоть и гордый былъ мужикъ, но смирилъ себя и тихо отвѣчаетъ:

— Позвольте, ваше высокоблагородіе, мы этотъ порядокъ знаемъ, у насъ здѣсь въ горницѣ есть полтораستا иконъ, извольте вамъ по три рубля отъ иконы, и берите ихъ, только предковскаго художества не повреждайте.

Баринъ окомъ сверкнулъ и громко крикнулъ:

— Прочь!—а шопотомъ шепнулъ:—Давай по сту рублей со штуки, иначе всѣ выпеку.

Лука этакой силы денегъ дать и сообразить не могъ и говорить:

— Богъ съ вами, если такъ: губите все какъ хотите, а у насъ такихъ денегъ нѣтъ.

А баринъ какъ завопіеть излиха:

— Ахъ ты козелъ бородатый, да какъ ты смѣлъ при насъ о деньгахъ говорить?—и тутъ вдругъ заметался, и все, что видѣлъ изъ божественныхъ изображеній,—въ склбы собралъ, и на концы прутьевъ гайки наворачнули и припечатывали, чтобы, значить, ни снять, ни обмѣнить было невозможно. И все уже это было собрано и готово, они стали совсѣмъ выходить: солдаты взяли набранныя на болты склбы иконъ на плечи и понесли къ лодкамъ, а Михайлица, которая тоже за народомъ въ горницу пробралась, тѣмъ часомъ тихонько скрала съ аналогія ангельскую икону и тащить ее подъ платкомъ въ чуланъ, да какъ руки-то у нея дрожатъ, она ее и выронила. Батюшки мои, какъ баринъ

расходился и звалъ насъ и ворами-то. и мошенниками и говорить:

— Ага! вы, мошенники, хотѣли ее скрасть, чтобъ она на болтъ не попала; ну, такъ она же на него не попадетъ, а я ее вотъ какъ!—да, накопивши сургучную палку, прямо какъ ткнетъ княщею смолой съ огнемъ въ самый ангельскій ликъ!

Милостивые государи, вы на меня не посѣтуйте, что я и пробовать не могу описать вамъ, что тутъ произошло, когда баринъ излилъ кипящую смоляную струю на ликъ Ангела и еще, жестокий человѣкъ, поднялъ икону, чтобы похвастать какъ нашелъ досадить намъ. Помню только, что пресвѣтлый ликъ этотъ божественный былъ красенъ и запечатлѣнъ, а изъ-подъ печати олифа, которая подъ огневою смолой самую малость сверху растаяла, струила внизъ двумя потеками, какъ кровь, въ слезъ растворенная...

Всѣ мы ахнули и, закрывъ руками глаза свои, пали ницъ и застонали какъ на пыткѣ. И такъ мы разошлись, что и темная ночь застала насъ воющихъ и голосящихъ по своему запечатлѣнному Ангелѣ, и тутъ-то въ сей тьмѣ и тишинѣ на разрушенной отчей святынѣ пришла намъ мысль: услѣдить, куда нашего хранителя дѣнуть, и поклялись мы скрасть его, хотя бы съ опасностью жизни, и запечатлѣть, а къ исполненію сей рѣшимости избрали меня, да молодого паренька Левонтія. Этотъ Левонтій годами былъ еще суцій отрокъ, не болѣе какъ семнадцать лѣтъ, но великотьлесенъ, добръ сердцемъ, богочтителъ съ дѣтства своего и послушливъ и благонравенъ, что твой ретивъ бѣлъ конь среброуздень.

Лучшаго сомудренника и содѣателя и желать нельзя было на такое опасное дѣло, какъ прослѣдить и исхитить запечатлѣннаго Ангела, ослѣпленное видѣніе котораго намъ до немощи было непереносно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Не стану утруждать васъ подробностями какъ мы съ моимъ сомудренникомъ и содѣйствителемъ, сквозь плины уши лазучи, во все выкали, а буду прямо рассказывать о горести, которая овладѣла нами, когда мы узнали, что пробурованныя чиновниками иконы наши, какъ онѣ были скибами на болты нанизаны, такъ ихъ въ консисторію въ под-

валъ и свалили, это уже дѣло пропащее и какъ въ гробъ погребенное, о нихъ и думать было нечего. Пріятно, однако, было то, что говорили, будто самъ архіерей такой дикости соображенія не одобрилъ, а, напротивъ, сказалъ: «Къ чему это?» и даже за старое художество заступился и сказалъ: «Это древнее, это надо беречь!» Но вотъ что худо было, что не прошла бѣда отъ непочтенія, какъ новая, еще большая отъ сего почитателя возросла: самъ этотъ архіерей, надо полагать, съ нехудымъ, а именно съ добрымъ вниманіемъ взялъ нашего замечательнаго Ангела и долго его разсматривалъ, а потомъ отверлъ въ сторону взглядъ и говорить: «Смятенный видъ! Какъ ужасно его изнеявтели! Не кладите, говорить, сей иконы въ подвалъ, а поставьте ее у меня въ алтарѣ на окнѣ за жертвенникомъ». Такъ слуги архіереевы, по его приказанію, и исполнили, и я долженъ вамъ сказать, что такое вниманіе со стороны церковнаго іерарха намъ было, съ одной стороны, очень пріятно, но съ другой—мы видѣли, что всякое намѣреніе наше выкрасть своего Ангела стало невозможно. Оставалось другое средство: подкупить слугъ архіереевыхъ и съ ихъ помощію подмѣнить икону инымъ въ соотвѣтствіе сей хитро написаннымъ подобіемъ. Въ этомъ тоже наши старовѣры не разъ успѣвали, но для сего прежде всего нуженъ искусный и опытной руки изографъ, который бы могъ сдѣлать на подмѣнъ икону въ точности, а такового изографа мы въ тѣхъ мѣстахъ не предвидѣли. И напала на насъ на всѣхъ съ этихъ поръ сугубая тоска, и пошла она по насъ какъ водный трудъ по закожью: въ горницѣ, гдѣ одни словословія слышались, стали раздаваться одни вопленія, и въ недолгомъ же времени всѣ мы развоплились даже до немощи и земли подъ собою отъ полныхъ слезами очей не видимъ, а чрезъ то или не черезъ это, только пошла у насъ болѣзнь глазъ и стала она весь народъ перебирать. Просто чего никогда не было, то теперь сдѣлалось: нѣтъ мѣры что больныхъ! Во всемъ рабочемъ народѣ пошелъ толкъ, что все это не сирота, а за старовѣрскаго Ангела: «его, баютъ, замечательнѣе ослѣпили, а теперь всѣ мы слѣпнемъ», и такимъ толкованіемъ не мы одни, а всѣ и церковные люди вскрамолились, и сколько хозяева-англичане ни привозили докторовъ, никто къ нимъ не идетъ и лѣкарства не беретъ, а вонять одно:

— Принесите намъ сюда запечатлѣннаго Ангела, мы ему молебствовать хотимъ, и одинъ онъ насъ исцѣлитъ.

Англичанинъ Яковъ Яковлевичъ, въ это дѣло вникнувъ, самъ побѣхалъ къ архіерею и говоритъ:

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, вѣра дѣло великое, и кто какъ вѣритъ, тому такъ по вѣрѣ дается: отпустите къ намъ на тотъ берегъ запечатлѣннаго Ангела.

Но владыко сего не послушалъ и сказалъ:

— Сему не должно потворствовать.

Тогда намъ это слово казалось быть жестокое, и мы архіастыря много суетловно осуждали, но впоследствии открылось намъ, что все это велось не жестокостью, а Божиимъ смотрѣніемъ.

Между тѣмъ знаменія какъ бы не прекращались, и персть наказующій взыскала на томъ берегу самаго главнаго всему этому дѣлу виновника, самого Пимена, который послѣ этой нанасти отъ насъ сбѣжалъ и вцерковился. Встрѣчаю я его тамъ одинъ разъ въ городѣ. онъ мнѣ и кланяется, ну, и я ему поклонился. А онъ и говоритъ:

— Согрѣшилъ я, братъ Маркъ, приди съ вами въ разнобытіе по вѣрѣ.

А я отвѣчаю:

— Почему въ какой вѣрѣ быть — это дѣло Божіе, а что ты бѣднаго за сапоги продать, это, разумѣется, нехорошо и, прости меня, а я тебя въ томъ, какъ Аммосъ пророкъ велитъ, братски обличаю.

Онъ при имени пророка такъ и задрожалъ.

— Не говори, говоритъ, мнѣ про пророковъ: я самъ помню Писаніе и чувствую, что «пророки мучать живущихъ на землѣ» и даже въ томъ знаменіе имѣю,— и жалуется мнѣ, что на-дняхъ онъ выкупался въ рѣкѣ и у него послѣ того по всему тѣлу пѣгота пошла, и разстегнулъ грудь да показываетъ, а на немъ точно пѣжинныя пятна какъ на ивѣгомъ конѣ, съ груди вверхъ на шею лѣзутъ.

Грѣшный человекъ, было у меня на умѣ сказать ему, что «Богъ шельму мѣтнеть», но только сдвинулъ я это слово въ устахъ и молвилъ:

— Чтѣ же, молись. говорю, и радуйся, что еще на сей землѣ такъ отитлованъ, авось на другомъ предстоящій чистъ будешь.

Онъ мнѣ сталъ плакаться, сколь этимъ несчастенъ и чего лишается, если пѣгота на лицо пойдетъ, потому что

самъ губернаторъ, видя Пимена, когда его къ церкви присоединили, будто много на его красоту радовался и сказалъ городскому головѣ. чтобы когда будутъ черезъ городъ важныя особы проѣзжать, то чтобы Пимена непременно впередъ всѣхъ съ серебрянымъ блюдомъ выставлять. Ну, а пѣдаго ужъ куда же выставить? Но, однако, что мнѣ было эту его веліарскую суету и пустошество слушать, я завернулъ да и ушелъ.

И съ тѣмъ мы съ нимъ разстались. На немъ его титла все яснѣе обозначались, а у насъ не умолкали другія знаменія, въ заключеніе конхъ, по осени, только что стала ледъ, какъ вдругъ сдѣлалась оттепель, весь этотъ ледъ разметало и пошло наши постройки коверкать, и до того шли вреда за вредами, что вдругъ одинъ гранитный быкъ подмыло, и пучина поглотила все возведеніе многихъ лѣтъ, стоившее многихъ тысячъ...

Поразило это самихъ нашихъ хозяевъ англичанъ, и было тутъ къ ихъ старшему Якову Яковлевичу отъ кого-то слово, что дабы ото всего этого изсавиться, надо насъ, старовѣровъ, прогнать, но какъ онъ былъ человѣкъ благой души. то онъ этого слова не послушалъ, а, напротивъ, призвалъ меня и Луку Кирилова и говоритъ:

— Дайте мнѣ, ребята, сами совѣтъ: не могу ли я чѣмъ-нибудь вамъ помочь и васъ утѣшить?

Но мы отвѣчали, что доколѣ священный для насъ ликъ Ангела, вездѣ намъ предходившаго, находится въ огнесольномъ запечатлѣніи, мы ничѣмъ не можемъ утѣшиться и истаеваемъ отъ жалости.

— Что же,—говоритъ:—вы думаете дѣлать?

— Думаемъ, молъ, его современемъ подмѣнить и распечатлѣть его чистый ликъ, безбожною чиновническою рукою опаленый.

— Да чѣмъ,—говоритъ:—онъ вамъ такъ дорогъ, и неужели другого такого же нельзя достать?

— Дорогъ онъ,—отвѣчаемъ:—намъ потому, что онъ насъ хранилъ, а другого достать нельзя, потому что онъ писанъ въ твердыя времена благочестивою рукою и освященъ древнимъ іереемъ по полному требнику Петра Могилы, а нынѣ у насъ ни іереевъ, ни того требника нѣтъ.

— А какъ,—говоритъ:—вы его распечатлѣете, когда у него все лицо сургучомъ выжжено?

— Ну, ужъ на этотъ счетъ,—отвѣчаемъ:—ваша милость не безпокойтесь: намъ только бы его въ свои руки достичь, а то онъ, нашъ хранитель, за себя постоитъ: онъ не торговыхъ мастеровъ, а настоящаго Строганова дѣла, а что строгановская, что костромская олифа такъ варены, что и огневого клейма не боится и до иѣжныхъ вапъ смолы не допустить.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Увѣрены-съ: эта олифа крѣпка какъ сама старая русская вѣра.

Онъ тутъ ругнулъ кого зналъ, что такого художества беречь не умѣютъ, и руки намъ подать и еще разъ сказаль:

— Ну, такъ не горюйте же: я вашъ помощникъ, и мы вашего Ангела достанемъ. Надолго ли онъ вамъ нуженъ?

— Нѣтъ, говоримъ,—на небольшое время.

— Ну, такъ я скажу, что хочу на вашего запечатлѣннаго Ангела богатую золотую ризу сдѣлать, и какъ мнѣ его дадутъ, мы его тутъ и подмѣнимъ. Я завтра же за это возьмусь.

Мы благодаримъ, но говоримъ:

— Только ни завтра, ни послѣзавтра за это, сударь, не беритесь.

Онъ говоритъ:

— Это почему такъ?

А мы отвѣчаемъ:

— Потому, молъ, сударь, что намъ прежде всего надо имѣть на подмѣнъ икону такую, чтобъ она какъ двѣ капли воды на настоящую походила, а таковыхъ мастеровъ здѣсь нѣтъ, да и нигдѣ вблизи не отыщется.

— Пусяки,—говорить:—я самъ изъ города художника привезу; онъ не только копн, а и портреты великолѣпно пишетъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣчаемъ:—вы этого не извольте дѣлать. потому что, во-первыхъ, черезъ этого свѣтскаго художника можетъ ненадлежащая молва пойти, а во-вторыхъ, живописецъ такого дѣла исполнить не можетъ.

Англичанинъ не вѣритъ, а я выступилъ и разъясняю ему всю разницу: что новѣ, молъ, у свѣтскихъ художниковъ не то искусство: у нихъ краски масляныя, а тамъ ваши на яйцѣ растворенныя и иѣжныя, въ живописи письмо

мазаное, чтобы только на даль натурально показывало, а тутъ письмо плавкое, и на самую близъ явственно; да и свѣтскому художнику, говорю, и въ переводѣ самаго рисунка не потрафить, потому что они изучены представлять то, что въ тѣлѣ земного, животолюбиваго человѣка содержится, а въ священной русской иконописи изображается тишь лица небожительный, насчетъ коего матеріальныйъ человѣкъ даже истоваго воображенія пмѣть не можетъ.

Опъ этимъ заинтересовался и спрашиваетъ:

— А гдѣ же,—говоритъ.—есть такіе мастера, что еще этотъ особенный тишь понимаютъ?

— Очень, докладываю, — они нынче рѣдки (да и въ то время они совѣмъ жили подъ строгимъ сокрытіемъ). Есть, говорю, — въ слободѣ Мстерѣ одинъ мастеръ Хохловъ, да уже онъ человѣкъ очень древнихъ лѣтъ, его въ дальній путь везти нельзя: а въ Палиховѣ есть два человѣка, такъ тѣ тоже врядъ ли поѣдутъ, да и къ тому же, говорю, — намъ ни мстерскіе, ни палиховскіе мастера и не годятся.

— Это опять почему?—пытаетъ.

— А потому, отвѣтствую,—что у нихъ пошпбъ не тотъ: у мстерскихъ рисуночекъ головастинокъ и письмо мутно, а у палиховскихъ тонъ бирюзистъ, все голубинкой отдаетъ.

— Такъ какъ же,—говоритъ,—быть?

— Самъ, говорю,—не знаю. Наслышанъ я, что есть еще въ Москвѣ хорошій мастеръ Спичачевъ: и онъ по всей Россіи между нашими именитъ, но онъ больше къ новгородскимъ и къ царскимъ московскимъ письмамъ потрафляетъ, а ваша икона строгановскаго рисунка, самыхъ свѣтлыхъ и ясныхъ ванъ, такъ намъ потрафить можетъ одинъ мастеръ Севастьянъ, съ понизовья, но онъ страстный странствователь: по всей Россіи ходитъ, старовѣрамъ починку работаетъ, и гдѣ его искать—неизвѣстно.

Англичанинъ съ удовольствіемъ всѣ эти мои доклады выслушалъ и улыбнулся, а потомъ отвѣчаетъ:

— Довольно дивные,—говоритъ: — вы люди, а какъ послушаешь васъ, такъ даже пріятно дѣляется, какъ вы это все, что до вашей части касается, хорошо знаете и даже искусства можете постигать.

— Отчего же, говорю,—сударь, искусства не постигать: это дѣло художество божественное, и у насъ есть таковыя любители изъ самыхъ простыхъ мужичковъ, что не только

всѣ школы, въ чемѣ, напримѣръ, одна отъ другой отличаются въ письмахъ: устюжскія или новгородскія, московскія или вологодскія, сибирскія, либо строгановскія, а даже въ одной и той же школѣ извѣстныхъ старыхъ мастеровъ русскихъ рукоделие одно отъ другого безъ ошибки отличаются.

— Можетъ ли, говорить, — это быть?

— Все равно, отвѣчаю, — какъ вы одного человѣка отъ другого письменный почеркъ пера распознаете, такъ и они: сейчасъ взглянуть и видятъ, кто изображалъ: Кузьма, Андрей или Прокофій.

— По какимъ примѣтамъ?

— А есть, говорю, — разница въ пріемѣ какъ перевода рисунка, такъ и въ плавн, въ пробѣлахъ, лицевыхъ движенияхъ и въ оживкѣ.

Онъ все слушаетъ; а я ему рассказываю, что зналъ про ушаковское писаніе и про рублевское, и про древнѣйшаго русскаго художника Парамшина, коего рукоделие иконы наши благочестивые цари и князья въ благословеніе дѣтямъ дарствовали и въ духовныхъ своихъ наказывали имъ тѣ иконы блюсти паче зѣницы ока.

Англичанинъ сейчасъ выхватилъ свою записную книжку и спрашиваетъ: повторить какъ художника имя. и гдѣ его работы можно видѣть? А я отвѣчаю:

— Напрасно, сударь, станете отыскивать: нигдѣ ихъ памяти не осталось.

— Гдѣ же они дѣлись?

— А не знаю, говорю: — на чубуки ли повертѣли или вѣмцамъ на табакъ промѣняли.

— Это, говорятъ, — быть не можетъ.

— Напротивъ, отвѣчаю, — вполне статочно и примѣры тому есть: въ Римѣ у папы въ Ватиканѣ створы стоятъ, что наши русскіе изографы, Андрей, Сергій да Никита, въ тринадцатомъ вѣгѣ писали. Многоличная миниатюра сія, молъ, столь удивительна, что даже, говорятъ, величайшіе иностранные художники, глядя на нее, въ восторгъ приходили отъ чуднаго дѣла.

— А какъ она въ Римъ попала?

— Петръ Первый иностранному монаху подарилъ, а тотъ продалъ.

Англичанинъ улыбнулся и задумался, и потомъ тихо молвить, что у нихъ будто въ Англій всякая картинка изъ рода

въ родъ сохраняется и тѣмъ сама явствуетъ, кто отъ ка-кого родословія происходитъ.

— Ну, а у насъ, говорю,—вѣрно другое образованіе. и съ предковскими преданіями связь размытана, дабы все казалось обновленіе, какъ будто и весь родъ русскій только вчера насѣдка подь крапивою вывела.

— А если таковая, говорить,—ваша образованная невѣ-жественность, такъ отчего же, въ которыхъ любовь къ род-ному сохранилась, не позаботитесь поддержать своего при-роднаго художества?

— Некѣмъ, отвѣчаю, — намъ его, милостивый государь, поддерживать, потому что въ новыхъ николахъ художества повсемѣстное растлѣніе чувства развито и суетѣ умъ по-винуется. Высокаго вдохновенія типъ утраченъ, а все съ земного вземлетъ и земною страстію дышитъ. Наши но-вѣйшіе художники начали съ того, что архистратига Ми-хаила съ князя Потемкина Таврическаго стали изображать, а теперь уже того достигаютъ, что Христа Спаса жидови-помъ пишутъ. Чего же еще отъ такихъ людей ожидать? Ихъ необрѣзанные сердца, можетъ-быть, еще и не то изоб-разить и велить за божество почитать: въ Египтѣ же и быка и лукъ красноперый богомъ чтили; но только уже мы богамъ чуждымъ не поклонимся и жидово лицо за Спасовъ ликъ не примемъ, а даже изображенія эти, сколь бы они ни были искусны, за студодѣйное невѣжество почитаемъ и отвращаемся отъ него, поелику есть отчее преданіе, «что развлеченіе очесъ разоряетъ чистоту разума, яко водометъ поврежденный погубляетъ воду».

Я симъ кончилъ и замолчалъ, а англичанинъ говорить:

— Продолжай: мнѣ нравится, какъ ты разсуждаешь.

Я отвѣчаю:

— Я уже все кончилъ; а онъ говорить:

— Нѣтъ, ты разскажи мнѣ еще, что вы по своему по-нятію за вдохновенное изображеніе понимаете?

Вопросъ, милостивые государь, для простаго человѣка довольно затруднительный, но я, нечего дѣлать, началъ и разсказалъ какъ писано въ Новгородѣ Звѣздное Небо, а потомъ сталъ излагать про кіевское изображеніе въ Софій-скомъ храмѣ, гдѣ по сторонамъ Бога Саваооа стоятъ седмъ крылатыхъ архистратиговъ, на Потемкина, разумѣется, не-похожихъ; а на порогахъ сѣни пророки и пратцы; ниже

ступеню Моисей съ скрижалю; еще ниже Ааронъ въ митрѣ и съ жезломъ прозябшимъ; на другихъ ступеняхъ царь Давидъ въ вѣнцѣ, Исаія пророкъ съ хартіей, Іезекіиль съ затворенными вратами, Данииль съ камнемъ, и вокругъ сихъ предстоятелей, указующихъ путь на небо, изображены дарованія, коими сего славнаго пути человѣкъ достигать можетъ, какъ-то: книга съ семью печатями — даръ премудрости; седьмисвѣщный подсвѣчникъ — даръ разума; семь очесъ — даръ совѣта; семь трубныхъ роговъ — даръ крѣпости; десная рука посреди седми звѣздъ — даръ видѣнія; семь курильницъ — даръ благочестія; семь молній — даръ страха Божія. — Вотъ, говорю, — таковое изображеніе гореносно!

А англичанинъ отвѣчаетъ:

— Прости меня, любезный: я тебя не понимаю, почему ты это считаешь гореноснымъ?

— А потому, молю, что таковое изображеніе явственно душѣ говоритъ, чего христіанину надлежитъ молить и жаждать, дабы отъ земли къ непзреченной славѣ Бога вознестись.

— Да вѣдь это же, говоритъ, — всякій изъ Писанія и изъ молитвъ можетъ уразумѣть.

— Ну, никакъ нѣтъ, отвѣтствую: — Писаніе не всякому дано разумѣть, а неразумѣвающему и въ молитвѣ бываетъ затменіе: иной слышитъ глашеніе о «великія и богатыя милости» и сейчасъ полагаетъ, что это о деньгахъ, и съ алчностью кланяется. А когда онъ зреть предъ собою изображенную небесную славу, то онъ помышляетъ вышній проспектъ жизненности и понимаетъ, какъ надо этой цѣли достигать, потому что тутъ оно все просто и вразумительно: вымоли человѣкъ первѣе всего душѣ своей даръ страха Божія, она сейчасъ и пойдетъ облегченная со ступени на ступень, съ каждымъ шагомъ усвая себѣ прирѣзбытки вышнихъ даровъ, и въ тѣ поры человѣку и деньги, и вся слава земная при молитвѣ кажутся не иначе какъ мерзость предъ Господомъ.

Тутъ англичанинъ встаетъ съ мѣста и весело говоритъ:

— А вы же, чудаки, чего себѣ молитесь?

— Мы, отвѣчаю, — молимъ христіанскія кончины живота и добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ.

Онъ улыбнулся и вдругъ дернулъ за золотистый шнурокъ

зеленую занавѣсь, а за тою занавѣсью у него сидитъ въ креслѣ его жена англичанка и предъ свѣчою на длинныхъ спицахъ вязанье дѣлаетъ. Она была прекрасная барыня, благоувѣтливая, и хотя не много по-нашему говорила, но все понимала и вѣрно хотѣлось ей нашъ разговоръ съ ея мужемъ о религiи слышать.

И что же вы думаете? Какъ отдернулась эта занавѣса, что ее скрывала, она сейчасъ встаетъ, будто содрогаясь, и идетъ, милушка, ко мнѣ съ Лукою, обѣ ручки намъ, мужикамъ, протягиваетъ, а въ глазахъ у нея блещутъ слезки, и жметъ намъ руки, а сама говоритъ:

— Добри люди, добри русски люди!

Мы съ Лукою за это ея доброе слово у нея обѣ ручки поцѣловали, а она къ нашимъ мужичьимъ головамъ свои губки приложила.

Разсказчикъ остановился и, закрывъ рукавомъ глаза, тихонько отеръ ихъ и молвилъ шопотомъ: «Трогательная женщина!» и затѣмъ, оправясь, продолжалъ снова:

— По такимъ своимъ ласковымъ поступкамъ и начала она, эта англичанка, говорить что-то такое своему мужу, по-ихнему, намъ непоятно, но только слышно по голосу, что вѣрно за насъ проситъ. И англичанинъ—знать прiятна ему эта доброта въ женѣ—глядитъ на нее ажно весь гордостiю сияетъ и все жену по головкѣ гладитъ, да этакъ какъ голубь гурчитъ по-своему: «гутъ, гутъ», или какъ тамъ по-ихнему иначе говорится, но только видно, что онъ ее хвалитъ и въ чемъ-то утверждаетъ и потомъ подошелъ къ бюру, вынулъ двѣ сотенныхъ бумажки и говоритъ:

— Вотъ тебѣ, Лука, деньги: ступай ищи гдѣ знаешь какого вамъ нужно по вашей части искуснаго изографа, пусть онъ и вамъ что нужно сдѣлаетъ, и женѣ моей въ вашемъ родѣ напишетъ, — она прочитъ такую икону сыну дать, а на всѣ хлопоты и расходы вотъ это вамъ моя жена деньги даетъ.

А она сквозь слезы улыбается и частить:

— Ни, ни, ни: это онъ, а я особая, да съ этимъ словомъ порхъ за дверь и несетъ оттуда въ рукахъ третью сотенную.

— Мужъ, говоритъ, — мнѣ на платье дарилъ, а я платья не хочу, а вамъ жертвую.

Мы, разумѣется, стали отказываться, но она о томъ и слышать не хочетъ, и сама убѣжала, а онъ и говоритъ:

— Нѣтъ, говоритъ,—не смѣйте ей отказывать и берите, что она дастъ, и самъ отвернулся и говоритъ:—и ступайте, чудаки, вонъ!

Но мы этимъ изгнаніемъ, разумѣется, нимало не обидѣлись, потому что хоть онъ, этотъ англичанинъ, отъ насъ отвернулся, но видѣли мы, что онъ это сдѣлалъ ради того, дабы скрыть, что онъ самъ растрогался.

Такъ-то насъ, милостивые государи, свои притоманные люди обезсудили, а аглицкая національность утѣшила и дала въ душу рвеніе, какъ бы точно мы баню паки бытія воспріяли!

Теперь далѣе отсюда, милостивые государи, начинается преполовеніе моей повѣсти, и я вамъ вкратцѣ изложу: какъ я, взявъ своего среброуздаго Левонтія, пошелъ по изографа, и какія мы мѣста исходили, какихъ людей видѣли, какія новыя дивеса намъ объявились, и что, наконецъ, мы нашли, и что потеряли, и съ чѣмъ возвратились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ путь шествующему человѣку первое дѣло спутникъ, съ умнымъ и добрымъ товарищемъ и холодъ, и голодь легче, а мнѣ это благо было даровано въ томъ чудномъ отроцѣ Левонтіи. Мы съ нимъ отправились пѣшкомъ, имѣя при себѣ котомочки и достаточную сумму, а для охраны оной и своей жизни имѣли при себѣ старую короткую саблю съ широкимъ обушкомъ, коя у насъ всегда береглась для опаснаго случая. Совершали мы путь свой въ родѣ торговыхъ людей, гдѣ какъ попало вымышляя надобности, для конхъ будто бы слѣдуемъ, а сами все, разумѣется, высматривали свое дѣло. Съ самага первоначала мы побывали въ Клинцахъ и въ Злынкѣ, потомъ навѣдался кое къ кому изъ своихъ въ Орлѣ, но полезнаго результата себѣ никакого не получили: нигдѣ хорошихъ изографовъ не находили, и такъ достигли Москвы. Но что скажу: оле тебѣ, Москва! оле тебѣ, древяго русскаго общества преславная царица! не были мы, старые вѣрители, и тобою утѣшены.

Не охота бы говорить, а нельзя премолчать, не тотъ мы духъ на Москвѣ встрѣтили, котораго жаждали. Обрѣли мы, что старина тутъ стоитъ уже не на добротолюбіи и бла-

гочестіи. а на единомъ упрямствѣ, и съ каждымъ днемъ, въ семь все болѣе и болѣе убѣждаясь. начали мы съ Левонтиемъ другъ друга стыдиться, ибо видѣли оба то, что мирному послѣдователю вѣры видѣть оскорбительно; но. однако, сами себя стыдяся, мы о всемъ томъ другъ другу молчали.

Изографы, разумѣется, въ Москвѣ отыскались и весьма искусные. но что въ томъ пользы, когда все это люди не того духа, о каковомъ отеческія преданія повѣствуютъ? Встарь благочестивые художники, принимаясь за священное искусство, постились и молились и производили одинаково. что за большія деньги, что за малыя, какъ того честь возвышеннаго дѣла требуетъ. А эти каждый одному пишишь рефтыю, а другому нефтыю, на краткое время, а не въ долготу дней. грунта кладуть мѣловые, слабыя, а не лебастровые, и плавь лѣнностно сразу наводятъ, не какъ встарь наводили до четырехъ и даже до пяти плавей жидкой какъ вода краскою, отчего получалась та дивная нѣжность, нынѣ недостижимая. И помимо неаккуратности въ художествѣ, всѣ они сами разслабѣвши, всѣ другъ предъ другомъ величаются, а другого чтобъ унизить ни во что вмѣняють: или еще того хуже, шайками совокупась, сообща хитрѣйшіе обманы дѣлають, собираются по трактирамъ и тутъ вино пьютъ и свое искусство хвалять съ кичливою надменностію, а другого рукомесло богохульно называютъ «адошненнымъ». а вокругъ ихъ всегда какъ воробыи за совами старьевщицки, что разную иконописную старину изъ рукъ въ руки перепушаютъ, мѣняють, подмѣнивають, поддѣлываютъ доски, въ трубахъ коптятъ, утлизну въ нихъ дѣлають и червоточину: изъ мѣди разные створы по старому чеканному образцу отлщиваютъ, амаль въ ветхозавѣтномъ рѣдѣ наводятъ; купели изъ тазовъ куютъ и на нихъ старинные щипаные орлы, какіе за Грознаго времена были, выставляють и продають неопытнымъ вѣрителямъ за настоящую грозновскую купель, хотя тѣхъ купелей не счесть сколько по Русн ходить, и все это обманъ и ложь безсовѣстные. Словомъ сказать, всѣ эти люди, какъ черныя цыгане лошадами другъ друга обманываютъ, такъ и они святынею, и все это при такомъ съ оною обращеніи, что становится за нихъ стыдно и видишь во всемъ этомъ одинъ грѣхъ да соблазнъ и вѣрѣ поношеніе. Кто привычку къ

сему безстыдству усвоить, тому еще ничего. и изъ московскихъ охотниковъ многіе этою нечестною мѣною даже интересуются и хвалятся: что-де тотъ-то того-то такъ вотъ Дебусомъ надулъ, а этотъ этого вонъ какъ Николою огрѣлъ, или какимъ подлымъ манеромъ поддѣльную Владычицу еще подсунулъ: и все это имъ заростно, и другъ предъ другимъ одинъ противъ другого лучше нарохтятся какъ Божьимъ благословіемъ неопытныхъ вѣрителей морочить. но намъ съ Левой, какъ мы были простые деревенскіе богочитатели, все это въ той степени непереносно показалось, что мы оба даже заскучали и напалъ на насъ страхъ:

«Неужто же, думаемъ, такова она къ этому времени стала наша злосчастная старая вѣра?» Но и я это думаю, и онъ, вижу, то же самое въ скорбномъ сердцѣ содержать, а другъ другу того не открываемъ, а только замѣчаю я, что мой отрокъ все ищетъ уединеннаго мѣста.

Вотъ я разъ гляжу на него, а самъ думаю: какъ бы онъ въ смущеніи чего недолжнаго не надумалъ? да и говорю:

— Что ты, Левонтіи, будто чѣмъ закручинился?

А онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ,—говоритъ,—дядя, ничего; это я такъ.

— Пойдемъ же, молъ, на Божешинуу улицу въ Эриванскій трактиръ изографовъ подговаривать. Нонѣ туда два обѣщали придти и древнихъ иконъ принести. Я уже одну вымѣнялъ, хочу нонѣ еще одну достать.

А Левонтіи отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, сходи ты, дядюшка, одинъ, а я не пойду.

— Отчего же, говорю,—ты не пойдешь?

— А такъ, отвѣчаетъ:—мнѣ нонѣ что-то не по себѣ.

Ну, я сго разъ не нужу и два не нужу, а на третій опять зову:

— Пойдемъ, Левонтыюшка, пойдемъ, молодчикъ.

А онъ умильно кланяется и проситъ:

— Нѣту, дядюшка, голубчикъ бѣлый: позволь мнѣ дома остаться.

— Да что же, молъ, Лева, пошелъ ты мнѣ въ содѣятелѣ, а все дома да дома сидишь. Этакъ не велика мнѣ, голубчикъ, отъ тебя помощь.

А онъ:

— Ну, родненькій, ну, батечка, ну, Маркъ Александрычъ, государь, не зови меня туда, гдѣ ѣдятъ да пьютъ и не-

складныя рѣчи о святинѣ говорятъ, а то меня соблазнъ обдержатъ можетъ.

Это его было первое сознательное слово о своихъ чувствахъ и оно меня въ самое сердце поразило, но я съ нимъ не сталъ спорить, а пошелъ одинъ, и имѣлъ я въ этотъ вечеръ большой разговоръ съ двумя изографами и получилъ отъ нихъ ужасное огорченіе. Сказать страшно, что они со мною сдѣлали! Одинъ мнѣ икону промѣнялъ за сорокъ рублей и ушелъ, а другой говоритъ:

— Ты гляди, человѣче, этой иконѣ не покланяйся.

Я говорю:

— Почему?

А онъ отвѣчаетъ:

— Потому что она адописная,—да съ этимъ колупнулъ ногтемъ, а съ уголка слой письма такъ и отскочилъ и подъ нимъ на грунту чортикъ съ хвостомъ нарисованъ! Онъ въ другомъ мѣстѣ скovyрнулъ письмо, а тамъ подъ низомъ опять чортикъ.

— Господи!—заплакалъ я:—да что же это такое?

— А то,—говоритъ:—что ты не ему, а мнѣ закажи.

И увидалъ уже я тутъ ясно, что они одна шайка и норовятъ со мною нехорошо поступить, не по чести, и, покинувъ имъ икону, ушелъ отъ нихъ съ полными слезъ глазами, славя Бога, что не видалъ того мой Левонтій, вѣра котораго находилась въ бореніи. Но только подхожу домой и вижу въ окнахъ нашей горенки, которую мы занимали, свѣту нѣтъ, а между тѣмъ, оттуда тонкое нѣжное пѣніе льется. Я сейчасъ узналъ, что это поетъ пріятный Левонтіевъ голосъ и поетъ съ такимъ чувствомъ, что всякое слово будто въ слезахъ купается. Вошелъ я тихонько, чтобъ онъ не слышалъ, сталъ у дверей и слушаю, какъ онъ Іосифовъ плачъ выводитъ:

«Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову ко рыданію».

Стихъ этотъ, если его изволите знать, и безъ того столь жалостный, что его спокойно слушать невозможно, а Левонтій его поетъ да самъ плачетъ и рыдаетъ, что

«Продаша мя мои братія!»

И плачетъ, и плачетъ онъ, воспѣвая, какъ видитъ гробъ своей матери, и зоветъ землю къ вопленію за братскій грѣхъ!..

Слова эти всегда могут человека взволновать, а особенно меня в ту пору, какъ я только бѣжалъ отъ братогрызцевъ, они меня такъ растрогали, что я и самъ захлипалъ, а Левонтій, услыхавъ это, смолкъ и зоветъ меня:

— Дядя! а дядя!

— Что,—говорю:—добрый молодецъ?

— А знаешь ли ты,—говорить:—кто это наша мать, про которую тутъ поется?

— Рахиль,—отвѣчаю.

— Нѣтъ,—говорить:—это въ древности была Рахиль, а теперь это таинственно надо понимать.

— Какъ же,—спрашиваю,—таинственно?

— А такъ,—отвѣчаетъ:—что это слово съ преобразованіемъ сказано.

— Ты,—говорю:—смотри, дитя: не опасно ли ты умствуешь?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ:—я это въ сердцѣ моемъ чувствую, что крестуетъ-бо-ся Спасъ насъ ради того, что мы Его едиными усты и единымъ сердцемъ не ищемъ.

Я еще пуще испугался, къ чему онъ стремится, и говорю:

— Знаешь что, Левонтьюшко: пойдѣмъ-ко мы отсюда скорѣе изъ Москвы въ нижегородскія земли, изографа Севастьяна поищемъ, онъ нонѣ, я слышалъ, тамъ ходитъ.

— Что же: пойдѣмъ,—отвѣчаетъ:—здѣсь на Москвѣ меня какой-то нужный духъ больно пудитъ, а тамъ лѣса, повѣтріе чище и тамъ, говоритъ, я слыхалъ, есть старецъ Памва, анахоритъ совсѣмъ беззавистный и безгнѣвный, я бы его узрѣть хотѣлъ.

— Старецъ Памва,—отвѣчаю со строгостію:—господствующей церкви слуга, что намъ на него смотрѣть?

— А что же,—говорить:—за бѣда, я для того и хотѣлъ бы его видѣть, дабы внять, какова господствующей церкви благодать.

Я его поцунялъ, «какая тамъ, говорю, благодать», а самъ чувствую, что онъ меня правѣе, потому что онъ жаждетъ испытывать, а я чего не вѣдаю, то отвергаю, но упорствую на своемъ противленіи и говорю ему самые пустяки.

— Церковные,—говорю:—и на небо смотрять не съ вѣрою, а въ Аристотилевы врата глядятъ и путь въ морѣ по звѣздѣ языческаго бога Ремфана опредѣляютъ; а ты съ ними въ одну точку смотрѣть захотѣлъ?

А Левонтій отвѣчаетъ:

— Ты, дядя, баснишь: никакого бога Ремфана не было и нѣтъ, а вся единою Премудростію создано.

Я отъ этого словно еще глупѣе сталъ и говорю:

— Церковные кофій пьютъ!

— А что за бѣда, — отвѣчаетъ Левонтій: — кофій боѣ, онъ былъ Давиду царю въ дарахъ принесенъ.

— Откуда, — говорю: — ты это все знаешь?

— Въ книгахъ, — говоритъ: — читалъ.

— Ну, такъ знай же, что въ книгахъ не все писано.

— А чтѣ, — говоритъ: — тамъ еще не написано?

— Чтѣ? чтѣ не написано? — А самъ вовсе уже не знаю, что сказать, да брякнулъ ему:

— Церковное, — говорю: — зайцевъ ѣдятъ, а заяцъ поганый.

— Не погань, — говоритъ: — Богомъ созданнаго, это грѣхъ.

— Какъ, — говорю: — не поганить зайца, когда онъ поганый, когда у него ослий складъ и мужеженское естество и онъ рождаетъ въ человѣкѣ густую и меланхолическую кровь?

Но Левонтій засмѣялся и говоритъ:

— Спи, дядя, ты невѣгласы глаголешь!

Я, признаюсь вамъ, тогда еще ясно не разгадалъ, чтѣ такое въ дуплѣ сего благодатнаго юноши дѣлалось, но самъ очень обрадовался, что онъ больше говорить не хочетъ, ибо я и самъ понималъ, что я въ сердцахъ не вѣсть что говорю, и умолкъ я и лежу да только думаю:

«Нѣтъ; это въ немъ такое сомнѣніе отъ тоски стало, а вотъ завтра поднимемся и пойдемъ, такъ оно все въ немъ разсѣется»; но про всякій же случай я себѣ на умъ положилъ, что буду съ нимъ нѣкое время идти молча, дабы показать ему, что я какъ будто очень на него сержусь.

Но только въ волеураціи характеръ моемъ нѣтъ совсѣмъ этой крѣпости, чтобы притворяться сердитымъ, и мы скоро же опять начали съ Левонтіемъ говорить, но только не о Божествѣ, потому что онъ былъ сильно противъ меня начитавшись, а объ окрестности, къ чему ежечасный предлогъ подавали виды огромныхъ, темныхъ лѣсовъ, которыми шелъ путь нашъ. Обо всемъ этомъ своемъ московскомъ разговорѣ съ Левонтіемъ я старался позабыть и рѣшилъ наблюдать только одну осторожность, чтобы намъ съ нимъ

какъ-нибудь не набѣжать на этого старца Памву анахорита, которымъ Левонтій прельщался и о которомъ я самъ слыхалъ отъ церковныхъ людей неностижимыя чудеса про его высокую жизнь.

«Но, думаю себѣ, чего тутъ много печалиться, ужъ если я отъ него бѣжать стану, такъ онъ же самъ насъ не обрѣтетъ!»

И идемъ мы опять мирно и благополучно, и, наконецъ, достигши извѣстныхъ предѣловъ, добыли слухъ, что изографъ Севастьянъ точно въ здѣшнихъ мѣстахъ ходитъ, и пошли его искать изъ города въ городъ, изъ села въ село, и вотъ-вотъ совсѣмъ по его свѣжему слѣду идемъ, совсѣмъ его достигаемъ, а никакъ не достигнемъ. Просто какъ сворные псы бѣжимъ, по двадцати, по тридцати верстъ переходы безъ отдыха дѣлаемъ, а придемъ, говорятъ:

— Былъ онъ здѣсь, былъ, да вотъ-вотъ всего съ часъ назадъ ушелъ!

Бросимся вслѣдъ, не настагаемъ!

И вотъ вдругъ на одномъ такомъ переходѣ мы съ Левонтиемъ и заспорили: я говорю «намъ надо идти направо», а онъ споритъ: «налѣво», и, наконецъ, чуть было меня не переспорилъ, но я на своемъ пути настоялъ. Но только шли мы, шли, и, наконецъ, вижу, не знаю куда зашли и нѣтъ дальше ни тропы, ни слѣду.

Я говорю отроку:

— Пойдемъ, Лева, назадъ!

А онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не могу я, дядя, больше идти, — силъ моихъ нѣтъ.

Я всхлопотался и говорю:

— Что тебѣ, дитятко?

А онъ отвѣчаетъ:

— Развѣ,—говоритъ:—ты не видишь, меня отрясовица бьетъ?

И вижу точно, весь онъ трясется и глаза блуждаютъ. И какъ все это, милостивые государи, случилось вдругъ! Ни на что не жаловался, шелъ бодро и вдругъ сѣлъ въ лѣску на траву, а головку положилъ на набутѣлый пенъ и говорить:

— Ой, голова моя, голова! ай, горитъ моя голова огнемъ-пламенемъ! Не могу я идти: не могу больше шагу

ступить!—а самъ, бѣдняга, даже къ землѣ клонится, падаетъ.

А дѣлю подъ вечеръ.

Ужасно я испугался, а пока мы тутъ подождали, не облегчить ли ему недугъ, стала ночь: время осеннее, темное, мѣсто незнакомое, вокругъ однѣ сосны и ели могучія, какъ аркефовы деревья, а отрокъ просто помираетъ. Что тутъ дѣлать! Я ему со слезами говорю:

— Левушка, батюшка, поневоляся, авось до почлежка дойдемъ.

А онъ клонитъ головушку, какъ скошенный цвѣтокъ, и словно во снѣ бредитъ:

— Не тронь меня, дядя Марко; не тронь и самъ не бойся.

Я говорю:

— Помилуй, Лева, какъ не бояться въ такой глуши перобудной.

А онъ говоритъ:

— Не спиай и бѣдай сохранить.

Я думаю: «Господи! что это съ нимъ такое?» А самъ въ страхѣ все-таки сталъ прислушиваться, и слышу по лѣсу вдалькъ что-то словно потрескиваетъ... Владыко многомилостиве! думаю, это вѣрно звѣрь, и сейчасъ онъ насъ растерзаетъ! И уже Левонтія не зову, потому что вижу, что онъ точно самъ изъ себя куда-то излетѣлъ и вѣтаетъ, а только молюсь: Ангеле Христовъ, соблюди насъ въ сей страшный часъ! А трескъ-отъ ближе и ближе слышится, и вотъ-вотъ уже совсѣмъ подходитъ... Здѣсь я долженъ вамъ, госнода, признаться въ великой своей низости: такъ я оробѣлъ, что покинулъ больного Левонтія на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, да самъ бѣлки проворниче на дерево вскочилъ, вынулъ сабельку и сижу на сукѣ да гляжу, что будетъ, а зубами, какъ пугавый волкъ, такъ и ляскаю... И вдругъ-съ замѣчаю я во тьмѣ, къ которой глазъ мой приглядѣлся, что изъ лѣсу выходитъ что-то по началу совсѣмъ безвидное,—не разобрать, звѣрь или разбойникъ, но сталъ приглядываться и различаю, что и не звѣрь, и не разбойникъ, а очень небольшой старичокъ въ колпачкѣ, и видно мнѣ даже, что въ поясу у него томоръ заткнутъ, а на спинѣ большая вязанка дровъ, и вышелъ онъ на поляночку; подышалъ, подышалъ часто воздухомъ, точно со всѣхъ сторонъ повѣтріе собиралъ, и вдругъ сбросилъ на землю вязанку и, точно почувавъ челоуѣка, идетъ прямо къ моему

товарищу. Подошелъ, нагнулся, посмотрѣлъ въ лицо и взялъ его за руку, да и говоритъ:

— Встань, брате!

И что же вы изволите думать? вижу я, поднялъ онъ Левонтія и ведетъ прямо къ своей вязаночкѣ и взвалилъ ее ему на плечи и говоритъ:

— Понеси-ко за мною!

А Левонтій и понесъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Можете себѣ, милостивые государи, представить, какъ я такого дива долженъ былъ испугаться! Откуда этотъ повелительный тихій старичокъ взялся и какъ это мой Лева сейчасъ точно смерти былъ приверженъ и головы не могъ поднять, и опять сейчасъ уже вязанку дровъ несетъ!

Я скорѣе соскочилъ съ дерева, сабельку на бечевѣ за спину забросилъ, а сломалъ про всякій случай здоровую лѣторосль понадежнѣе, да за ними, и скоро ихъ настигъ и вижу: старичокъ впереди грядетъ и какъ разъ онъ точно такой же какъ мнѣ съ перваго взгляда показался: маленькій и горбатенькій; а борода по сторонамъ клочечками, какъ мыльная пѣна бѣлая, а за нимъ мой Левонтій идетъ, слѣдомъ въ слѣдъ его ноги бодро попадаютъ и на меня смотритъ. Сколько я къ нему ни заговаривалъ и рукою его ни трогалъ, онъ и вниманія на меня не обратилъ, а все будто во снѣ идетъ.

Тогда я подбѣжалъ сбоку къ старичку и говорю:

— Доброчестный человѣкъ!

А онъ отзывается:

— Что тебѣ?

— Куда ты насъ ведешь?

— Я,—говоритъ:—никого никуда не веду, всѣхъ Господь ведетъ!

И съ этимъ словомъ вдругъ остановился: и я вижу, что предъ нами низенькая стѣнка и ворота, а въ воротахъ продѣлана малая дверка, и въ эту дверку старичокъ началъ стучаться и зоветь:

— Брате Миронъ! а брате Миронъ!

А оттуда дерзый голосъ грубо отвѣчаетъ:

— Опять ночью притаился. Ночуй въ лѣсу! Не пуцу!

Но старичокъ опять давай проситься, молить ласково:

— Впусти, брате!

Тотъ дерзый вдругъ отчинилъ дверь, и вижу я это человѣкъ тоже въ такомъ же кошацкѣ, какъ и старичокъ, но только суровый-пресуровый грубитель, и не успѣлъ старичокъ ноги перенести черезъ порогъ, какъ онъ его такъ толкнулъ, что тотъ мало не обрушился, и говоритъ:

— Спаси тебя Богъ, брате мой, за твою услугу.

«Господи! помышляю, куда это мы пошали», и вдругъ какъ молонья меня освѣтила и поразила.

«Спасе премоисердый!» взгадалъ я, «да ужъ это не Памва ли безгнѣвный! Такъ лучше же бы, думаю, я въ дебри лѣсной погибъ или къ звѣрю, или къ разбойнику въ берлогу зашелъ, чѣмъ къ нему подъ кровь».

И чуть онъ ввелъ насъ въ маленькую какую-то хибарочку и зажегъ воску желтаго свѣчу, я сейчасъ догадался, что мы, дѣйствительно, въ лѣсномъ скитѣ, и, не стерпѣвъ дальше, говорю:

— Прости, благочестивый человѣкъ, спрошу я тебя: гѣже ли намъ съ товарищемъ оставаться здѣсь, куда ты привелъ насъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Вся Господня земля и благословенны вси живущіе,—ложись, спи!

— Нѣтъ, позволь,—говорю:—тебѣ объявиться, вѣдь мы по старой вѣрѣ.

— Всѣ,—говоритъ:—уды одинаго тѣла Христова! Онъ всѣхъ соберетъ!

И съ этимъ подвелъ насъ къ уголку, гдѣ у него на полу сдѣлана скудная рогозина постелька, а въ возглавіи древесный круглякъ соломкой прикрытъ. и оиать уже обоимъ намъ молвить:

— Спиште!

И что же? Левонтіи мой, какъ послушенствующій отрокъ, сейчасъ и повалился, а я, свое опасеніе наблюдая, говорю:

— Прости, Божій человѣкъ, еще одно вопрошеніе...

Онъ отвѣчаетъ:

— Что вопрошать: Богъ все знаетъ.

— Нѣтъ, скажи,—говорю:—мнѣ: какъ твое имя?

А онъ, какъ совсѣмъ бы ему не соответствовало, бабственною погудкою говоритъ:

— Зовутъ меня зовуткою, а величаютъ уткою, и съ этими пустыми словами пополазъ было со свѣчечкою въ какой-то малый чуланъ, тѣсный какъ дощатый гробикъ, но пзъ-за стѣны на него тотъ дерзый вдругъ опять закричалъ:

— Не смѣй огня жечь: келью сожжешь, по книжкѣ днемъ намолишься, а теперь впотьмахъ молись!

— Не буду,—отвѣчаетъ:—brate Миронъ, не буду. Спаси тебя Богъ!

И задулъ свѣчку.

Я шепчу:

— Отче! кто это на тебя такъ грубительно грозитъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это служба мой, Миронъ... добрый человекъ, онъ блюдетъ меня.

«Ну, шабашъ! думаю, это анахоритъ Памва! Никто это другой, какъ онъ, и беззавистный, и безгнѣвный. Вотъ когда бѣда! обрящель онъ насъ и теперь ислить насъ какъ гангрена жиръ; одно только оставалось, чтобы завтра рано на зарѣ восхитить отсюда Левонтія и бѣжать отсюда такъ, чтобъ онъ не зналъ, гдѣ мы были». Держа этотъ планъ, я положилъ не спать и блюсти первый просвѣтъ, чтобы возбудить отрока и бѣжать.

А чтобы не заснуть и не проспять, лежу да твержу: «Вѣрую» какъ должно по-старому, и какъ протвержу разъ, сейчасъ причитаю «сія вѣра апостольская, сія вѣра каѳолическая, сія вѣра вселенную утверди» и опять начинаю. Не знаю, сколько разъ я эту «Вѣрую» прочелъ, чтобы не заснуть, но только много; а старичокъ все въ своемъ гробѣ молится, и мнѣ оттуда сквозь пазы тесины точно свѣтъ кажетъ и видно какъ онъ кланяется, а потомъ вдругъ будто началъ слышаться разговоръ, и какой... самый необъяснимый, будто вошелъ къ старцу Левонтій, и они говорятъ о вѣрѣ, но безъ словъ, а такъ смотрятъ другъ на друга и понимаютъ. И это долго мнѣ такъ представлялось, я уже «Вѣрую» позабылъ твердить, а слушаю, какъ будто старецъ говоритъ отрогу: «поди, очистишь», а тотъ отвѣчаетъ «и очищусь». И теперь вамъ не скажу, все это было во снѣ, или не во снѣ, но только я потомъ еще долго спалъ и, наконецъ, просыпаюсь и вижу: утро, совсѣмъ свѣтло, и оный старецъ, хозяинъ нашъ, анахоритъ сидитъ и свайкою лы-

ковый лапѣтокъ на колѣняхъ ковыряеть. Я сталъ въ него всматриваться.

Ахъ, сколь хорошы! ахъ, сколь духовень! Точно ангель предо мною сидитъ и лапѣтки плететь, для простаго себя міру явленія.

Гляжу я на него и вижу, что и онъ на меня смотритъ и улыбається, и говоритъ:

— Полю, Маркъ, спать, пора дѣло дѣлать.

Я отзываюсь:

— Какое же, боготечный мужъ, мое дѣло? Или ты все знаешь?

— Знаю,—говоритъ:—знаю. Когда же человекъ далекий путь безъ дѣла творить? Всѣ, брате, всѣ пути Господняго ишутъ. Помогай Господь твоему смиренію, помогай!

— Какое же,—говорю:—святой человекъ, мое смиреніе?—ты смиренъ, а мое чтѣ за смиреніе въ суетѣ!

А онъ отвѣчаетъ:

— Ахъ, нѣтъ, брате, нѣтъ, я не смиренъ: я великій дерзостникъ, я себѣ въ небесномъ царствѣ части желаю.

И вдругъ, сознавъ сіе преступленіе, сложилъ ручки и, какъ малое дитя, заплакалъ.

— Господи!—молится,—не прогнѣвайся на меня за сію волевращность: пошли меня въ преисподнѣйшій адъ и повели демонамъ меня мучить, какъ я того достоинъ!

«Ну, думаю, нѣтъ: слава Богу, это не Памва прозорливый анахоритъ, а это просто какой-то умоповрежденный старецъ». Разсудилъ я такъ потому, что кто же въ здоровомъ умѣ небеснаго царства можетъ отрицаться и молить, дабы послалъ его Господь на мученіе демонамъ? Я этакого хотѣнія во всю жизнь ни отъ кого не слыхалъ и, сочтя оное за безуміе, отвратился отъ старцева илача, считая оный за скорбь демоноговѣйную. Но, наконецъ, разсуждаю: что же это я лежѹ, пора вставать, но только вдругъ гляжу, отворяется дверь и входитъ мой Левонтій, про котораго я точно совсѣмъ позабылъ. И какъ онъ вошелъ, сейчасъ старцу въ ноги и говоритъ:

— Я, отче, все совершилъ: теперь благослови!

А старецъ посмотрѣлъ на него и отвѣчаетъ:

— Миръ ти: почій!

И мой отрокъ, гляжу, опять ему въ землю поклонился и вышелъ, а анахоритъ опять сталъ свой лапѣтокъ плести.

Тутъ я сразу вскочилъ и думаю:

«Нѣтъ: пойду скорѣе возьму Леву и утечемъ отсюда безъ оглядки!» и съ тѣмъ выхожу въ малыя сѣнчки и вижу, что мой отрокъ лежитъ тутъ на дощаной скамьѣ безъ главія, навзничъ и ручки на груди сложилъ.

Я, чтобы не подать ему виду тревоги, гласно спрашиваю:

— Не знаешь ли ты, гдѣ я зачерпну себѣ воды, чтобы лицо умыть?—а шопотомъ шепчу ему:—Богомъ живымъ тебя заклинаю, скорѣе отсюда пойдѣмъ!

Но всматриваюсь въ него и вижу, что Лева не дышитъ... Отошелъ!.. Умеръ!..

Взвиль я не своимъ голосомъ:

— Памва! отецъ Памва, ты убилъ моего отрока!

А Памва вышелъ потихоньку на порогъ и говоритъ съ радостію:

— Улетѣлъ нашъ Лева!

Меня даже зло взяло.

— Да,—отвѣчаю сквозь слезы:—онъ улетѣлъ. Ты изъ него душу, какъ голубя изъ клѣтки, выпустилъ!—и повергшись къ ногамъ усопшаго, стоналъ я и плакалъ надъ нимъ даже до вечера, когда яришли изъ монастырька иноки, опрятали его мощи, положили въ гробъ и понесли, такъ какъ онъ симъ утромъ, пока я нетягъ спалъ, къ церкви присоединился.

Ни одного слова я болѣе отцу Памвѣ не сказалъ, да и что бы я могъ ему сказать: согруби ему—онъ благословитъ, приберѣй его—онъ въ землю поклонится, неодолимъ сей челоуѣкъ съ такимъ смиреніемъ! Чего онъ утрашится, когда даже въ адъ самъ просится? Нѣтъ; недаромъ я его трепеталъ и опасался, что истлѣтъ онъ насъ, какъ гангрена жиръ. Онъ и демоновъ-то всѣхъ своимъ смиреніемъ изъ ада разгонитъ, или къ Богу обратитъ! Они его станутъ мучить, а онъ будетъ просить: «жоще терзайте, ибо я того достоинъ». Нѣтъ, нѣтъ! Этого смиренія и сатанѣ не выдержать! онъ всѣ руки о него обколотитъ, всѣ когти обдеретъ и самъ свое безспіе постигнетъ предъ Содѣтелемъ, такую любовь создавшимъ, и устыдится Его.

Такъ я себѣ и порѣшилъ, что сей старецъ съ лапоткомъ аду на погибель созданъ! и всю ночь по лѣсу бродячи, не знаю отчего вдаль не иду, а все думаю:

«Какъ же онъ молится, какимъ образомъ и по какимъ книгамъ?»

И вспоминаю, что я не видалъ у него ни одного образа, окромѣ креста изъ палочекъ, лычкомъ визаннаго, да не видалъ и толстыхъ книгъ...

«Господи! дерзаю разсуждать: если только въ церкви два такіе человѣка есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевленъ».

И все я о немъ думалъ и думалъ и вдругъ передъ утромъ началъ жадать хотъ на минуту его предъ отходомъ отсюда видѣнія.

И только что я это помыслить, вдругъ опять слышу, опять такой самый трескотъ, и отецъ Памва опять выходитъ съ топоромъ и съ визанкою дровъ и говоритъ:

— Что долго медилъ? Поспѣшай Вавилонъ строить?

Мнѣ это слово показалось очень горько и я сказалъ:

— За что же ты меня, старче, такимъ словомъ упречаешь: я никакого Вавилона не строю и отъ вавилонской мерзости особлюсь.

А онъ отвѣчаетъ:

— Что есть Вавилонъ? столпъ киченія; не кичись правдою, а то Ангель отступится.

— Я говорю: отче, знаешь ли, зачѣмъ я хожу? И разсказалъ ему все наше горе. А онъ все слушалъ, слушалъ и отвѣчаетъ:

— Ангель тихъ, Ангель кротокъ, во что ему повелитъ Господь, онъ въ то и одѣется; что ему укажетъ, то онъ сотворитъ. Вотъ Ангель! Онъ въ душѣ человѣчей живетъ, суемудріемъ запечатлѣнъ, но любовь сокрушитъ печаль...

И съ тѣмъ вижу онъ удаляется отъ меня, а я отворотить глазъ отъ него не могу и, преодолять себя будучи не въ состояніи, пасть и вслѣдъ ему въ землю поклонился, а поднимаю лицо и вижу, его уже нѣтъ, или за древа зашелъ, или... Господь знаетъ куда дѣлся.

Тутъ я сталъ перебирать въ умѣ его слова, что такое: Ангель въ душѣ живетъ, но запечатлѣнъ, а любовь освободитъ его, да вдругъ думаю: «А что если онъ самъ Ангель, и Богъ повелитъ ему въ иномъ видѣ явиться мнѣ: я умру какъ Левонтій!» Взгадавъ это, я, самъ не помню, на какомъ-то пенькѣ переплылъ черезъ рѣчонку и ударился бѣжать: шестьдесятъ верстъ безъ остановки ушелъ, все въ страхѣ, думая не Ангела ли я это видѣлъ, и вдругъ захожу въ одно село и нахожу здѣсь изографа Севастьяна. Сразу

мы съ нимъ обо всемъ переговорили и положили, чтобы завтра же ѣхать, но поладили мы холодно и ѣхали еще холоднѣе. А почему? Разъ потому, что изографъ Севастьянъ былъ человѣкъ задумчивый, а еще того болѣе потому, что самъ я не тотъ сталъ: виталъ въ душѣ моей анахоритъ Памва, и уста шептали слова пророка Исаи, что «духъ Божій въ ноздрѣхъ человѣка сего».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Обратное подорожіе мы съ изографомъ Севастьяномъ отбыли скоро и, прибывъ къ себѣ на постройку ночью, застали здѣсь все благополучно. Повидавшись съ своими, мы сейчасъ же появились и англичанину Якову Яковлевичу. Тотъ, любопытный этакой, сейчасъ же поинтересовался изографа видѣть и все ему на руки его смотрѣлъ да плечью пожималъ, потому что руки у Севастьяна были большущія какъ грабли и черныя, поелику и самъ онъ былъ видомъ какъ цыганъ черенъ. Яковъ Яковлевичъ и говоритъ:

— Удивляюсь я, братецъ, какъ ты такими ручищами можешь рисовать?

А Севастьянъ отвѣчаетъ:

— Отчего же? Чѣмъ мои руки несоотвѣтственны?

— Да тебѣ,—говоритъ:—что-нибудь мелкое ими не вывести.

Тотъ спрашиваетъ:

— Почему?

— А потому, что гибкость состава перстовъ не позволить.

А Севастьянъ говоритъ:

— Это пустяки! Развѣ персты мои могутъ мнѣ на что-нибудь позволять или не позволять? Я имъ господинъ, а они мнѣ слуги и мнѣ повищаются.

Англичанинъ улыбается.

— Значитъ ты,—говоритъ:—намъ запечатлѣннаго Ангела подведешь?

— Отчего же,—отвѣчаетъ:—я не изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣла боятся, а меня самого дѣло боится; такъ подведу, что и не отличите отъ настоящей.

— Хорошо,—молвилъ Яковъ Яковлевичъ:—мы немедля же станемъ стараться настоящую икону достать, а ты тѣмъ

часомъ, чтобъ увѣрить меня, докажи мнѣ свое искусство: напиши ты моеѣ женѣ икону въ древне-русскомъ родѣ и такую, чтобъ ей нравилась.

— Какое же во-иня?

— А ужъ этого я,—говоритъ:— не знаю; что знаешь, то и напиши, это ей все равно, только чтобы нравилась.

Севастьянъ подумалъ и вопрошаетъ:

— А о чемъ ваша супруга болѣе Богу молится?

— Не знаю, — говоритъ: — другъ мой; не знаю о чемъ, но, я думаю, вѣриѣ всего о дѣтяхъ, чтобъ изъ дѣтей честные люди вышли.

Севастьянъ опять подумалъ и отвѣчаетъ:

— Хорошо-съ, я и подѣ этотъ вкусъ потрафлю.

— Какъ же ты потрафишь?

— Такъ изображу, что будетъ созерцательно и усугубленію молитвеннаго духа супруги вашей благопріятно.

Англичанинъ велѣлъ ему дать всѣ удобства у себя на вышкѣ, но только Севастьянъ не сталъ тамъ работать, а сѣлъ у окошечка на чердачкѣ надъ Луки Кириллова горенкой и началъ свою акцію.

И что же онъ, государи мои, сдѣлалъ, чего мы и вообразить не могли. Какъ шло дѣло о дѣтяхъ, то мы думали, что онъ изобразитъ Романа чудотворца, коему молятся отъ неплодія, или избіеніе младенцевъ въ Иерусалимѣ, что всегда матерямъ, потерявшимъ чадъ, бываетъ пріятно, ибо тамъ Рахиль съ ними плачетъ о дѣтяхъ и не хочетъ утѣшиться; но сей мудрый изографъ, сообразивъ, что у англичанки дѣти есть и она льетъ молитву не о дарованіи ихъ, а объ оправданіи ихъ нравственности, взялъ и совсѣмъ иное написать, къ цѣлямъ ея еще болѣе соотвѣтственное. Избралъ онъ для сего старенькую самую небольшую досточку пядницу, то-есть въ одну ручную лядь величины, и началъ на ней таланствовать. Прежде всего онъ ее разумѣется, добре вылевкасилъ крѣпкимъ казанскимъ алебастромъ, такъ что сталъ этотъ левкасъ гладокъ и крѣпокъ какъ слоновья кость, а потомъ разбилъ на ней четыре ровныя мѣста и въ каждомъ мѣстѣ обозначилъ особливую малую икону, да еще ихъ стѣснилъ тѣмъ, что промежду нихъ на оліфѣ золотомъ каймы положилъ, и сталъ писать: въ первомъ мѣстѣ написалъ рождество Іоанна Предтечи, восемь фигуръ и поворожденное дитя, и палаты;

во второмъ — рождество Пресвятыя Владычицы Богородицы, шесть фигуръ и новорожденное дитя, и палаты; въ третьемъ — Спасово пречистое рождество, и хлѣвъ, и ясли, и предстоящіе Владычица и Иосифъ, и припадшіе боготечныя волхвы, и Соломія баба, и скоть всякимъ подобіемъ: волы, овцы, козы и осли, и сухолапль птица, жидамъ запряженная, коя пишется въ означеніе, что идетъ сіе не отъ жидовства, а отъ Божества, все создавашаго. А въ четвертомъ отдѣленіи рожденеіе Николая Угодника, и опять тутъ и святой угодникъ въ младенчествѣ, и палаты, и многіе предстоящіе. И что тутъ былъ за смыслъ, чтобы видѣть предъ собою воспитателей столь добрыхъ чадъ, и что за художество, всѣ фигурки ростомъ въ булавочку, а вся ихъ одушевленность видна и движеніе. Въ богородичномъ рождествѣ, на примѣръ, святая Анна, какъ по греческому подлиннику назначено, на одрѣ лежитъ, предъ нею дѣвнцы тимпанщицы стоятъ, и однѣ держатъ дары, а инныя солнечникъ, инныя же свѣщи. Едина жена держитъ святую Анну подъ плечи; Іоакимъ зрѣтъ въ верхнія палаты; баба святую Богородицу омываетъ въ купели до пояса: по сторонѣ дѣвнца льетъ изъ сосуда воду въ купель. Палаты всѣ разведены по циркулю, верхняя призелень, а нижняя бокань, и въ этой нижней палатѣ сидитъ Іоакимъ и Анна на престолѣ, и Анна держитъ Пресвятую Богородицу, а вокругъ между палатъ столбы каменные, запыны червленныя, а ограда бѣла и вохряна... Дивно, дивно все это Севастьянъ изобразилъ, и въ премельчайшемъ каждомъ личикѣ все богозрительство выразилъ и надписалъ образъ «Доброчадіе» и принесъ англичанамъ. Тѣ глянули, стали разбирать, да и руки врозь: никогда, говорятъ, такой фантазіи не ожидали и такой тонкости мелкоскопическаго письма не слыхивали, даже въ мелкоскопъ смотрятъ, и то никакой ошибки не находятъ, и дали они Севастьяну за икону двѣсти рублей и говорятъ:

— Можешь ли ты еще мельче выразить?

Севастьянъ отвѣчаетъ:

— Могу.

— Такъ скопируй мнѣ, — говоритъ: — въ перстень женинъ портретъ.

Но Севастьянъ говоритъ:

— Нѣтъ, вотъ ужъ этого я не могу.

— А почему?

— А потому, — говоритъ: — что, во-первыхъ, я этого искусства не пробоваль, а повторительно, я не могу для него своего художества унизить, дабы отеческому осужденію не подпасть.

— Что за вздоръ такой!

— Никакъ нѣтъ, — отвѣчаетъ: — это не вздоръ, а у насъ есть отеческое постановленіе отъ благихъ временъ, и въ патріаршей грамотѣ подтверждается: «аще убо кто на таковое святое дѣло, еже есть иконное воображеніе, сподобится, то тому изряднаго жителства изографу ничего, кромѣ святыхъ иконъ, не писать!»

Яковъ Яковлевичъ говоритъ:

— А если я тебѣ пятьсотъ рублей дамъ за это?

— Хоть и пятьсотъ тысячъ обѣщайте. все равно, при васъ онѣ останутся.

Англичанинъ просіялъ и шутя говоритъ женѣ:

— Какъ это тебѣ правится, что онъ твое лицо писать считаетъ для себя за униженіе?

А самъ ей по-аглички прибавляетъ: «охъ, моль, гуть карахтеръ». Но только молвилъ въ концѣ:

— Смотрите же, братцы, теперь мы беремъ все дѣло шабашить, а у васъ, я вижу, на все свои правила, такъ чтобы не было унущено или позабыто чего-нибудь такого, что всему помѣшать можетъ.

Мы отвѣчаемъ, что ничего такого не предвидимъ.

— Ну, такъ смотрите, — говоритъ: — я начинаю, — и онъ поѣхалъ ко владыкѣ съ просьбою, что хочетъ-де онъ поусердствовать, на запечатлѣнномъ Ангелѣ ризу позолотить и вѣнецъ украсить. Владыко на это ему ни то, ни се: ни отказываетъ, ни приказываетъ; а Яковъ Яковлевичъ не отстаетъ и домогаетъ; а мы уже ждемъ, что порохъ огня.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

При семъ позвольте вамъ, господа, напомнить, что съ тѣхъ поръ, какъ это дѣло началось, время прошло не мало, и на дворѣ стояло Спасово Рождество. Но вы не числите тамоннее Рождество наравнѣ со здѣшнимъ: тамъ время бываетъ съ каприземъ, и одинъ разъ справляетъ этотъ праздникъ по зимнему, а въ другой разъ не вѣсть по какому: дождить, мокнеть; одинъ день слегка морозцемъ постынетъ,

а на другой опять растворить; рѣку то ледкомъ засалить. то вспучить и нестеть крыги какъ будто въ весеннюю половодь... Однимъ словомъ, самое непостоянное время, и какъ по тамошнему мѣсту зовется уже не погода, а просто *халепна*, такъ оно ей и пристало халепой быть.

Въ тотъ годъ, къ коему рассказъ мой клонить, непостоянство это было самое досадительное. Пока я вернулся съ изографомъ, я не могу вамъ и перечислить, какое число разъ наши то на зимнемъ, то на лѣтнемъ положеніи себя поставляли. А время было, по работѣ глядя, самое горячее, потому что уже у насъ всѣ семь быковъ были готовы и съ одного берега на другой цѣпи переносились. Хозяевамъ, разумѣется, какъ можно скорѣе хотѣлось эти цѣпи соединить, чтобы на нихъ къ половодью хоть какой-нибудь временной мостикъ подвѣсить для доставки матеріала, но это не удалось: только цѣпи перетянули, жамкнувъ такой морознице, что мостить нельзя. Такъ и осталось; цѣпи однѣ висятъ, а моста нѣтъ. Зато создалъ Богъ другой мостъ: рѣка стала, и нашъ англичанинъ поѣхалъ по льду за Днѣпръ хлопотать о нашей иконѣ и оттуда возвращается и говорить мнѣ съ Лукою:

— Завтра,—говорить:—ребята, ждите, я вамъ ваше сокровище привезу.

Господи, чтò только мы въ эту пору почувствовали! Хотѣли было сначала тайнствовать и одному изографу сказать, но утерпѣть ли сердцу человѣчу! Въмѣсто соблюденія тайности, обѣгли мы всѣхъ своихъ, во всѣ окна постучали и все другъ къ другу шепчемъ, да не знать чего бѣгаемъ отъ избы къ избѣ, благо ночь свѣтлая, превосходная, морозъ по свѣгу самоцвѣтнымъ камнемъ сыпнеть, а въ чистомъ небѣ Есперь звѣзда горить.

Проведя въ такой радостной бѣготнѣ ночь, день мы встрѣтили въ томъ же восхищенномъ ожиданіи, и съ утра уже отъ своего изографа не отходимъ и не знаемъ, куда за нимъ его сапоги понести, потому что пришелъ часъ, когда все зависитъ отъ его художества. Что только онъ скажетъ подать или принести, мы во всякій слѣдъ вдесятеромъ летимъ и такъ усердствуемъ, что одинъ другого съ ногъ валимъ. Даже дѣдъ Марой до той поры бѣгалъ, что, зацѣпившись, каблукъ оторвалъ. Одинъ только самъ изографъ спокоентъ, потому что ему эти дѣла было уже не впервые дѣлать, и

потому онъ несуетно себѣ все приготовлялъ: яйцо кваскомъ развелъ, олифу осмотрѣлъ, приготовилъ левкасный холстикъ, старенькія досточки, какія подходія къ величинѣ иконы, разложили, настроили острую пилку, какъ струну, въ излучинѣ изъ крѣпикаго обода, и сидитъ подъ окошечкомъ, да какіе предвидитъ нужными вапы пальцами въ долони перетираетъ. А мы всѣ вымылись въ печи, понадѣвали чистыя рубашки и стоимъ на бережку, смотримъ на градъ убѣжища, откуда долженъ къ намъ свѣтоносный гость пожаловать; а сердца такъ то затрепещутъ, то падаютъ...

Ахъ, какія были мгновенія, и длились они съ равней зарю даже до вечера, и вдругъ видимъ мы, что по льду отъ города англичаниновъ сани несутся и прямо къ намъ... По всѣмъ трепеть прошелъ, шапку всѣ подъ ноги бросили и молимся.

— Боже Отецъ духовомъ и ангеломъ: пощади рабы Твои!

И съ этимъ моленьемъ упали ницъ на снѣгъ и впередъ жадно руки простираемъ, и вдругъ слышимъ надъ собою англичаниновъ голосъ:

— Эй, вы! Старовѣры! Вотъ вамъ привезъ!—и подаетъ узелокъ въ бѣломъ платочкѣ.

Лука принялъ узелокъ и замеръ: чувствуетъ, что это что-то малое и легковѣсное! Раскрылъ уголокъ платочка и видитъ: это одна басма съ нашего Ангела сорвана, а самой иконы нѣтъ.

Кинулись мы къ англичанину и говоримъ ему съ плачемъ:

— Обманули вапу милость, тутъ иконы нѣтъ, а одна басма серебряная съ нея прислана.

Но англичанинъ уже не тотъ, что былъ къ намъ до сего времени: вѣрно досадило ему это долгое дѣло, и онъ крикнулъ на насъ:

— Да что же вы все путаете! Вы же сами мнѣ говорили, что надо ризу выпросить, я ее и выпросилъ: а вы, вѣрно, просто не знаете, что вамъ нужно!

Мы ему, видя, что онъ возклокоталъ, съ осторожностью было начали объяснять, что намъ икона нужна, чтобы подѣлокъ сдѣлать, но онъ не сталъ насъ болѣе слушать, выгналъ вонъ и одну милость показалъ, что велѣлъ изографа къ нему послать.

Пошелъ къ нему изографъ Севастьянъ, а онъ точно такимъ же манеромъ и на него съ клокотаніемъ.

— Твой,—говоритъ:—мужики сами не знаютъ, чего хотятъ: то просили ризу, говорили, что тебѣ только надо размѣры, да абрисъ снять, а теперь ревутъ, что это имъ ни къ чему не нужно; но я болѣе вамъ ничего сдѣлать не могу, потому что архіерей образа не даетъ. Поддѣлывай скорѣе образъ, обложимъ его ризою и отдадимъ, а старый мнѣ секретарь выкрадетъ.

Но Севастьянъ изографъ, какъ человѣкъ разсудительный, обаялъ его мягкою рѣчью и отвѣтствуетъ:

— Нѣтъ,—говоритъ:—ваша милость; наши мужички свое дѣло знаютъ, и намъ, дѣйствительно, подлинная икона впередъ нужна. Это, говоритъ, — только въ обиду намъ выдуманно, что мы будто по переводамъ, точно по трафаретамъ пишемъ. А у насъ въ подлинникѣ постановленъ законъ, но исполненіе его дано свободному художеству. По подлиннику, напримѣръ, повелѣно писать Святого Зосиму или Герасима со львомъ, а не стѣснена фантазія изографа какъ при нихъ того льва изобразить? Святого Неофита указано съ птицею голубемъ писать; Конона Градаря съ цвѣткомъ, Тимоѳея съ ковчежемъ, Георгія и Савву Стратилата съ копьями, Ѳотія съ корнавкой, а Кондрата съ облаками, пбо онъ облака воспитывалъ, но всякій изографъ воленъ это изобразить какъ ему фантазія его художества позволить, и потому опять не могу я знать, какъ тотъ Ангель писанъ, котораго надо подмѣнить.

Англичанинъ все это выслушалъ и выгналъ Севастьяна какъ и насъ, и нѣтъ отъ него никакого дальнѣе рѣшенія, и сидимъ мы, милостивые государи, надъ рѣкою, яко раны на нырищѣ, и не знаемъ, вполнѣ ли отчаиваться или еще чего ожидать, но идти къ англичанину уже не смѣемъ, а къ тому же, и погода стала опять единохарактерна намъ: спустилась ужасная оттепель и засѣялъ дождь, небо среди дня все яко дымъ копильный, а ночи темнѣющія, даже Еснеръ звѣзда, которая въ декабрѣ съ тверди небесной не сходитъ, и та скрылась и ни разу не выгянетъ... Тюрьма душевная, да и только! И таково наступило Спасово Рождество, а въ самый сочельникъ ударилъ громъ, полилъ ливень, и льетъ. и льетъ безъ уставу два дни и три дни: снѣгъ весь смыло и въ рѣку снесло, а на рѣкѣ ледъ пачать

синѣть да пучиться, и вдругъ его въ предпоследній день года всперло и понесло... Мчитъ его сверху и швыряеть крыга на крыгу по мутной волнѣ, у нашихъ построекъ всю рѣку затерло: горой содитъ льдина на льдину и прыдають онѣ и сами звенять, прости Господи, точно демоны... Какъ стоятъ постройки и этакое несподиванное тѣсеніе терпятъ, даже удивительно. Страшные миллионы могло разрушить, но намъ не до того: потому что у насъ изографъ Севастьянъ, видя, что дѣла ему никакого нѣтъ, вскромолился, — складаетъ пожитки и хочетъ въ инья страны пдти, и никакъ его удержать не можемъ.

Да не до того было и англичанину, потому что съ нимъ за эту непогодъ что-то такое подѣлалось, что онъ мало съ ума не сошелъ: все, говорятъ, ходилъ да у всѣхъ спрашивалъ: «Куда дѣться? Куда дѣваться?» И потомъ вдругъ преодолѣлъ себя какъ-то, призываетъ Луку и говоритъ:

— Знаешь, что, мужикъ: пойдемъ вашего Ангеля красть?

Лука отвѣчаетъ:

— Согласенъ.

По Луки замѣчанію было такъ, что англичанинъ точно будто жаждалъ испытать опасныхъ дѣяній и положилъ такъ, что поѣдетъ онъ завтра въ монастырь къ епископу, возьметъ съ собою изографа подъ видомъ злоторя и попроситъ ему икону Ангела показать, дабы онъ могъ съ нея обстоятельный переводъ снять будто для ризы; а между тѣмъ какъ можно лучше въ нее взглянется и дома напишетъ съ нея поддѣлокъ. Затѣмъ, когда у настоящаго злоторя риза будетъ готова, ее привезутъ къ намъ за рѣку, а Яковъ Яковлевичъ поѣдетъ опять въ монастырь и скажетъ, что хочетъ архіерейское праздничное служеніе видѣть и войдетъ въ алтарь и станетъ въ шинели въ темномъ алтарѣ у жертвенника, гдѣ наша икона на окнѣ бережется, и скрадетъ ее подъ полу, и, отдавъ чловѣку шинель, якобы отъ жары, велитъ ее вынести. А на дворѣ за церковью нашъ чловѣкъ, чтобы сейчасъ изъ той шинели икону взять и летѣлъ съ нею сюда на сей бокъ, и здѣсь изографъ долженъ въ продолженіе времени, пока идетъ всеобщая, старую икону со старой доски снять, а поддѣлокъ вставить, ризою одѣть и назадъ прислать, такимъ манеромъ, чтобы Яковъ Яковлевичъ могъ ее опять на окно поставить, какъ будто ничего не бывало.

— Что же-съ? Мы, говоримъ, на все согласны!

— Только смотрите же,—говоритъ:—помните, что я стану на мѣстѣ вора и хочу вамъ вѣрить, что вы меня не выдадите.

Лука Кириловъ отвѣчаетъ:

— Мы, Яковъ Яковлевичъ, не того духа люди, чтобъ обманывать благодѣтелей.—Я возьму пкону и вамъ обѣ назадъ принесу, в настоящую, и поддѣлокъ.

— Ну, а если тебѣ что-нибудь помѣшаетъ?

— Что же такое мнѣ можетъ помѣшать?

— Ну, вдругъ ты умрешь или утонешь.

Лука думаетъ: отчего бы, кажется, быть такому препятствію, а, впрочемъ, соображаетъ, что, дѣйствительно, трафляется иногда и кладязь копающему обрѣтать сокровище, а идущему на торгъ встрѣчать пса обѣснума, и отвѣчаетъ:

— На такой случай я, сударь, при васъ такого своего человѣка оставляю, который, въ случаѣ моей неустойки, всю вину на себя приметъ и смерть претерпитъ, а не выдастъ васъ.

— А кто это такой человѣкъ, на котораго ты такъ полагаешься?

— Ковачъ Марой,—отвѣчаетъ Лука.

— Это старикъ?

— Да, онъ не молодъ.

— Но онъ, кажется, глухъ?

— Намъ, молъ, его умъ не надобенъ, но зато сей человѣкъ достойный духъ имѣеть.

— Какой же,—говоритъ:—можетъ быть духъ у глупаго человѣка?

— Духъ, сударь, — отвѣтствуетъ Лука: — бываетъ не по разуму; духъ идѣ же хочетъ дышитъ, и все равно, что волосъ растеть у одного долгій и роскошный, а у другого скудный.

Англичанинъ подумалъ и говоритъ:

— Хорошо, хорошо: это все интересныя ощущенія. Ну, а какъ же онъ меня выручитъ, если я попадусь?

— А вотъ какъ,—отвѣчаетъ Лука:—вы будете въ церкви у окна стоять, а Марой станетъ подъ окномъ снаружи, и если я къ концу службы съ иконами не явлюсь, то онъ стекло разобьетъ и въ окно полѣзетъ и всю вину на себя приметъ.

Это англичанину очень понравилось.

— Любопытно,—говоритъ:—любопытно! А почему я дол-

женъ этому вашему глупому человѣку съ духомъ вѣрять, что онъ самъ не убѣжитъ?

— Ну, ужъ это, моль, дѣло взаимовѣрія.

— Взаимовѣрія, повторяетъ...—Гм, гм, взаимовѣрія! Я за глупаго мужика въ каторгу, или онъ за меня подъ кнутъ? Гм, гм! Если онъ сдержитъ слово... подъ кнутъ... Это интересно.

Послали за Мароемъ и объяснили ему въ чемъ дѣло, а онъ говоритъ:

— Ну такъ что же?

— А ты не убѣжишь?—говоритъ англичанинъ.

А Марой отвѣчаетъ:

— Зачѣмъ?

— А чтобы тебя плетью не били, да въ Сибирь не сослали.

А Марой говоритъ:

— Экося!—да больше и разговаривать не сталъ.

Англичанинъ такъ и радуется: весь ожилъ.

— Прелесть,—говоритъ:—какъ интересно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сейчасъ же за этимъ переговоромъ началась и акція. Навеслили мы на утро большой хозяйскій баркасъ и перевезли англичанина на городской берегъ: онъ тамъ сѣлъ съ изографомъ Севастьяномъ въ коляску и покати въ монастырь, а черезъ часъ съ небольшимъ смотримъ, бѣжитъ нашъ изографъ и въ рукахъ у него листокъ съ переводомъ иконы.

Спрашиваемъ:

— Видѣлъ ли, родной нашъ, и можешь ли теперь поддѣлокъ потрафить?

— Видѣлъ,—отвѣчаетъ:—и потрафлю, только развѣ какъ бы малость чѣмъ живѣе не сдѣлать, но это не бѣда, когда икона сюда придетъ, я тогда въ одну минуту яркость цвѣта усмирю.

— Батюшка,—молимъ его:—порадѣй!

— Ничего,—отвѣчаетъ:—порадѣю!

И какъ мы его привезли, онъ сейчасъ сѣлъ за работу и къ сумеркамъ у него на холстикѣ поспѣлъ Ангель, двѣ капли воды какъ нашъ запечатлѣнный, только красками какъ будто немножко свѣжѣе.

Къ вечеру и злотарь новый окладъ прислалъ, потому онъ еще прежде былъ по басмѣ заказанъ.

Наступалъ самый опасный часъ нашего воровства.

Мы, разумѣется, во всемъ изготовились и предъ вече-

ромъ помолчались и ждемъ должнаго мгновенія, и только что на томъ берегу въ монастырѣ въ первый колоколь ко всенощной ударили, мы съли три человекъ въ небольшую ладью: я, дѣдъ Марой, да дядя Лука. Дѣдъ Марой захватилъ съ собою топоръ, долото, ломъ и веревку, чтобы больше на вора походить, и поплыли прямо подъ монастырскую ограду.

А сумерки въ эту пору, разумѣется, раннія, и ночь, несмотря на вселуніе, стояла претемная, настоящая воровская.

Переѣхавши, Марой и Лука оставили меня подъ бережкомъ въ лодкѣ, а сами покрались въ монастырь. Я же весла въ лодку забралъ, а самъ концомъ веревки зацѣпился и нетерпѣливо жду, чтобы чуть Лука ногой въ лодку ступить, сейчасъ плыть. Время мнѣ ужасно долго казалось отъ томленія, какъ все это выйдетъ и успѣемъ ли мы все свое воровство покрыть, пока вечерня и всенощная пройдетъ? И кажется мнѣ, что уже времени и не вѣсть сколь много ушло; а темень страшная, вѣтеръ рветъ, и вмѣсто дождя, мокрый снѣгъ повалилъ, и лодку вѣтромъ стало поколыхивать, и я, лукавый рабъ, все мало-по-малу угрѣваясь въ свитенкѣ, началъ дремать. Только вдругъ въ лодку толкъ и закачало. Я встрепенулся и вижу въ ней стоитъ дядя Лука и не своимъ передавленнымъ голосомъ говоритъ:

— Гребн!

Я беру весла, да никакъ со страха въ уключины не попаду. Насилу справился и отвалилъ отъ берега, да и спрашиваю:

— Добыли, дяди, Ангела?

— Со мной онъ, гребн моцнѣй!

— Расскажи же, — пытаю: — какъ вы его достали?

— Непорушно достали какъ было сказано.

— А успѣемъ ли назадъ взворотить?

— Должны успѣть: еще только великій прокимень вскричали. Гребн! Куда ты гребешь?

Я оглянулся: ахъ ты Господи! и точно я не туда гребу: все кажись какъ надлежитъ, впоперекъ теченія держу, а нашей слободы нѣтъ, — это потому что снѣгъ и вѣтеръ такой что страхъ, и въ глаза лѣпитъ, и вокругъ реветъ и качаетъ, а сверху рѣки точно какъ льдомъ дышитъ.

Ну, однако, милостью Божіею мы доставились; соскочили оба съ лодки и бѣгомъ побѣжали. Изографъ уже готовъ: дѣйствуетъ хладнокровно, но твердо: взялъ прежде икону въ руки, а какъ народъ передъ нею упалъ и поклонился,

то онъ подпустилъ всѣхъ познаменоваться съ замечательнымъ ликомъ, а самъ смотритъ и на нее, и на свою поддѣлку, и говорить:

— Хороша! только надо ее маленько грязной съ шафраномъ усмирить! А потомъ взялъ икону съ реберъ въ тиски и налячилъ свою пилку что приправилъ въ крутой обручъ и... пошла эта пилка порхать. Мы всѣ стоимъ и того и смотримъ, что повредить! Страсть-съ! Можете себѣ вообразить, что вѣдь спливалъ онъ ее этими своими махиными ручищами съ доски тонинною не толще какъ листокъ самой тонкой писчей бумаги... Долго ли тутъ до грѣха: то-есть вотъ на волосъ покриви пила, такъ ликъ и раздеретъ и насквозь выскочитъ! Но изографъ Севастьянъ всю эту акцію совершалъ съ такою холодностью и искусствомъ, что, глядя на него, съ каждой минутой дѣлалось мирнѣй на душѣ. И точно сплилъ онъ изображеніе на тончайшемъ самомъ словѣ, потомъ въ одну минуту этотъ спилокъ изъ краевъ вырѣзаль, а края опять на ту же доску наклеилъ, а самъ взялъ свою поддѣлку скомкалъ, скомкалъ ее въ кулакъ и ну ее трепать объ край стола, и терхать въ долоняхъ, какъ будто рвалъ и погубить ее хотѣлъ, и, наконецъ, глянулъ сквозь холстъ на свѣтъ, а весь этотъ новенькій списочекъ какъ сито сдѣлался въ трещинкахъ... Тутъ Севастьянъ сейчасъ взялъ его и вклеилъ на старую доску въ средину краевъ, а на долонь набралъ какой зналъ темной красочной грязи, замѣсилъ ее пальцами со старою олифою и шафраномъ въ родѣ замазки и ну все это долонью въ тотъ потерханный списочекъ крѣпко-накрѣпко втирать... Живо онъ все это свершалъ и вновь писанная иконка стала совсѣмъ старая и какъ разъ такая, какъ настоящая. Тутъ этотъ поддѣлокъ въ минуту проолифилъ и другіе наши люди стали окладомъ ее одѣвать, а изографъ вправилъ въ приготовленную досточку настоящей выпилкой и требуетъ себѣ скорѣе лохмотъ старой поярковой шляпы.

Это начиналась самая трудная акція распечатлѣнія.

Подали изографу шляпу, а онъ ее сейчасъ перервалъ пополамъ на колѣнѣ и, покрывъ ею замечательную икону, кричить:

— Давай каленый утюгъ!

Въ печи, по его приказу, лежалъ въ жару раскаленъ тяжелый портняжій утюгъ.

Михайлица зацѣпила его и подаетъ на ухватѣ, а Севастьянъ обернулъ ручку тряпкою, поплевалъ на утюгъ, да какъ дернетъ имъ по шляпному обрывку!.. Отъ разу съ этого вошлока злой смрадъ повалилъ, а изографъ еще разъ, да еще имъ третъ и вразъ отхватываетъ. Рука у него просто какъ молонья летаетъ и дымъ отъ поярка уже столбомъ валитъ, а Севастьянъ знай печать: одной рукой поярочекъ по-малу поворачиваетъ, а другую — утюгомъ дѣйствуетъ, и все разъ отъ разу несифшибе да сильнѣе налегаетъ, и вдругъ отбросилъ и утюгъ, и поярокъ, и поднялъ къ свѣту икону, а печати какъ не бывало: крѣпкая строгановская олифа выдержала, и сургучъ весь свелся, только чуть какъ будто красноогненная роса осталась на ликѣ, но зато свѣтлобожественный ликъ весь виденъ...

Тутъ кто молится, кто плачетъ, кто руки изографу лѣзетъ цѣловать, а Лука Кпріловъ своего дѣла не забываетъ и, минутою дорожа, подаетъ изографу его поддѣльную икону и говоритъ:

— Ну, кончай же скорѣй!

А тотъ отвѣчаетъ:

— Моя акція кончена, я все сдѣлалъ, за что брался.

— А печать наложить.

— Куда?

— А вотъ сюда этому новому Ангелу на ликъ, какъ у того было.

А Севастьянъ покачалъ головою и отвѣчаетъ:

— Ну, нѣтъ, я не чиновникъ, чтобъ этакое дѣло дерзнуть сдѣлать.

— Такъ какъ же намъ теперь быть?

— А уже я,—говоритъ:—этого не знаю. Падо было вамъ на это чиновника или нѣмца припасти, а упустили сихъ дѣятелей получить, такъ теперь сами дѣлайте.

Лука говоритъ:

— Что ты это! да мы ни за что не дерзнемъ!

А изографъ отвѣчаетъ:

— И я не дерзну.

И идеть у насъ въ эти краткія минуты такая сумятица, какъ вдругъ влетаетъ въ избу Якова Яковлевича жена, вся блѣдная какъ смерть, и говоритъ:

— Неужели вы еще не готовы?

Говоримъ: и готовы, и не готовы: важнѣйшее сдѣлали, но ничтожнаго не можемъ.

А она нѣмуетъ по-своему:

— Что же вы ждете? Развѣ вы не слышите, что на дворѣ?

Мы прислушались и сами еще хуже ее поблѣднѣли: въ своихъ заботахъ мы на погоду вниманія не обращали, а теперь слышимъ гуль: ледъ идетъ!

Выскочилъ я и вижу, онъ уже силошной во всю рѣку претъ, какъ звѣрье какое бѣшеное, крыга на крыгу скачетъ, другъ на дружку такъ и прыдаютъ, и шумятъ, и ломаются.

Я, себя не помня, кинулся къ лодкамъ, ихъ ни одной нѣтъ: всё унесло... У меня во рту языкъ осметкомъ сталъ, такъ что никакъ его не сомну, и ребро за ребро опустилось, точно я въ землю ухожу... Стою и не двигаюсь, и голоса не даю.

А пока мы тутъ во тьмѣ мечемся, англичанка, оставшись тамъ въ избѣ одна съ Михайлицей и узнавъ, въ чемъ задержка, схватила икону и... выскакиваетъ съ нею черезъ минуту на крыльцо съ фонаремъ и кричитъ:

— Нате, готово!

Мы глянули: у новаго Ангела на ликѣ печать!

Лука сейчасъ обѣ иконы за пазуху и кричитъ:

— Лодку!

Я открываюсь, что нѣтъ лодокъ, унесло.

А ледъ, я вамъ говорю, такъ табуномъ и валитъ, ломится объ ледорѣзы и трясетъ мостъ такъ, что ивдо слышно, какъ эти цѣпи, на что толсты, въ добрую половицу, а и то погромыхиваютъ.

Англичанка, какъ поняла это, всплеснула руками, да какъ взвизгнуть нечеловѣческимъ голосомъ: «Джемсъ!» и пала не живая.

А мы стоимъ и одно чувствуемъ:

— Гдѣ же наше слово? что теперь будетъ съ англичаниномъ? что будетъ съ дѣдомъ Мароємъ?

А въ это время въ монастырѣ на колокольнѣ зазвонили третій звонъ.

Дядя Лука вдругъ встрепенулся и воскликнулъ къ англичанкѣ:

— Очнись, государыня, мужъ твой цѣль будетъ, а развѣ только стараго дѣда нашего Мароя ветхую кожу станеть палачъ терзать и добродетельное лицо его клеймомъ обезчестить, но быть тому только развѣ послѣ моей смерти!—и съ этимъ словомъ перекрестился, выступилъ и пошелъ.

Я вскрикнулъ:

— Дядя Лука, куда ты? Левонтіи погнѣбъ и ты погнѣбъ

нешь!—да и кинулся за нимъ, чтобъ удержать, но онъ под-
нял изъ-подъ ногъ весло, которое я, прѣхавши, на-земь
бросилъ, и, замахнувшись на меня, крикнулъ:

— Прочь! или на смерть ушибу!

Господа, довольно я предъ вами въ своемъ разказѣ от-
крыто себя малодушникомъ признавалъ, какъ въ то время,
когда покойнаго отрока Левонтія на землѣ бросилъ, а самъ
на древо вскочилъ, но ей, право, говорю вамъ, что я бы
тутъ не испугался весла и отъ дяди Луки бы не отсту-
пилъ, но... угодно вамъ вѣрьте, не угодно нѣтъ, а только
въ это мгновеніе не успѣлъ я имя Левонтія вспомнить,
какъ промежду ямъ и мною во тьмѣ обрисовался отрокъ
Левонтій и рукой погрозилъ. Этого страха я не выдержалъ
и возринулся назадъ, а Лука стоитъ уже на концѣ цѣпи,
и вдругъ, утвердившись на всей ногою, молвить сквозь бурю:

— Заводи катавасію!

Головщикъ нашъ Ареа тутъ же стоялъ и сразу его по-
слушалъ и ударилъ: «Отверзу уста», а другіе подхватили,
и мы катавасію кричимъ, бури-вою сопротивляясь, а Лука
смертнаго страха не боится и по мостовой цѣпи идетъ.
Въ одну минуту онъ одинъ первый пролетъ перешелъ и на
другой спускается... А далѣе? далѣе обьяла его тьма, и не
видно: идетъ онъ или уже упалъ и крыгами проклятыми его въ
пучину забуровило, и не знаемъ мы: молить ли о его спасеніи
или рыдать за упокой его твердой и любочестивой души?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Теперь что же-съ происходило на томъ берегу? Пре-
освященный владыко архіерей своимъ правиломъ въ глав-
ной церкви всеощную совершалъ, ничего не зная, что у
него въ это время въ придѣлѣ крали; нашъ англичанинъ,
Яковъ Яковлевичъ, съ его соизволенія, стоялъ въ сосѣд-
немъ придѣлѣ въ алтарѣ и, скравъ нашего Ангела, выславъ
его, какъ намѣревался, изъ церкви въ шинели, и Лука съ
нимъ помчался; а дѣдъ же Марой, свое слово наблюдая,
остался подъ тѣмъ самымъ окномъ на дворѣ и ждетъ по-
слѣдней минуты, чтобы какъ Лука не возвратится, сейчасъ
англичанинъ отступить, а Марой разобьетъ окно и поль-
зеть въ церковь съ ломомъ и съ долотомъ, какъ настоящій
злодѣй. Англичанинъ глазъ съ него не спускаетъ и видитъ,
что дѣдъ Марой исправенъ, стоитъ на своемъ послушаніи,

и чуть замѣтитъ, что англичанинъ лицомъ къ огню приле-
гается, чтобы его видѣть, онъ сейчасъ киваетъ, что здѣсь,
моль, я — отвѣтный воръ, здѣсь!

И оба такимъ образомъ другъ другу свое благородство
являютъ и не позволяютъ одинъ другому себя во взаимо-
вѣрїи превозвысить, а къ этимъ двумъ вѣрамъ третія, еще
сильнѣйшая двизаетъ, но только не знаютъ они, что та третья
вѣра творитъ. Но вотъ какъ ударили въ послѣдній звонъ
всенощной, англичанинъ и прїотворилъ тихонько оконную
форточку, чтобы Марой дѣзъ, а самъ уже готовъ отступать,
но вдругъ видитъ, что дѣдъ Марой отъ него отворотился и не
смотреть, а напряженно за рѣку глядитъ и твердословитъ:

— Перенеси Богъ! перенеси Богъ, перенеси Богъ! — а по-
томъ вдругъ какъ всыргнетъ и самъ словно пьяный пля-
шетъ, а самъ кричитъ: — Перенесъ Богъ, перенесъ Богъ!

Яковъ Яковлевичъ въ величайшее отчаяніе пришелъ,
думаетъ:

— Ну, конецъ: глухой старикъ помѣшался, и я погибъ,
анъ смотреть, Марой съ Лукою уже обнимаются.

Дѣдъ Марой шавчить:

— Я тебя назиралъ, какъ ты съ фонарями по цѣпи шель.

А дядя Лука говоритъ:

— Со мною не было фонарей.

— Откуда же свѣтеніе?

Лука отвѣчаетъ:

— Я не знаю: я не видалъ свѣтенія, я только бѣгомъ
бѣжалъ и не знаю, какъ перебѣгъ и не упалъ... точно меня
кто подъ обѣ руки несъ.

Марой говоритъ:

— Это Ангелы. — я ихъ видѣлъ и зато я теперь не
преполовлю дня и умру сегодня.

А Лукѣ какъ некогда было много говорить, то дѣду онъ
не отвѣчаетъ, а скорѣе англичанину въ форточку обѣ иконы
подастъ. Но тотъ взялъ и кажется ихъ назадъ.

— Что же, говорить, — печати нѣтъ?

Лука говоритъ:

— Какъ нѣтъ?

— Да нѣтъ.

Ну, тутъ Лука перекрестился и говоритъ:

— Ну, конечно! Теперь некогда поправлять. Это чудо
церковный Ангелъ совершилъ, и я знаю, къ чему оно.

И сразу бросился Лука въ церковь, протѣснился въ алтарь, гдѣ владыку разоблачали, и, павъ ему въ ноги, говоритъ:

— Такъ и такъ, я святотатецъ, и вотъ что сейчасъ совершилъ: велите меня оковать и въ тюрьму посадить.

А владыка въ мѣру чести своя все то выслушалъ и отвѣтствуетъ:

— Это тебѣ, должно быть, внушительно теперь, гдѣ вѣра дѣйствительна: вы, говоритъ,—плутовствомъ съ своего Ангела печать свели, а нашъ самъ съ себя ее снялъ и тебя сюда привелъ.

Дядя говоритъ:

— Вижу, владыко, и трепещу. Повели же отдать меня скорѣе на казнь.

А архіерей отвѣтствуетъ разрѣшительнымъ словомъ:

— Властію, мнѣ данною отъ Бога, прощаю и разрѣшаю тебя, чадо. Приготовься за утро принять пречистое тѣло Христово.

Ну, а дальше, господа, я думаю, нечего вамъ и рассказывать: Лука Киріловъ и дѣдъ Марой утромъ ворочаются и говорятъ:

— Отцы и братіе, мы видѣли славу Ангела господствующей церкви, и все божественное о ней смотрѣніе въ добротолубіи ея іерарха, и сами къ оной освященнымъ елеемъ примазались и тѣла, и крови Спаса сегодня за обѣднею приобщались.

А я какъ давно, еще съ гостинокъ у старца Памвы, имѣлъ влеченіе воедино одушевиться со всею Русью, воскликнулъ за всѣхъ:

— И мы за тобой, дядя Лука! да такъ всѣ въ одно стадо, подъ одного пастыря, какъ ягнятки, и подобрался, и едва лишь тутъ только поняли, къ чему и куда всѣхъ насъ нашъ запечатлѣнный Ангель велъ, пролія сначала свои стопы и потомъ распечатлѣвшись ради любви людей къ людямъ, явленной въ сію страшную ночь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Разсказчикъ кончилъ. Слушатели еще молчали, но, наконецъ, одинъ изъ нихъ откашлянулся и замѣтилъ, что въ исторіи этой все объяснимо, и сны Михайлицы, и видѣніе, которое ей примерещилось въ просоньѣ, и паденіе Ангела, котораго забѣглая кошка или собака на полъ столкнула, и смерть Левонтія, который болѣлъ еще ранѣе встрѣчи съ Памвою, объяснимы и всѣ случайныя совпаденія словъ говорящаго какими-то загадками Памвы.

— Понятно и то,—добавилъ слушатель: — что Лука по цѣпи перешелъ съ весломъ: каменщики извѣстные мастера гдѣ угодно ходить и лазить, а весло тотъ же балансиръ; понятно, пожалуй, и то, что Марой могъ видѣть около Луки свѣтенеіе, которое принялъ за ангеловъ. Отъ большой напряженности сильно перезабышему человѣку мало ли что могло зарябнѣть въ глазахъ? Я нашелъ бы понятнымъ даже и то, если бы, напримѣръ, Марой, по своему предсказанію не преполюва дня умерь...

— Да онъ и умерь-сь,—отозвался Маркъ.

— Прекрасно! И здѣсь ничего нѣтъ удивительнаго восьмидесятилѣтнему старику умереть послѣ такихъ волненій и простуды; но вотъ, что для меня, дѣйствительно, совершенно необъяснимо: какъ могла исчезнуть печать съ новаго Ангела, котораго англичанка запечатала?

— Ну, а это уже самое простое-сь,—весело отозвался Маркъ и рассказалъ, что они послѣ этого вскорѣ же нашли эту печать между образомъ и ризою.

— Какъ же это могло случиться?

— А такъ: англичанка тоже не дерзнула ангельскій ликъ портить, а сдѣлала печать на бумажкѣ и подвела ее подъ края оклада... Оно это было очень умно и искусно ею устроено, но Лука какъ несъ иконы, такъ онѣ у него за пазухой шевелились и оттого печать и спала.

— Ну теперь, значитъ, и все дѣло просто и естественно.

— Да такъ и многіе располагаютъ, что все это случилось самымъ обыкновеннымъ манеромъ, и даже не только образованные господа, которымъ объ этомъ извѣстно, но и наша братія, въ раздорѣ остающіеся, надъ нами смѣются, что будто насъ англичанка на бумажкѣ подъ церковь подсунула. Но мы противъ таковыхъ доводовъ не споримъ: всякъ какъ вѣритъ, такъ и да судить, а для насъ все равно, какими путями Господь человѣка взыщеть и изъ какого сосуда напоить, лишь бы възыскалъ и жажду единокудія его съ отечествомъ утолил. А вонъ, мужички-вахлячки, уже вылѣзаютъ изъ-подъ снѣгу. Отдохнули, видно, сердечные, и сейчасъ поѣдутъ. Авось они и меня подвезутъ. Васильева ночка прошла. Утрудилъ я васъ и много кое-гдѣ съ собою выводилъ. Съ новымъ годомъ зато имѣю честь поздравить, и простите, Христа ради, меня невѣжу.

ПРАВЕДНИКИ.

«Безъ трехъ праведныхъ
нѣсть граду стоянiя».

При мнѣ въ сорокъ восьмой разъ умиралъ одинъ большой русскiй писатель. Онъ и теперь живетъ, какъ жилъ послѣ сорока семи своихъ прежнихъ кончинъ, наблюдавшихся другими людьми и при другой обстановкѣ.

При мнѣ онъ лежалъ одиноко во всю ширь необъятнаго дивана и приготовлялся диктовать мнѣ свое завѣщанiе, но вмѣсто того началъ браниться.

Я могу безъ застѣнчивости рассказать, какъ это было и къ какимъ повело послѣдствiямъ.

Смерть писателю угрожала по винѣ театрально-литературнаго комитета, который въ эту пору безтрепетною рукою убивалъ его пьесу. Ни въ одной аптекѣ не могло быть никакого лѣкарства противъ мучительныхъ болей, причиненныхъ этимъ авторскому здоровью.

— Душа уязвлена и всѣ кишки полутались въ утробѣ,— говорилъ страдалецъ, глядя на потолокъ гостиничнаго номера, а потомъ, переводя ихъ на меня, онъ неожиданно прикрикнулъ:

— Что же ты молчишь, будто чортъ знаетъ чѣмъ ротъ набилъ. Гадость какая у васъ, питерцевъ, на сердца: никогда вы человѣку утѣшенiя не скажете; хоть сейчасъ на вашихъ глазахъ испуцай духъ.

Я былъ первый разъ при кончинѣ этого замѣчательнаго человѣка и, не понявъ его предсмертной истомы, сказалъ ему:

— Чѣмъ мнѣ васъ утѣшить? Скажу развѣ одно, что всѣмъ будетъ чрезвычайно прискорбно, если театрально-литератур-

ный комитетъ своимъ суровымъ опредѣленіемъ прекратить драгоцѣнную жизнь вашу, но...

— Ты недурно началъ,—перебилъ писатель:—продолжай, пожалуйста, говорить, а я, можетъ-быть, усну.

— Извольте,—отвѣчалъ я:— итакъ, увѣрены ли вы, что вы теперь умираете?

— Увѣренъ ли? Говорю тебѣ, что помпрую!

— Прекрасно,—отвѣчаю:— но обдумали ли вы хорошенько: стоитъ ли это огорченіе того, чтобы вы кончились?

— Разумѣется, стѣитъ; это стѣитъ тысячу рублей,—простоналъ умирающій.

— Да: къ сожалѣнію,—отвѣчалъ я:—пьеса едва ли принесла бы вамъ болѣе тысячи рублей, и потому...

Но умирающій не далъ мнѣ окончить: онъ быстро приподнялся съ дивана и вскричалъ:

— Это еще чтѣ за гнусное разсужденіе! Подари мнѣ, пожалуйста, тысячу рублей и тогда разсуждай какъ знаешь.

— Да я, говорю,—почему же обязанъ платить за чужой грѣхъ?

— А я за чтѣ долженъ терять?

— За то, что вы, зная наши театральные порядки, описали въ своей пьесѣ все титулованныхъ лицъ и всѣхъ ихъ представили одно другого хуже и пошлѣе.

— Да-а; такъ вотъ каково ваше утѣшеніе. По-вашему, небось, все надо хорошихъ писать, а я братъ, чтѣ вижу, то и пишу, а вижу я однѣ гадости.

— Это у васъ болѣзнь зрѣнія.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ, совсѣмъ обозлясь, умирающій:—но только чтѣ же мнѣ дѣлать, когда я ни въ своей, ни въ твоей душѣ ничего, кромѣ мерзости, не вижу, и за то суще мнѣ Господь Богъ и поможетъ теперь отъ тебя отворотиться къ стѣнѣ и заснуть съ спокойной совѣстью, а завтра уѣхать, презирая всю мою родину и твои утѣшенія.

И молитва страдальца была услышана: онъ «суще» прекрасно выспался и на другой день я проводилъ его на станцію; но зато самымъ мною овладѣло отъ его словъ лютое безпокойство.

/«Какъ,—думалъ я,—неужто въ самомъ дѣлѣ ни въ моей, ни въ его и ни въ чьей иной русской душѣ не видать ничего, кромѣ дряни? Неужто все доброе и хорошее, чтѣ

когда-либо замѣтить художественный глазъ другихъ писателей, — одна выдумка и вздоръ? Это не только грустно, это страшно. Если безъ трехъ праведныхъ, по народному вѣрованію, не стоитъ ни одинъ городъ, то какъ же устоять цѣлой землѣ съ одною дрянью, которая живетъ въ моей и въ твоей душѣ, мой читатель?»

Мнѣ это было и ужасно, и несносно, и пошелъ я искать праведныхъ, пошелъ съ обѣтомъ не успокоиться, доколѣ не найду хотя то [небольшое число трехъ праведныхъ, безъ которыхъ «нѣсть граду стоянія»]; но куда я 'ни обращался, кого ни спрашивалъ—все отвѣчали мнѣ въ томъ родѣ, что праведныхъ людей не видывали, потому что все люди грѣшныя, а такъ, кое-какихъ хорошихъ людей и тотъ, и другой знавали. Я и сталъ это записывать. Праведны они, думаю, себѣ, или неправедны,—все это надо собрать и потомъ разобрать: /что тутъ возвышается надъ чертою простой нравственности и потому «свято Господу».

И вотъ кое-что изъ моихъ записей.

ОДНОДУМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ царствованіе Екатерины II, у нѣкоторыхъ приказнаго рода супруговъ, по фамиліи Рыжовыхъ, родился сынъ по имени Алексашка. Жило это семейство въ Солигаличѣ, уѣздномъ городкѣ костромекой губерніи, расположенномъ при рѣкахъ Костромѣ и Свѣтицѣ. Тамъ, по словарю кн. Гагарина, значится семь каменныхъ церквей, два духовныя и одно свѣтское училище, семь фабрикъ и заводовъ, тридцать семь лавокъ, три трактира, два питейныхъ дома и 3,665 жителей обоюга пола. Въ городѣ бывають двѣ годовыя ярмарки и еженедѣльные базары; кромѣ того, значится «довольно дѣятельная торговля известію и дегтемъ». Въ то время, когда жилъ нашъ герой, здѣсь были еще соляныя варницы.

Все это надо знать, чтобы составить понятіе о томъ, какъ могъ жить и какъ, дѣйствительно, жилъ мелкотравчатый герой нашего разсказа Алексашка или, впоследствии, Александръ Афанасьевичъ Рыжовъ, по уличному прозванію «Однодумъ».

Родители Алексашки имѣли собственный домъ. — одинъ изъ тѣхъ домишковъ, которые въ здѣшней лѣсной мѣстности *ничего не стоятъ*, но, однако, даютъ кровъ. Другихъ дѣтей, кромѣ Алексашки, у приказнаго Рыжова не было, или, по крайней мѣрѣ, о нихъ мнѣ ничего не сказано.

Приказный умеръ вскорѣ послѣ рожденія этого сына и оставилъ жену и сына ни съ чѣмъ, кромѣ того домика, который, какъ сказано, «ничего не стоить». Но вдова-при-

казничиха сама дорого стоила: она была изъ тѣхъ русскихъ жейщия, которая «въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ; коня на скаку остановить,—въ горящую избу взойдетъ»,—простая, здравая, трезвомысленная русская женщина, съ силою въ тѣлѣ, съ отвагой въ душѣ и съ нѣжною способностью любить горячо и вѣрно.

Когда она овдовѣла, въ ней еще были пріятности, пригодныя для непрехотливаго обихода, и къ ней кое-кто засылалъ свахъ, но она отклонила новос супружество и стала заниматься печенбемъ пироговъ. Пирогн изготавлялись по скоромнымъ днямъ съ творогомъ и печенкою, а по постнымъ— съ кашею и горохомъ; вдова выносила ихъ въ ночвахъ на площадь и продавала по мѣдному пятаку за штуку. Отъ прибыли своего ппрожнаго производства она питала себя и сына, котораго отдала въ науку «мастерицѣ»; мастерица научила Алексашу тому, что сама знала. Дальнѣйшую же, болѣе серьезную науку преподавать ему дьякъ съ косою и съ кожанымъ карманомъ, въ коемъ у него безъ всякой табакерки содержался нюхательный порошокъ для извѣстнаго употребленія.

Дьякъ, «отучивъ» Алексашку, взялъ горшокъ каши за выучку; и съ этимъ вдовинъ сынъ пошелъ въ люди добывать себѣ хлѣбъ-соль и всѣ опредѣленные для него блага міра.

Алексашкѣ тогда было четырнадцать лѣтъ и въ этомъ возрастѣ его можно отрекомендовать читателю.

Молодой Рыжовъ породю удался въ мать: онъ былъ рослый, плечистый, — почти атлетъ, необъятной силы и несокрушимаго здоровья. Въ свои отроческіе годы онъ былъ уже первый силачъ и такъ удачно предводительствовалъ *стпнюю* на кулачныхъ бояхъ, что на которой сторонѣ былъ Алексашка Рыжовъ,—та считалась непобѣдимюю. Онъ былъ досужъ и трудолюбивъ. Дьякова школа дала ему превосходный, круглый, четкій, красивый почеркъ, которымъ онъ написалъ старухамъ множество заупокойныхъ поминаній и тѣмъ положилъ начало самопитанія. Но важнѣе этого были тѣ свойства, которія дала ему его мать, сообщившая живымъ примѣромъ строгое и трезвое настроеніе его здоровой душѣ, жившей въ здоровомъ и сильномъ тѣлѣ. Онъ былъ, какъ мать, умѣренъ во всемъ и никогда не прибѣгалъ ни къ чьей посторонней помощи.

Въ четырнадцать лѣтъ онъ уже считалъ грѣхомъ ѣсть материня хлѣбъ; поминанія приносили немного и притомъ заработокъ этотъ, зависящій отъ случайностей, былъ непостояненъ; къ торговлѣ Рыжовъ питалъ врожденное отвращеніе, а оставить Солигаличъ не хотѣлъ, чтобы не разлучаться съ матерью, которую очень любилъ. А потому надо было здѣсь же промыслить себѣ занятіе, и онъ его промыслилъ.

Въ то время у насъ только образовывались постоянныя почтовые сообщенія: между ближайшими городами учреждались разъ въ недѣлю гонцы, которые носили суму съ пакетами. Это называлась пѣшая почта. Плата за эту службу назначалась не великая: рубля полтора въ мѣсяцъ «на своихъ харчахъ и при своей обуви». Но для кого и такое содержаніе было заманчиво, тѣ колебались взяться носить почту, потому что для чуткой христіанской совѣсти русскаго благочестія представлялось сомнительнымъ: не заключается ли въ такой пустой затѣѣ, какъ разноска бумаги, чего-нибудь еретическаго и противнаго истинному христіанству?

Всякій, кому довелось о томъ слышать,—раздумывать, какъ бы не истравить этимъ душу, и за мзду временную не потерять жизнь вѣчную. И тутъ-то вотъ общее сердоболіе устроило Рыжовкина Алексашку.

— Онъ, говорили, сирота: ему больше Господь простить,—особенно по ребячеству. Ему, если его на поносѣ дорогою медвѣдь или волкъ задеретъ, и онъ на судъ предстанетъ, одно отвѣчать: «не разумѣлъ, Господи», да и только. И въ ту пору взять съ него нечего. А если да онъ уцѣлѣетъ и современемъ въ лѣта взойдетъ, то можетъ въ монастырь пойти и все претлично отмолить, да еще не за своей свѣчой и при чужомъ ладанѣ. Чего ему еще по сиротству его ожидать лучшаго?

Самъ Алексашка, котораго это касалось всѣхъ болѣе, былъ отъ міра не прочь и на міръ не челобитчикъ: онъ смѣлою рукою взялъ почтовую суму, взвалилъ ее на плечи и сталъ таскать изъ Солигалича въ Чухлому и обратно. Служба въ пѣшей почтѣ пришла ему совершенно по вкусу и по натурѣ: онъ шелъ одинъ черезъ лѣса, поля и болота и думалъ про себя свои сиротскія думы, какія слагались въ немъ подъ живымъ впечатлѣніемъ всего, что встрѣчалъ,

что видѣлъ и слышалъ. При такихъ условіяхъ изъ него могъ бы выйти поэтъ въ родѣ Борнса или Кольцова, но у Алексашки Рыжова была другая складка,—не поэтическая, а философская, и изъ него вышелъ только замѣчательный чудакъ «Однодумъ». Ни даль утомительнаго пути, ни зной, ни стужа, ни вѣтры и дождь его не пугали: почтовая сума до такой степени была ничемъ его могучей спинѣ, что онъ, кромѣ этой сумы, всегда носилъ съ собою еще другую, сѣрую, холщовую сумку, въ которой у него лежала толстая книга, имѣвшая на него неодолимое вліяніе.

Книга эта была «Библія».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мнѣ не извѣстно, сколько лѣтъ онъ несъ службу въ пѣшей почтѣ, безпрестанно таская суму и Библію, но, кажется, это было долго и кончилось тѣмъ, что пѣшая почта замѣнилась конною, а Рыжову «вышелъ чинъ». Послѣ этихъ двухъ важныхъ въ жизни нашего героя событій, въ судьбѣ его произошелъ большой переломъ: охочій ходокъ съ почтою, онъ уже не захотѣлъ ѣздить съ почтаремъ и сталъ искать себѣ другого мѣста, — опять непременно тамъ же, въ Солнгаличѣ, чтобы не разстаться съ матерью, которая въ то время уже остарѣла и, притупѣвъ зрѣніемъ, стала хуже печь свои пироги.

Судя по тому, что чины на низшихъ почтовыхъ должностяхъ получались очень не скоро, на примѣръ, лѣтъ за двѣнадцать,—надо думать, что Рыжовъ имѣлъ объ эту пору лѣтъ двадцать шесть или даже немножко болѣе и во все это время онъ только ходилъ взадъ и впередъ изъ Солнгалича въ Чухлому и на ходу, и на отдыхѣ читалъ одну только свою Библію въ затрапезномъ переплетѣ. Онъ начался ея вволю и пріобрѣлъ въ ней большія и твердыя познанія, легшія въ основу всей его послѣдующей оригинальной жизни, когда онъ сталъ уметь и прилагать къ дѣлу свои библейскія воззрѣнія.

Конечно, во всемъ этомъ было много оригинальнаго. Рыжовъ, на примѣръ, зналъ наизусть всѣ писанія многихъ пророковъ и особенно любилъ Исаію, широкое боговѣдѣніе котораго отвѣчало его душевной настроенности и составляло весь его катехизисъ и все богословіе.

Старый человѣкъ, знавшій во время своей юности восьми-

десятипятнадцатого Рыжова, когда онъ уже прославился и заслужилъ имя «Однодума», говорилъ мнѣ, какъ этотъ старикъ вспоминалъ какой-то «дубъ на болотѣ», гдѣ онъ особенно любилъ отдыхать и «кричать вѣтру».

— Стану,—говорить,—бывало, и волю встрѣчь воздуху:

«Позна волю стяжавшаго и осель ясли господина своего, а людѣ мои неразумѣша. Сѣмя лукаво; сыны беззаконія! Что еще уязвляетесь прилагая неправды! Всякая глава въ болѣзнь,—всякое сердце въ плачь.—Что ми множество жертвъ вашихъ: тука агнцовъ и крови юницъ и козловъ не хочу. Не приходите явитися ми. И аще припсете ми семидаль—всуе; кадило мерзость ми есть. Новомѣсячій вашихъ и субботъ, и дне великаго не потерплю: поста и праздности, и новомѣсячій вашихъ, и праздниковъ ненавиждитъ душа моя.—Егда прострете руки ваши ко мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ, и аще умножите моленія,—не услышу васъ. Измыйтесь, отымите лукавство отъ душъ вашихъ. Научитесь добро творити, и приидите истяжемся, и аще будутъ грѣхи ваши яко багряное—убѣлю ихъ яко снѣгъ. Но князи не покоряются.—общницы татемъ любяще дары, гоняще воздаяніе—сего ради глаголетъ Саваоѡвъ: горе крѣпкимъ,—не престанеть бо ярость моя на противныя».

И выкрикивалъ сирота-мальчуганъ это «горе, горе крѣпкимъ» надъ пустыннымъ болотомъ и мнилось ему, что вѣтеръ возьметъ и понесетъ слова Исаи и отнесетъ туда, гдѣ видѣнныя Іезекилемъ «сухія кости» лежатъ, не шевелятся; не нарастаетъ на нихъ живая плоть и не оживаетъ въ груди истлѣвшее сердце.

Его слушалъ дубъ и гады болотные. а онъ самъ дѣлался полу-мистикомъ, полу-агитаторомъ въ библейскомъ духѣ,—по его словамъ: «дышалъ любовью и дерзновеніемъ».

Все это созрѣло въ немъ давно, но обнаружилось въ ту пору, когда онъ получилъ чинъ и сталъ искать другого мѣста, не надъ болотомъ. Развитие Рыжова было уже совершенно закончено и наступало время дѣятельности, въ которой онъ могъ приложить правила, созданныя имъ себѣ на библейскомъ грунтѣ.

Подъ тѣмъ же дубомъ, надъ тѣмъ же болотомъ, гдѣ Рыжовъ выкрикивалъ словами Исаи «горе крѣпкимъ», онъ дождался духа, даващаго ему мысль самому сдѣлаться крѣп-

кимъ, дабы устыдить крѣпчайшихъ. И онъ принялъ это посвященіе и пронесъ его во весь почти столѣтній путь до могилы, ни разу не споткнувшись, никогда не захромавъ ни на правое колѣно, ни на лѣвое.

Впереди насъ ожидаетъ довольно образцовъ его задѣхнувшейся въ тѣснотѣ удивительной силы и въ концѣ сказанія неожиданный актъ дерзновеннаго безстрашія, увѣщавшій его, какъ рыцаря, рыцарскою наградою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ ту отдаленную пору, къ которой восходитъ передаваемый мною разсказъ о Рыжовѣ, самое главное лицо въ каждомъ русскомъ городничѣ былъ городничій. Не разъ было сказано и шкѣмъ не оспорено, что, по понятію многихъ русскихъ людей, каждый городничій былъ «третье лицо въ государствѣ». Государственная власть въ народномъ представленіи отъ первоисточника своего — монарха развѣтвлялась такъ: первое лицо въ государствѣ—государь, правящій всѣмъ государствомъ; за нимъ второе — губернаторъ, который правитъ губернію, и потомъ прямо за губернаторомъ непосредственно слѣдуетъ третье—городничій, «сидящій на городу». Исправниковъ тогда еще не было и потому о нихъ въ раздѣленіи власти сужденія не полагали. Такъ это оставалось, впрочемъ, и впоследствии: исправникъ былъ человекъ разъѣздной и онъ сѣкъ только сельскихъ людей, которые тогда еще не имѣли самостоятельнаго понятія объ іерархіи, и кто ихъ ни сѣкъ—одинаково погамъ перебралъ.

Введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій, ограничившее прежнюю теократическую полноправность сельскихъ администраторовъ, попортило это, особенно въ городахъ, гдѣ оно значительно содѣйствовало паденію не только городническаго, а даже губернаторскаго престола, поднять который на иррежимую высоту уже невозможно,—по крайней мѣрѣ, для городничихъ, высокій урядъ которыхъ замѣненъ новшествомъ.

Но тогда, когда обдумывалъ и рѣшалъ свою судьбу «Однодумъ», — все это было еще въ своемъ благоустроенномъ порядкѣ. Губернаторы сидѣли въ своихъ центрахъ какъ царьки: доступъ къ нимъ былъ труденъ и предстояніе имъ «сопряжено со страхомъ»; они всѣмъ норовили гово-

рить «ты», всё имъ кланялись въ поясъ, а иные, по усердію, даже земно; протопопы ихъ «срѣтали» съ крестами и святою водою у входа во храмы, а подрукавная знать чествовала ихъ выраженіемъ низменнаго искательства и едва дерзала, въ лицѣ немногихъ избранныхъ своихъ представителей, просить ихъ «въ воспріемники къ купелц». И они, даже когда соглашались спускити до такой милости, держали себя царственно: они не ѣздили крестить сами, а посылали вмѣсто себя чиновниковъ особыхъ порученій или адъютантовъ, которые отвозили «ризки» и принимали почетъ «въ лицѣ пославиаго». Все тогда было величественно, степенно и серьезно, подѣ-стать тому доброму и серьезному времени, часто противопоставляемому нынѣшнему времени, не доброму и не серьезному.

Рыжову вышла прекрасная линія приблизиться къ началу градской власти и, не разставаясь съ роднымъ Солигаличемъ, стать на четвертую ступень въ государствѣ: въ Солигаличѣ умеръ старый кварталный, и Рыжовъ задумалъ проситься на его мѣсто.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Квартальническое мѣсто, хотя и не очень высокое, несмотря на то, что составляло первую ступень ниже городничяго, было, однако, довольно выгодно, если только человекъ, его занимающій, хорошо умѣлъ стащить съ каждаго воза полѣно дровъ, пару бураковъ, или кочанъ капусты; но если онъ не умѣлъ этого, то ему было бы плохо, такъ какъ казеннаго жалованья по этой четвертой въ государствѣ должности полагалось всего десять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ, т. е. около двухъ рублей восьмидесяти пяти копеекъ по нынѣшнему счету. На это четвертая особа въ государствѣ должна была прилично содержать себя и свою семью, а какъ это невозможно, то каждый кварталный «донималъ» съ тѣхъ, которые обращались къ нему за чѣмъ-нибудь «по касающемуся дѣлу». Безъ этого «дониманія» невозможно было обходиться и даже сами вольтеріанцы противъ этого не возставали. О «неберущемъ» кварталномъ никто и не думалъ, и потому если всё кварталные брали, то долженъ былъ брать и Рыжовъ. Само начальство не могло желать и терпѣть, чтобы онъ портилъ служебную линію. Въ этомъ не могло

быть никакого сомнѣнія и не могло быть о томъ никакой рѣчи.

Городничій, къ которому Рыжовъ обратился за квартальничымъ мѣстомъ, разумѣется, не задавалъ себѣ никакого вопроса о его способности къ взяткѣ. Вѣроятно, онъ думалъ, что на этотъ счетъ Рыжовъ будетъ какъ все другіе, и потому у нихъ особаго договора на этотъ счетъ не было. Городничій принялъ въ соображеніе только его громадный ростъ, осанистую фигуру и пользовавшуюся большою извѣстностью силу и неутомимость въ ходьбѣ, которую Рыжовъ доказалъ своимъ принятіемъ коненіемъ почты. Все это были качества, очень подходящія для полицейской службы, которой добивался Рыжовъ, — и онъ былъ сдѣланъ солигаличскимъ квартальнымъ, а мать его продолжала печь и продавать свои пироги на томъ самомъ базарѣ, гдѣ сынъ ея долженъ былъ установить и держать добрые порядки: блюсти въсь вѣрный и мѣру полную и утрисепную.

Городничій сдѣлалъ ему только одно внушеніе:

— Бей безъ поврежденія и по касающему моего не хватывай.

Рыжовъ обязался это исполнять и пошелъ дѣйствовать, но вскорѣ же началъ подавать о себѣ странныя сомнѣнія, которыя стали тревожить третью особу въ государствѣ, а самого бывшего Алексанку, а нынѣ Александра Аванасевича, доводить до весьма тягостныхъ испытаній.

Рыжовъ съ перваго же дня службы оказался по должности ретивъ и неправиленъ: придя на базаръ, онъ размѣстилъ тамъ возы; разсадилъ иначе бабъ съ пирогами, помѣстивъ при томъ свою мать не на лучшее мѣсто. Пьяныхъ мужиковъ частію урезонилъ, а частію поучилъ рукою властною, но съ пріятностью, такъ хорошо, какъ будто имъ этимъ большое одолженіе сдѣлалъ и ничего не взял за науку. Въ тотъ же день онъ отвергъ и приношеніе капустныхъ бабъ, пришедшихъ къ нему на поклонъ по касающему, и еще объявилъ, что ему по касающему ни отъ кого ничего и не слѣдуетъ, потому что за все его касающее ему «царь жалуетъ, а мзду брать Богъ запрещаетъ».

День провелъ Рыжовъ хорошо, а ночь провелъ еще лучше: обошелъ весь городъ, и кого засталъ на ходу въ поздній часъ, разспросилъ: откуда, куда и по какой надобности? Съ добрымъ человекомъ поговорилъ, самъ его даже

проводить и посовѣтовать, а одному-другому пьяному ухо надрать, да будошникову жену, которая подъ коровъ колдовать ходила, въ кутузку заперъ, а на утро явился къ городничему съ докладомъ, что видитъ себѣ въ дѣлѣ одну помяху въ будошникахъ.

— Проводить, говоритъ. они время въ праздности и спросонья ходить безъ надобности,—людямъ по касающему надобдають и сами портятся. Лучше ихъ отъ лѣнивой пустоты отрѣшнить и послать къ вашему высокоблагородію въ огородъ гряды полоть, а я одинъ все управлю.

Городничему это было не вопреки, а домовитой городничихѣ совѣтъ по сердцу: однимъ будошникамъ могло не нравиться, да закону не соответствовало; но будошниковъ кто думалъ спрашивать, а законъ... городничій судить о немъ русскимъ судомъ: «законъ—что конь: куда надо—туда и ворота его». Александръ же Афанасьевичъ выше всего ставилъ законъ: «въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой» и по тому закону выходило, что всякіе лишніе «приставники» бремя ненужное, которое надо отставить и приставить къ какому бы то ни было другому настоящему дѣлу,—«потному».

И учредилось это дѣло, какъ указалъ Рыжовъ, и было оно приятно въ очахъ правителя и народа и обратило къ Рыжову сердца людей благодарныхъ. А Рыжовъ самъ ходить по городу днемъ, ходить одинъ ночью и мало-помалу вездѣ сталъ чувствоваться его добрый хозяйскій дозоръ, и опять было это приятно въ очахъ всѣхъ. Словомъ, все шло хорошо и обѣщало покой невозмутимый, но тутъ-то и бѣда: не сварился народъ,—не кормилъ воеводъ ни откуда ни что не касалось и, кромѣ уборки огорода, не было правителю прибылей ни большихъ, ни среднихъ, ни малыхъ.

Городничій возмутился духомъ, выскъ въ дѣло, увидалъ, что такъ невозможно, и воздвигъ на Рыжова ѣдкое гоненіе.

Онъ попросилъ протопопа разузнать, нѣтъ ли въ безкасательномъ Рыжовѣ какого неправославія, но протопопъ отвѣчалъ, что явнаго неправославія въ Рыжовѣ онъ не усматриваетъ, а замѣчаетъ въ немъ нѣкую гордыню, происходящую, конечно, отъ того, что его мать широги нечетъ и ему отдѣляетъ.

— Пресеъчь совѣтую оный торгъ, ей нынѣ по сыну пе-

подобающий, и уничтожится тогда ему оная его непомѣрная гордыня и онъ прикоснется.

— Пресѣку,—отвѣчать городничій, и сказалъ Рыжову:— своей матери на торгу сидѣть не годится.

— Хорошо,—отвѣчать Рыжовъ и взявъ мать съ почвами съ базара, а въ угоризненномъ поведеніи остался непрежнему,—не прикасался.

Тогда протопопъ указалъ, что Рыжовъ не справлялъ себѣ форменнаго платья и въ пасхальный день, скупо похристововавшись съ одними ближними, не явился съ поздравленіемъ ни къ кому изъ именитыхъ гражданъ, на что тѣ, впрочемъ, претензіи не изъявляли.

Это находилось въ зависимости одно отъ другого. Рыжовъ не ходилъ за праздничными и потому ему не на что было обмундироваться, но обмундировка требовалась и она была у прежняго квартальнаго. Все видѣли у него и мундиръ съ воротомъ, и рейтузы, и сапоги съ кисточкой, а этотъ какъ ходилъ съ почтою, такъ и оставался въ полосатомъ тиковомъ бешметѣ съ крючками, въ желтыхъ нанковыхъ штанахъ и въ простой крестьянской шапкѣ, а на зиму имѣлъ овчинный нагольный тулупъ, и ничего иного не заводилъ, да и не могъ завести на 2 руб. 87 коп. мѣсячнаго жалованья, на которое жилъ, служа вѣрою и правдою.

Къ тому же, произошелъ случай, потребовавшій денегъ: умерла мать Рыжова, которой нечего было дѣлать на землѣ послѣ того, какъ она не могла на ней продавать пироги.

Александръ Аванасьевичъ схоронилъ ее, по общему отзыву, «скаречно», чѣмъ и доказалъ свою нелюбовь. Онъ заплатилъ за нее причту по-малости, но по самой-то пирожницѣ даже пирога не спекъ и сорокоуста не заказалъ.

Еретикъ! и это было тѣмъ достовѣриѣе, что хотя городничій ему не довѣрялъ и протопопъ въ немъ сомнѣвался, но и городничиха и протопопица за него горой стояли,—первая за пригонъ на ея огородъ бударей, а вторая по какой-то тайной причинѣ, лежавшей въ ея «характерѣ сопротивленія».

Въ этихъ особахъ Александръ Аванасьевичъ имѣлъ защитницъ. Городничиха сама ему послала отъ урожайнаго двѣ мѣры картофеля, но онъ, не развязывая мѣшковъ,

принесъ картофель назадъ на своихъ плечахъ и коротко сказалъ:

— За усердіе благодарю, а даровъ не пріемлю.

Тогда протопоица, дама мнительная, подбесла ему двѣ коленикоровыя манишки своего древняго рукодѣля отъ тѣхъ поръ, когда еще протопоиъ былъ ставленникомъ, но чудаекъ и этого не взялъ:

— Пельзля, говоритъ, дары брать, да и, одѣваясь по простотѣ, я никакой въ семь цегольствѣ пользы не нахожу.

Тутъ и сказала протопоица мужу въ злости задорное слово:

— Вотъ бы, говоритъ, кому пристало у алтаря стоять, а не вамъ, обирамамъ духовнымъ.

Протопоиъ осердился, — велѣлъ женѣ молчать, а самъ все лекалъ да думалъ:

«Это новость массонская, и если я ее услѣжу и открою, то могу быть въ больномъ отличіи, и даже могу въ Петербургъ переѣхать.»

Такъ онъ этимъ забредилъ и съ бреду составилъ планъ, какъ обнажить совѣсть Рыжова до раздѣленія души съ тѣломъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Подходилъ Великій постъ и протопоиъ, какъ на ладонкѣ, видѣлъ, какимъ образомъ онъ обнажить душу Рыжова до раздѣленія, и тогда будетъ знать, какъ поступить съ нимъ по злобѣ его уклоненія отъ истины православія.

Съ этою цѣлью онъ прямо присовѣтовалъ городничему прислать къ нему на духъ полосатаго квартальнаго на первой же недѣлѣ. А на духу онъ обѣщалъ его хорошенько пронять и, гнѣвомъ Божиимъ принужнувъ, все отъ него вывѣдать, что въ немъ есть тайнаго и сокровеннаго, и за что онъ всего касающаго чуждается и даровъ не пріемлетъ. А затѣмъ сказалъ: увидимъ по открытому страхомъ виду его совѣсти, чему онъ подлежать будетъ, и тому его и подвергнемъ, да спасется духъ.

Поманувъ слова Павла, протопоиъ сталъ ждать покойно, зная, что въ нихъ кѣмъ-то своя отыскать можетъ.

Городничій тоже сдѣлалъ свое дѣло.

— Намъ съ тобой, Александръ Аоанасьевичъ, какъ виднымъ лицамъ въ городѣ, — сказалъ онъ: — надо въ народѣ религіи примѣръ показать и къ церкви сдѣлать почтеніе.

Рыжовъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ.

— Изволь же, братецъ, говѣть и исповѣдаться.

Согласенъ,—отвѣчалъ Рыжовъ.

— И какъ оба мы люди на виду у всѣхъ, то и на виду все это должны сдѣлать, а не какъ-нибудь, прячучись. Я къ протопопу на духъ хожу,—онъ всѣхъ въ духовенствѣ опытнѣе,—и ты къ нему иди.

— Пойду къ протопопу.

Да; и иди ты на первой недѣлѣ, а я на послѣдней пойду,—такъ и раздѣлимся.

— И на это согласенъ.

Протопопъ выисповѣдалъ Рыжова и даже похвалился, что на всѣ корки его пробралъ, но не нашелъ въ немъ грѣха къ смерти.

— Каялся, говорить, въ одномъ, другомъ, въ третьемъ,—во всемъ не святъ по-малости, но грѣхи все простые, человѣческіе, а противъ начальства особаго зла не мыслить и ни на васъ, ни на меня «по касающему» доносить не думаетъ. А что «даровъ не пріемлетъ»,—то это по одной вредной фантазіи.

— Все же, значитъ, есть въ немъ вредная фантазія. А въ чемъ она заключается?

— Библию начитался.

— Ишь его, дурака, угораздило!

— Да; начитался отъ скуки и позабыть не можетъ.

— Экій дуракъ! что же теперь съ нимъ сдѣлать?

— Ничего не сдѣлаешь: онъ уже очень далеко начиталъ.

— Неужели до самого до «Христа» дошелъ?

— Всю, всю прочиталъ.

— Ну, значитъ, шабашъ.

Пожалѣли и стали къ Рыжову милостивѣе. На Руси всѣ православные знаютъ, что кто Библию прочиталъ и «до Христа дочитался», съ того резонныхъ поступковъ строго спрашивать нельзя; но зато этакіе люди, что юродивые,—они чудесятъ, а никому не вредны и ихъ не боятся. Впрочемъ, чтобы быть еще обезпеченнѣе насчетъ страннаго исправленія Рыжова «по касающему», отецъ протопопъ пренудилъ городничему мудрый, но жестокой совѣтъ,—чтобы женить Александра Аонасьевича.

— Женатый человѣкъ,—развивалъ протопопъ:—хоть и «до Христа дочитается», но ему свою честность соблюсти

трудно: жена его начнеть нажигать, и не тѣмъ, такъ другимъ манеромъ такъ доймаешь, что онъ ей уступить и всю Библию изъ головы выпустить, а станетъ къ дарамъ примчлви и начальству преданъ.

Городничему совѣтъ пришелъ по мыслямъ, и онъ заказалъ Александру Аѳанасьевичу, чтобы тотъ какъ знаетъ, а непременно женился, потому что холостые люди на политическихъ должностяхъ не надежны.

— Какъ хочешь, говоритъ, братъ, а ты мнѣ въ разсужденіи всего хороши, по въ разсужденіи одного не гдѣншься.

— Почему?

— Холостой.

— Что же въ томъ за укоризна?

— Въ томъ укоризна, что можешь что-нибудь въраломное сдѣлать и сбѣжать въ чужую губернію. Тебѣ, вѣдь, теперь что?—схватилъ свою Библию да и весь тутъ.

— Весь тутъ.

— Вотъ это и неблагонадежно.

— А развѣ женатый благонадежнѣе?

— И сравненья нѣтъ; изъ женатаго я, говоритъ, хоть веревку веѣ, онъ все стерпитъ, потому что онъ итенцовъ заведетъ, да и бабу пожалѣетъ, а холостой самъ что итица, — ему доврѣить нельзя. Такъ вотъ — либо уходи, либо женись.

Загадочный чудакъ, выслушавъ такое разсужденіе, вкисало не смутился и отвѣчалъ:

— Что же,—и женитьба вещь добрая, она отъ Бога показана: если требуется—я женюсь.

— Но только ты руби дерево по себѣ.

— По себѣ вырублю.

— И выбирай поскорѣе.

— Да у меня уже выбрана: надо только сходить посмотрѣть, не взяли ли се другіе.

Городничій надъ нимъ посмѣялся:

— Ишь ты, говоритъ, грѣховодникъ,—будто за нимъ и грѣха никогда не водится, а онъ себѣ уже и жену высмотрѣлъ.

— Гдѣ грѣхамъ не водиться!—отвѣчалъ Александръ Аѳанасьевичъ: — полонъ сосудъ мерзости, а только невѣсту я еще не сваталъ, но, дѣйствительно, на примѣтъ имѣю и прошу позволенія сходить на нее взглянуть.

— А гдѣ она у тебя, — не здѣшняя, вѣрно. — дальняя?

— Да, такъ, и не здѣшняя, и не дальняя, — у ручья при болотцѣ живетъ.

Городничій еще посмѣялся, отпустилъ Рыкова и, заинтересованный, ждетъ: когда его кудакъ вернется и что скажетъ?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рыковъ, дѣйствительно, срубилъ дерево по себѣ: черезъ недѣлю онъ привелъ въ городъ жену — рожую, бѣлую, румяную, съ добрыми карими глазами и съ покорностью въ каждомъ шагѣ и движеніи. Одѣта она была по-крестьянски, и шли оба супруга другъ за другомъ, неся на плечахъ коромысло, на которомъ висѣла подвязанная холщевымъ концомъ распяная лубочная коробья съ приданымъ.

Бывалые торговые люди сразу узнали въ этой особѣ дочь старой бабы Козлихи, что жила въ одинокой избушкѣ у ручья надъ болотомъ и слыла злою колдуньею. Всѣ думали, что Рыковъ взялъ себѣ колдуньину дѣвку въ работницы.

Это отчасти такъ и было, но только Рыковъ, прежде чѣмъ привести эту работницу домой, — перевѣчался съ нею. Супружеская жизнь обходилась ему ничуть не дороже холостой; напротивъ, теперь ему стало даже выгоднѣе, потому что онъ, приведя въ домъ жену, тотчасъ же отпустилъ батрачку, которой много ли, мало ли, а все-таки платилъ рубль мѣдью въ мѣсяцъ. Съ этихъ поръ мѣдный рубль былъ у него въ карманѣ, а хозяйство пошло лучше; здоровыя руки его жены никогда не были праздны: она себѣ и прядла, и ткала, да еще оказалось мастерицею валять чулки и огородничать. Словомъ, жена его была простая, досужая крестьянская женщина, вѣрная и покорная, съ которою библейскій чудакъ могъ жить по-библейски, и рассказать о ней, кромѣ сказаннаго, нечего.

Обращеніе съ женою у Александра Аванасьевича было самое простое, но своеобразное: онъ ей говорилъ «ты», а она ему «вы»; онъ звалъ ее «баба», а она его Александръ Аванасьевичъ; она ему служила, а онъ былъ ея господиномъ; когда онъ съ нею заговаривалъ, она отвѣчала, — когда онъ молчалъ, она не смѣла спрашивать. За столомъ онъ сидѣлъ, а она подавала, но ложе у нихъ было общее и, вѣроятно, это было причиною, что у нихъ появился плодъ супружества. Плодъ былъ одинъ — единственный сынъ,

котораго «баба» выкормила, а въ воспитаніе его не вмѣшивалась.

Любила ли «баба» своего библейскаго мужа, или не любила—это въ ихъ отношеніяхъ ничѣмъ не проявлялось, но что она была вѣрна своему мужу — это было несомнѣнно. Кромѣ того, она его боялась какъ лица, поставленнаго надъ нею закономъ Божескимъ и имѣющаго на нее божественное право. Мирному житію ея это не мѣшало. Грамотѣ она не знала и Александръ Аонасьевичъ не желалъ пополнить этого пробѣла въ ея воспитаніи. Жили они, разумѣется, спартански, въ самой строжайшей умѣренности, но не считали это несчастіемъ; этому, можетъ-быть, много помогало, что и многіе другіе жили вокругъ не въ болѣешемъ довольствѣ. Чаю они не пили и не содержали его въ заводѣ, а мясо ѣли только по большимъ праздникамъ— въ остальное же время питались хлѣбомъ и овощами, квасными или свѣжими съ своего огорода, а всего болѣе грибами, которыхъ росло въ изобиліи въ ихъ лѣсной сторонѣ. Грибы эти «баба» лѣтнею порою сама собирала по лѣсамъ и сама готовила въ прокъ, но, къ сожалѣнію ея, заготавливала ихъ только однимъ способомъ сушенія. Солить было нестѣмъ. Расходъ на соль въ потребномъ количествѣ для всего запаса не входилъ въ расчетъ Рыкова, а когда «баба» однажды наслала кадочку груздей солью, которую ей подарилъ въ мѣшечкѣ откушникъ, то Александръ Аонасьевичъ, дознавшись объ этомъ, «бабу» патриархально любилъ и свелъ къ протопопу для наложенія на нее эпитиміи за ослушаніе противъ завітовъ мужа, а грибы цѣлою кадкою собственноручно прикатилъ къ откушникову двору и велѣлъ взять «куда хотять», а откушнику сдѣлать выговоръ.

Таковъ былъ этотъ чудакъ, про котораго изъ долготы его дней тоже рассказывать много нечего; сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ, дѣлалъ свое маленькое дѣло, не пользуясь ничѣмъ особеннымъ сочувствіемъ и ничѣго особеннаго сочувствія не искалъ; солигаллическіе верховоды считали его «поврежденнымъ отъ Библии», а простецы судили о немъ просто, что онъ «такой-нѣкій-этакой».

Довольно ясное опредѣленіе это для нихъ имѣло значеніе ясное и понятное.

Рыковъ нимало не заботился, чѣмъ о немъ думаютъ: онъ

честно служилъ всёми и особенно не угождалъ никому; въ мысляхъ же своихъ отчитывался Единому, въ Кого испи-
мѣнно и крѣпко вѣрилъ, именуя Его учредителемъ и хо-
зяиномъ всего сущаго. Удовольствіе Рыкова состояло въ
исполненіи своего долга, а высній духовный комфортъ —
философствованіе о выснихъ вопросахъ міра духовнаго и
объ отраженіи законовъ того міра въ явленіяхъ и въ судь-
бахъ отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ царствъ и народовъ.
Не имѣлъ ли Рыковъ общей многимъ самоучкамъ слабо-
сти считать себя всёхъ умнѣе — это не извѣстно: но онъ
не былъ гордъ и своихъ вѣрованій и взглядовъ онъ ни-
кому никогда не навязывалъ и даже не сообщалъ, а только
выписывалъ въ большія тетради синей бумаги, которыя под-
шивалъ въ одну обложку съ многозначительною надписью:
«Однодумъ».

Что было написано во всей этой громаднѣйшей руко-
писи полицейскаго философа—осталось сокрытымъ, потому
что со смертью Александра Аваласьевича его «Однодумъ»
пропалъ, да и по памяти о немъ много никто рассказать
не можетъ. Едва только два-три мѣста изъ всего «Одно-
дума» были показаны Рыковымъ одному важному лицу
при одномъ необычайномъ случаѣ его жизни, къ которому
мы теперь приближаемся. Остальные же листы «Однодума»,
о существованіи котораго зналъ почти весь Солигаличъ,
изведены на оклейку стѣны или, можетъ-быть, и сожжены,
во избѣжаніе непріятностей, такъ какъ это сочиненіе за-
ключало въ себѣ много несообразнаго бреда и религіозныхъ
фантазій, за которыя тогда и автора, и чтецовъ посылали
молиться въ Соловецкій монастырь.

Духъ же этой рукописи сталъ извѣстенъ съ наступаю-
щаго достопамятнаго въ хроникахъ Солигалича происше-
ствія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не могу съ точностью вспомнить и не знаю, гдѣ спра-
виться: въ которомъ именно году въ Кострому былъ на-
значенъ губернаторомъ Сергій Степановичъ Ланской, впо-
слѣдствіи графъ и извѣстный министръ внутреннихъ дѣлъ.
Сановникъ этотъ, по мѣткому замѣчанію одного его совре-
менника, «имѣлъ сильный умъ и надменную фигуру», и
такая краткая характеристика вѣрна и вполнѣ достаточна

для представлеиія, какое пужно имѣть о немъ нашему читателю.

Можно, кажется, добавить только, что Ланской уважалъ въ людяхъ честность и справедливость и самъ былъ добръ, а также любилъ Россію и русскаго человѣка, но понималъ его барствено, какъ аристократъ, имѣвшій на все чужеземный взглядъ и западную мѣрку.

Назначеніе Ланского губернаторомъ въ Кострому случилось во время чудаческаго служенія Александра Аванасьевича Рыжова солигалическимъ кварталнымъ, и притомъ еще при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ.

По вступленіи Сергѣя Степановича въ должность губернатора, онъ, по примѣру многихъ дѣятелей, прежде всего «размелъ губернію», т.-е. выгналъ со службы великое множество нерадивыхъ и злоупотреблявшихъ своею должностію чиновниковъ, въ числѣ коихъ былъ и солигалическій городничій, при которомъ состоялъ кварталнымъ Рыжовъ.

По изгнаніи со службы негодныхъ лицъ, новый губернаторъ не спѣшилъ замѣщать ихъ другими, чтобы не попасть на такихъ же, а можетъ-быть еще и на худшихъ. Чтобы избрать людей достойныхъ, онъ хотѣлъ оглядѣться или, какъ нынче по-русски говорятъ, «ориентироваться».

Съ этою цѣлью должности удаленныхъ лицъ были поручены временнымъ замѣстителямъ изъ младшихъ чиновниковъ,—а губернаторъ векорѣ же предпринялъ объѣздъ всей губерніи, затрепетавшей страннымъ трепетомъ отъ однихъ слуховъ о его «надменной фигурѣ».

Александръ Аванасьевиичъ исправлялъ должность городничаго. Чтò онъ дѣлалъ на этомъ замѣстительствѣ отъицаго отъ прежнихъ «сталыхъ» порядковъ,—этого не знаю; но, разумѣется, онъ не бралъ взятокъ на городничествѣ, какъ не бралъ ихъ на своемъ кварталничествѣ. Образа жизни своей и отношеній къ людямъ Рыжовъ тоже не мѣнялъ,—даже не садился на городническій стулъ передъ зеркало, а подписывался «за городничаго», сидя за своимъ изъѣденнымъ чернилами столикомъ у входной двери. Этому послѣднему упорству Рыжовъ имѣлъ объясненіе, находящееся въ связи съ апопеезою его жизни. У Александра Аванасьевиича и послѣ многихъ лѣтъ его службы точно такъ же, какъ и въ первые дни его кварталничества,—не было *форменнаго платья*, и онъ правилъ «за городничаго» все въ томъ же

просаленномъ и перештопанномъ бешметѣ. А потому на представленія писмоводителя пересѣсть на мѣсто онъ отвѣчалъ:

— Не могу: хитонъ обличаетъ мя, яко нѣсть браченъ.

Все это такъ и было записано имъ собственною рукою въ его «Однодумѣ», съ добавленіемъ, что писмоводитель предлагалъ ему «пересѣсть въ бешметѣ, но снять орла на зеркалѣ», однако, Александръ Аоанасьевичъ «оставилъ сію непристойность» и продолжалъ сидѣть на прежнемъ мѣстѣ въ бешметѣ.

Дѣлу полицейской расправы въ городѣ эта неформенность не мѣшала, но вопросъ становился совершенно инымъ, когда пришла вѣсть о пріѣздѣ «надменной фигуры». Александръ Аоанасьевичъ, въ качествѣ градоначальника, долженъ былъ встрѣтить губернатора, принять и рапортовать ему о благосостояніи Солигалича, а также отвѣчать на всѣ вопросы, какіе Ланской ему предложитъ, и репрезентовать ему всѣ достопримѣчательности города, начиная отъ собора, до тюрьмы, пустырей, овраговъ, съ которыми никто не зналъ что дѣлать.

Рыжовъ, дѣйствительно, имѣлъ задачу: какъ ему отбыть все это въ своемъ бешметѣ? Но онъ объ этомъ нимало не заботился, зато много заботъ причиняло это всѣмъ другимъ, потому что Рыжовъ своимъ безобразіемъ могъ на первомъ же шагу прогнѣвить «надменную фигуру». Никому и въ голову не приходило, что именно Александру-го Аоанасьевичу и предстояло удивить и даже *обрадовать* всѣхъ пугавшую «надменную фигуру», и даже напроорочить ему по-вышешіе.

Вообще заботливый Александръ Аоанасьевичъ нимало не смущался, какъ онъ явится, и совсѣмъ не раздѣлялъ общей чиновничьей робости, черезъ что подвергся осужденію и даже пенависти и палъ во мнѣніи своихъ согражданъ, но палъ съ тѣмъ, чтобы потомъ встать всѣхъ выше и оставить по себѣ память героическую и почти баснословную.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не излишне еще разъ напомнить, что въ тѣ недавнія, но глубоко провалившіяся времена, къ которымъ относится рассказъ о Рыжовѣ, губернаторы были совсѣмъ не то, что въ нынѣшніе лукавые дни, когда величіе этихъ сановни-

ковъ значительно пало, или, по выраженію нѣкоего духовнаго лѣтописца, «жестоко подвалишася». Тогда губернаторы ѣздили «странно», а встрѣчали ихъ «притренино». Теченіе ихъ совершалось въ грандіозной суетѣ, которой работали не только всѣ младшія начальства и власти, но даже и черни, и четвероногіе скоты. Города къ пріѣзду губернаторовъ воспринимали помазаніе мѣломъ, сажей и охрою; на шлагбаумы заново наводилась національная пестрядь казенной трехцвѣтки; бударямъ и инвалидамъ внушали «голова и усы наваксить», — изъ больницъ шла усиленная выписка въ «оздоровку». Во всеобщемъ оживленіи участвовало все до конецъ земли; изъ деревень на тракты сгоняли бабъ и мужиковъ, которые по мѣсяцамъ кочевали, чиня дорожныя топи, гати и мосты; на станціяхъ замедляли даже оглашенные курьеры и разные поручики, снѣшпо ѣдущіе по безчисленнымъ казеннымъ надобностямъ. Станціонные смотрители въ эту пору отмещивали песнокойному люду свои нестерпимыя обиды и съ непоколебимою душевною твердостью заставляли плестись на какихъ понало клячахъ, потому что хорошія лошади «выстанвались» подъ губернатора. Словомъ, не было никому ни проходу, ни проѣзду безъ того, чтобы онъ не осязалъ какимъ-нибудь изъ своихъ чувствъ, что въ природѣ всѣхъ вещей происходитъ иѣчто чрезвычайное. Благодаря этому, тогда безъ всякаго пустозвонства болтливая пресса всякъ, старъ и младъ, знала, что ѣдетъ тотъ, кого иѣтъ на всю губернію больше, и всѣ, кто какъ умѣлъ, выражали по этому случаю искреннему своему разнообразныя свои чувства. Но самая возвышенная дѣятельность происходила въ центральныхъ гнѣздахъ уѣзднаго властелинства—въ судебныхъ канцеляріяхъ, гдѣ дѣло начиналось съ утомительной и скучной отмѣтки регистровъ, а кончалось веселою операціею обметанія стѣнъ и мытья половъ. Поломойство — это было что-то въ родѣ классическихъ оргій въ дни сбора винограда, когда все напряженно ликовало, имѣя одну заботу: пожить, пока наступитъ часъ смертный. Въ канцеляріи за небольшимъ коновоемъ кривыхъ инвалидовъ доставляли изъ острога смертною скукою соскучившихся арестантокъ, которыя, ловя краткій мигъ счастья, пользовались здѣсь иѣвинтельными правами своего пола—услаждать долю смертныхъ. Декольте и маншкуртъ, съ которыми онѣ приступали къ работѣ,

столь возбуждительно дѣйствовали на дежурившихъ при бумагахъ молодыхъ приказныхъ, что послѣдствіемъ этого, какъ извѣстно, въ острогахъ нерѣдко появлялись на свѣтъ такъ-называемыя «поломойныя дѣти», — непрізнаннаго, но несомнѣнно благороднаго происхожденія.

Въ эти же дни въ домахъ чернили парадные сапоги, бѣлили рейтузы и приготавливали слежавшіеся и поточенные молью мундиры. Это тоже оживляло городъ. Мундиры сначала *протыкивали* въ жаркій день на солнышкѣ, раскидывая ихъ на протянутыхъ черезъ дворъ веревкахъ, что ко всякимъ воротамъ привлекало множество любопытныхъ; потомъ мундиры *выбивали* прутьями, растянувъ на подушкѣ, или на войлочкѣ; затѣмъ ихъ *трясли*, еще позже ихъ *цитовали*, *цитожгли* и, наконецъ, *раскидывали* на крестѣ въ залѣ или другой парадной комнатѣ, и въ заключеніе всего—въ концѣ концовъ ихъ втихомолку кропили изъ священныхъ бутылочекъ богоявленскою водою, которая, если ее держать у образа въ заткнутой воскомъ посудинѣ, не портится отъ одного Крещеньева дня до другого и пимало не утрачиваетъ чудотворной силы, сообщаемой ей въ моментъ погруженія креста съ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое».

Исходя въ срѣтеніе особъ, чиновники облакались въ окропленные мундиры и въ качествѣ прочаго Божія достоянія бывали спасаемы. Объ этомъ есть много достовѣрныхъ сказаній, по при нынѣшнемъ всеобщемъ маловѣрїи и особенно при оффенбаховскомъ настроенїи, царящемъ въ чиновномъ мїрѣ, все это уже уронено въ общемъ мнѣнїи и въ числѣ многихъ другихъ освященныхъ временемъ вещей легкомысленно подвергается сомнѣнїю; отцамъ же нашимъ, имѣвшимъ настоящую, крѣпкую вѣру, давалось по ихъ вѣрѣ.

Ожиданіе губернатора въ тѣ времена длилось долго и мучительно. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было, и повѣзда не подходила въ урочный часъ по росписанїю, подвозя губернатора вмѣстѣ со всеми прочими смертными, а особо заготовлялся трактъ и затѣмъ никто не зналъ съ точностью ни дня, ни часа, когда сапожникъ пожалуетъ. Поэтому истома ожиданія была продолжительна и полна особенной торжественной тревожности, на самомъ зенитѣ которой находился очередной будочникъ, обязанный наблюдать трактъ съ самой высшей въ городѣ колокольни. Онъ

долженъ былъ не задремать, охраняя городъ отъ внезапнаго наѣзда; но, конечно, случалось, что онъ дремалъ и даже спалъ, и тогда въ такихъ несчастныхъ случаяхъ бывали разныя неприятности. Иногда нерадивый стражъ ударялъ въ малый колоколъ, поддутивъ губернатора уже на слишкомъ близкую дистанцію, такъ что не всѣ чиновники успѣвали примудриться и выскочить, протопопъ облачиться и стать со крестомъ на сходахъ, а иногда даже городничій не успѣвалъ выѣхать, стоя въ телѣгѣ, къ заставѣ. Во избѣжаніе этого, сторожа заставляли ходить вокругъ колокольни и у каждаго пролета дѣлать поклонъ въ соответственную сторону.

Это служило сторожу развлеченіемъ, а обществу ручательствомъ, что бдицій надъ нимъ не спитъ и не дремлетъ. Но и эта предосторожность не всегда помогала; случалось, что сторожъ обладалъ способностью альбатроса: онъ спалъ, ходя и кланяясь, а сиросонья билъ ложный веплохъ, принявъ за губернатора помѣшпчью карету, и тогда въ городѣ поднималось напрасное смятеніе, окончивавшееся тѣмъ, что чиновники снова размудировались и городническая тройка откладывалась, а неосмотрительнаго стража слегка или не слегка сѣкли.

Подобныя трудности встрѣчались часто и преодолювались нелегко, и притомъ всею своею тягостью главнымъ образомъ лежали на городничемъ, который впередъ всѣхъ выносился вскачь навстрѣчу, первый принималъ на себя начальственные взоры и взрывы и, потомъ, опять, стоя же, скакалъ впереди губернаторской кареты къ собору, гдѣ у крыльца ожидалъ протопопъ во всемъ облаченіи съ крестомъ и кропиломъ въ чашѣ священной воды. Здѣсь городничій непременно собственноручно откидывалъ губернаторскую подножку и этимъ приемомъ, такъ сказать, собственноручно выпускалъ прибывшую высокую особу на родимую землю изъ путешественнаго ковчега. Теперь все это уже не такъ, все это попорчено и притомъ едва ли даже безъ участія самихъ губернаторовъ, въ числѣ конхъ были охотники «играть на пониженіе». Нынче они, можетъ-быть, и каются, но чтò уплыло, того не воротятъ: подножекъ имъ никто не откидываетъ, кромѣ лакеевъ и жандармовъ.

Но исправившій эту обязанность прежній городничій этимъ не стѣснялся и служилъ для всѣхъ первымъ проб-

нымъ камнемъ; онъ первый извѣдывалъ: лютъ или благо-стенъ прибывшій губернаторъ. И, надо правду сказать, отъ городничаго многое зависѣло: онъ могъ испортить дѣло вначалѣ, потому что одною какою-нибудь своею неловкостью могъ разгнѣвать губернатора и заставить его рвать и метать; а могъ также однимъ ловкимъ прыжкомъ, оборотомъ или инымъ соответственнымъ вывертомъ привести его пресходительство въ благорасположеніе.

Теперь каждый, даже не знавшій этихъ патриархальныхъ порядковъ читатель, можетъ судить, какъ естественна была тревога солигаличской чиновной знати, которой пришлось имѣть своимъ представителемъ такого своеобразнаго, неуклюжаго и упрямаго городничаго, какъ Рыжовъ, у котораго, вдобавокъ ко всемъ его личнымъ неудобнымъ качествамъ, весь уборъ состоялъ въ полосатомъ тиковомъ бешметѣ и коштагой мужичьей пашкѣ.

Вотъ что первое должно было ударить прямо въ очи «надменной фигурѣ», о которой уже досужіе языки довели до Солигалича самыя страшныя вѣсти... Чего было ожидать добраго?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Александръ Аванасьевичъ, дѣйствительно, могъ привести кого хотите въ отчаяніе; онъ ни о чемъ не беспокоился и въ ожиданіи губернатора держалъ себя такъ, какъ будто предстоявшее страшное событіе его совѣмъ не касалось. Онъ не сломалъ ни у одного жителя ни одного забора, ничего не перемазалъ ни мѣломъ, ни охрою и вообще не предпринималъ никакихъ средствъ не только къ украшенію города, но и къ измѣненію своего несообразнаго костюма, а продолжалъ прохаживаться въ бешметѣ. На всѣ предлагаемыя ему прожекты онъ отвѣчалъ:

— Не должно вводить народъ въ убытки: развѣ губернаторъ изнуритель края? онъ пусть проѣдетъ, а заборъ пусть останется. Требованія же насчетъ мундира Рыжовъ отражалъ тѣмъ, что у него на то нѣтъ достатковъ и что, говорить, имѣю,—въ томъ и являюсь: Богу совѣмъ нагишомъ предстану. Дѣло не въ платьѣ, а въ разсудкѣ и въ совѣсти,—по платью встрѣчаютъ—по уму провожаютъ.

Переупрямить Рыжова никто не надѣялся, а между тѣмъ это было очень важно не столько для упрямца Рыжова, ко-

тому, можетъ-быть, и ничего съ его бюблѣйской точки зрѣнія, если его второе лицо въ государствѣ сгонить съ глазъ долой въ его бешметѣ; но это было важно для всѣхъ другихъ, потому что губернаторъ, конечно, разгнѣвается, увидя такую невидаль, какъ городничій въ бешметѣ.

Дорожа первымъ впечатлѣніемъ ожидаемаго гостя, солигаличскіе чины добивались только двухъ вещей: 1) чтобы былъ перекрашенъ шлагбаумъ, у котораго Александръ Аонасьевичъ долженъ встрѣтить губернатора, и 2) чтобы самъ Александръ Аонасьевичъ былъ на этотъ случай не въ нососатомъ бешметѣ, а въ приличной его званію формѣ. Но какъ этого достигнуть?

Мысли были различныя и болѣе склонялись все къ тому, чтобы и шлагбаумъ перекрасить, и городничаго одѣть вкладчину. Въ отношеніи шлагбаума это было, конечно, удобно, но по отношенію къ обмундировкѣ Рыжова никуда не годилось.

Онъ сказалъ: «это даръ, а я даровъ не пріемлю». Тогда восторжествовало пасть всѣми предложеніе, которое подать зрѣлый въ сужденіи отецъ протопопъ. Онъ не выдалъ пужды ни въ какой складчикъ ни на окраску заставы, ни на форму градоправителя, а сказалъ, что все должно лечь на того, кто всѣхъ провинилъ, а всѣхъ провинилъ, по его мнѣнію, былъ откупщикъ. На него все должно и пасть. Онъ одинъ обязалъ на свой собственный счетъ не по неволѣ какой, а изъ усердія, окрасить заставу, за чтѣ протопопъ обѣщаль, срѣтая губернатора, упомянуть объ этомъ въ краткомъ словѣхъ, кромѣ того, помолиться о жертвователѣ въ тайноглаголемой заирестольной молитвѣ. Кромѣ того, отецъ протопопъ разсудилъ, что откупщикъ долженъ дать засѣдателю, сверхъ ординарн, тройную порцію рому, французской водки и кизлярки, до которыхъ засѣдатель охочъ. И пусть засѣдатель зато отранортируется большимъ и пьетъ себѣ дома эту добавочную ординарію и на улицу не выходитъ, а свой мундиръ, одной съ полицейскимъ формы, отнустить Рыжову, — отчего сей послѣдній, вѣроятно, не найдетъ причины отказать, и будутъ тогда и овцы цѣлы, и волки сыты.

Планъ этотъ тѣмъ болѣе былъ удаченъ, что непремѣнный засѣдатель ростомъ-дородствомъ нѣсколько походилъ на Рыжова и притомъ, женись недавно на кулеческой дочери,

имѣлъ мундирную пару въ полномъ порядкѣ. Слѣдовательно, оставалось только упросить его, чтобы онъ для общаго блага къ прїѣзду начальства слегъ въ постель подъ видомъ тяжелой болѣзни и сдалъ свою амуницію на этотъ случай Рыкову, котораго отецъ протопопъ, надѣясь на свой духовный авторитетъ, тоже взялся убѣдить—и убѣдилъ. Не вида въ этомъ ни даровъ, ни мзды, справедливый Александръ Аонасьевичъ, для общаго счастья, согласился надѣть мундиръ. Произведена была примѣрка и пригонка форменной пары засѣдателя на Рыкова, и послѣ нѣкотораго вынуска со всѣхъ сторонъ всѣхъ запасовъ въ мундиръ и въ рейтузахъ, дѣло было приведено къ удовлетворительному результату. Александръ Аонасьевичъ хотя чувствовалъ въ мундирѣ весьма стѣснительную связанность, но могъ, однако, двигаться и все-таки былъ теперь сноснымъ представителемъ власти. Небольшой же бѣлый карнизъ между мундиромъ и канифасовыми рейтузами положено было закрыть соответственной же канифасовою надшивкою, которою этотъ карнизъ былъ удачно замаскированъ. Словомъ, Александръ Аонасьевичъ былъ снаряженъ такъ, что губернаторъ могъ повернуть его на всѣ стороны и полюбоваться имъ такъ и иначе. Но злему року угодно было все это осмѣять и оставить Александру Аонасьевичу надлежащую представительность только съ одной стороны, а другую совсѣмъ испортить, и притомъ такимъ двусмысленнымъ образомъ, что могло дать поводъ къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ его и безъ того загадочнаго политическаго образа мыслей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Шлагбаумъ былъ окрашенъ во всѣ цвѣты національной нестряди, состоящей изъ черныхъ и бѣлыхъ полосъ съ красными отводами, и еще не успѣлъ запылиться, какъ пропелась вѣсть, что губернаторъ уже выѣхалъ изъ сосѣдняго города и держитъ путь прямо на Солигаличъ. Тотчасъ же вездѣ были поставлены махальные солдаты, а у забора бѣдной хибары Рыкова глодала землю рѣзвая почтовая тройка съ телѣгою, въ которую Александръ Аонасьевичъ долженъ былъ вспрыгнуть при первомъ сигналѣ и скакать навстрѣчу «надменнѣйшей фигурѣ».

Въ послѣднемъ условіи было чрезвычайно много псеудоб-

ной сложности, исполнявшей все вокруг безокойной тревогой, которую очень не любила самообладающая Рыжовъ. Онъ рѣшился «быть всегда на своемъ мѣстѣ»: перевелъ тройку отъ своего забора къ заставѣ и самъ въ полномъ парадѣ, — въ мундирѣ и бѣлыхъ рейтузахъ, съ рапортомъ за бортомъ, сѣлъ тутъ же на раскрашенную перекладину шлагбаума и водворился здѣсь, какъ столбикъ, а вокругъ него собрались любопытные, которыхъ онъ не прогонялъ, а, напротивъ, велъ съ ними бесѣду и среди этой бесѣды сподобился увидать, какъ на трактѣ закрубилось пыльное облако, изъ котораго стала вырѣзаться пара выносныхъ съ форейторомъ, украшеннымъ мѣдными бляхами. Это катилъ губернаторъ.

Рыжовъ быстро сирывнулъ въ телѣгу и хотѣлъ екакать, какъ вдругъ былъ пораженъ общимъ стономъ и вздохомъ толпы, крикнувшей ему:

— Батюшка, сбрось штаны!

— Что такое? — переспросилъ Рыжовъ.

— Штаны сбрось, батюшка, штаны, — отвѣчали люди. — Погляди-ка, на коемъ мѣстѣ сидѣлъ, такъ къ бѣлому весь шланбовъ припечаталъ.

Рыжовъ оглянулся черезъ плечо и увидѣлъ, что все высохшія полосы національныхъ цвѣтовъ шлагбаума, дѣйствительно, съ удивительною отчетливостью отпечатались на его рейтузахъ.

Онъ поморщился, но сейчасъ же вздохнулъ и сказалъ: «Сюда начальству глядѣть нечего» и пустилъ вскачь тройку навстрѣчу «падменшой особѣ».

Люди только руками махнули:

— Отчаянный! что-то ему теперь будетъ?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Скороходы изъ этой же толпы быстро успѣли дать знать въ соборъ духовенству и набольшимъ, въ какомъ двусмысленномъ видѣ встрѣтитъ губернатора Рыжовъ, — но теперь уже все было самому до себя.

Всеихъ страшнѣе было протопону, потому что чиновники притаились въ церкви, а онъ съ крестомъ въ рукахъ стоялъ на сходахъ. Его окружалъ очень небольшой причтъ, изъ коего вырѣзались двѣ фигуры: приземистый дяконъ съ большой головой и длинноногий дячокъ въ стихарѣ съ

священною водою въ «апlickовой» чапкѣ, которая ходуномъ ходила въ его оробѣвшихъ рукахъ. Но вотъ трепеть страха смѣнился окаменѣніемъ: на площади показалась борзо скачущая тройкою почтовая телѣга, въ которой съ замѣчательнымъ достоинствомъ возвышалась гигантская фигура Рыжова. Онъ былъ въ шляпѣ, въ мундирѣ съ краснымъ воротомъ и въ бѣлыхъ рейтузахъ съ надшитымъ канифасовымъ карнизомъ, — что издали рѣшительно ничего не портило. Напротивъ, онъ всѣмъ казался чѣмъ-то величественнымъ и, дѣйствительно, такимъ и долженъ былъ казаться. Твердо стоя на скачущей телѣгѣ, на облучкѣ которой подпрыгивать ямщикъ, Александръ Аванасьевичъ не колебался ни направо, ни налево, а плылъ точно на колесницѣ какъ триумфаторъ, сложивъ на груди свои богатырскія руки и отдавая цѣлымъ облакомъ пыли слѣдовавшую за нимъ шестерникомъ коляску и легкій тарантасикъ. Въ этомъ тарантасѣ ѣхали чиновники. Ланской помѣщался одинъ въ каретѣ и, несмотря на отличавшую его солидную важность, былъ, повидимому, сильно заинтересованъ Рыжовымъ, который летѣлъ впереди его, стоя, въ кургузомъ мундирѣ, нимало не закрывавшемъ разводы національныхъ цвѣтовъ на его бѣлыхъ рейтузахъ. Очень возможно, что значительная доля губернаторскаго вниманія была привлечена именно этою странностію, значеніе которой не такъ легко было понять и опредѣлить.

Телѣга въ свое время своротила въ сторону, и Александръ Аванасьевичъ въ свое время соскочилъ и открылъ дверцу у губернаторской кареты.

Ланской вышелъ, имѣя, какъ всегда, неизмѣнно «надменную фигуру», въ которой, впрочемъ, содержалось довольно доброе сердце. Протопопъ, осѣнивъ его крестомъ, сказалъ: «Благословенъ грядый во имя Господне» и затѣмъ покропилъ его легонько священной водою.

Сановникъ приложился ко кресту, отеръ батистовымъ платкомъ понавнія ему на надменное чело капли и вступилъ *первый* въ церковь. Все это происходило на самомъ виду у Александра Аванасьевича и чрезвычайно ему не понравилось, — все было «надменно». Неблагоприятное впечатлѣніе еще болѣе усилилось тѣмъ, что, вступивъ въ храмъ, губернаторъ не положилъ на себя креста и никому не поклонился, — ни алтарю, ни народу, и шелъ какъ шестъ, не сгибая головы, къ амвону.

Это было противъ всѣхъ правилъ Рыкова по отношенію къ богопочитанію и къ обязанностямъ высшаго быть примѣромъ для низшихъ, — и благочестивый духъ его всеколебался и поднялся на высоту невѣроятную.

Рыковъ все шелъ слѣдомъ за губернаторомъ и, по мѣрѣ того, какъ Ланской приближался къ селеѣ, Рыковъ все больше и больше сокращалъ разстояніе между ними и собою, и вдругъ неожиданно схватилъ его за руку и громко произнесъ:

— Рабъ Божій Сергій! входи во храмъ Господень не надменно, а смиренно, представляя себя самымъ большимъ грѣшникомъ—вотъ какъ!

Съ этимъ онъ положилъ губернатору руку на спину и, степенно нагнувъ его въ полный поклонъ, снова отпустилъ и сталъ на вытяжку.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Очевидецъ, передававшій эту анекдотическую исторію о солигаличскомъ антикѣ, ничего не говорилъ: какъ принялъ это бывшій въ храмѣ народъ и начальство. Извѣстно только, что никто не имѣлъ отваги, чтобы заступиться за нагдутаго губернатора и остановить безтрепетную руку Рыкова, но о Ланскомъ сообщаютъ нѣчто подробнѣе. Сергій Степановичъ не подалъ ни малѣйшаго повода къ продолженію безпорядка, а, напротивъ, «смирилъ свою горделивую падменность умнымъ самообладаніемъ». Онъ не оборвалъ Александра Аванасевича, и даже не сказалъ ему ни слова, но перекрестился и, оборотясь, поклонился всему народу, а затѣмъ скоро вышелъ и отправился на приготовленную ему квартиру.

Здѣсь Ланской принялъ чиновниковъ—коронныхъ и выборныхъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые ему показались достойными большаго довѣрія, разспросилъ о Рыковѣ: что это за человекъ и какимъ образомъ онъ терпится въ обществѣ.

— Это нашъ квартальный Рыковъ, — отвѣчалъ ему голова.

— Что же онъ... вѣроятно, въ помѣшательствѣ?

— Никакъ нѣтъ: просто всегда *такой*.

— Такъ зачѣмъ же держать *такого* на службѣ?

— Онъ по службѣ хорошъ.

— Девокъ.

— Самый смиренный: на шею ему старшій сядь, — рассу-

дить: «потому взять надо» — и повезетъ, но только онъ много въ Библии начитавшись и черезъ то разстроены.

— Вы говорите несообразное: Библия книга божественная.

— Это точно такъ, только се не всякому честь пристойно: въ иночествѣ отъ нея страсть мечетъ, а у мірскихъ людей умъ мѣшается.

— Какіе пустяки! — возразилъ Ланской и продолжалъ разспрашивать:

— А какъ онъ насчетъ взятокъ: умѣреть ли?

— Помплуйте, — говоритъ голова: — онъ совсѣмъ ничего не беретъ...

Губернаторъ еще болше не повѣрилъ.

— Этому, — говоритъ: — я уже ни за что не повѣрю.

— Пѣтъ: дѣйствительно, не беретъ.

— А какъ же, говоритъ, онъ какими средствами живетъ?

— Живетъ на жалованье.

— Вы вздоръ мнѣ рассказываете: такого человѣка во всей Россіи нѣтъ.

— Точно, — отвѣчаетъ, пѣтъ; но у насъ такой обывался.

— А сколько ему жалованья положено?

— Въ мѣсяць десять рублей.

— Вѣдь на это, говоритъ, овцу прокормить нельзя.

— Дѣйствительно, говоритъ, мудрено жить — только онъ живетъ.

— Отчего же такъ всѣмъ нельзя, а онъ обходится?

— Библии начитался.

— Хорошо, — «Библии начитался», а что же онъ ѣстъ?

— Хлѣбъ да воду.

И тутъ голова и рассказалъ о Рыжовѣ, каковъ онъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

— Такъ это совсѣмъ удивительный человѣкъ! — воскликнулъ Ланской и велѣлъ позвать къ себѣ Рыжова.

Александръ Аонасьевичъ явился и сталъ у притолки, иже по подчиненію.

— Откуда вы родомъ? — спросилъ его Ланской.

— Здѣсь, на Нижней улицѣ родился, — отвѣчалъ Рыжовъ.

— А гдѣ воспитывались?

— Не имѣлъ воспитанія... у матери росъ, а матушка пироги некла.

— Учились гдѣ-нибудь?

— У дядька.

— Исповѣданія какого?

— Христіанинъ.

— У васъ очень странные поступки.

— Не замѣчаю: всякому то кажется странно, что самому несвойственно.

Ланской подумалъ, что это вызывающій, дерзкій намекъ и, строго взглянувъ на Рыкова, рѣзко спросилъ:

— Не держитесь ли вы какой-нибудь секты?

— Здѣсь нѣтъ секты: я въ соборъ хожу.

— Исповѣдуетесь?

— Богу при протопопѣ каюсь.

— Семья у васъ есть?

— Есть жена съ сыномъ.

— Жалованье малое получаете?

Никогда не смѣявшійся Рыковъ улыбнулся.

— Беру, говоритъ, въ мѣсяць десять рублей, а не знаю: какъ это,—много или мало.

— Это немного.

— Доложите государю, что для лукаваго раба это мало.

— А для вѣрнаго?

— Достаточно.

— Вы, говорятъ, никакими статьями не пользуетесь?

Рыковъ посмотрѣлъ и промолчалъ.

— Скажите по совѣсти: быть ли это можетъ такъ?

— А отчего же не можетъ быть?

— Очень малыя средства.

— Если имѣть великое обузданіе, то и съ малыми средствами обойтись можно.

— Но зачѣмъ вы не проситесь на другую должность?

— А кто же эту занимать станетъ?

— Кто-нибудь другой.

— Развѣ онъ лучше меня справить?

Теперь Ланской улыбнулся: квартальный совѣмъ заинтересовалъ его нечуждую теплоты душу.

— Послушайте,—сказалъ онъ:—вы чудакъ; я васъ прощу сѣсть.

Рыковъ сѣлъ vis-à-vis съ «надменнымъ».

— Вы, говорятъ, знатокъ Библіи?

— Читаю, сколько время позволить, и вамъ совѣтую.

— Хорошо; но... могу ли я васъ увѣрить, что вы можете со мною говорить совѣмъ откровенно и по справедливости.

— Ложь заповѣдью запрещена,—я лгать не стану.

— Хорошо. Уважаете ли вы власти?

— Не уважаю.

— За что?

— Лънны, алчны и предъ престоломъ криводушны, — отвѣчалъ Рыжовъ.

— Да, вы откровенны. Благодарю. Вы тоже пророчесствуете?

— Нѣтъ: а по Библии вывожу, что ясно слѣдуетъ.

— Можете ли вы мнѣ показать хоть одинъ вашъ выводъ?

Рыжовъ отвѣчалъ, что можетъ, — и сейчасъ же принесъ цѣлый обертокъ бумаги съ надписью «Однородъ».

— Что тутъ есть пророчесвеннаго о прошломъ и сбывшемся?—спросилъ Ланской.

Квартальный перемахнулъ знакомыя страницы и прочиталъ: «Государыня въ перепискѣ съ Вольтеромъ назвала его вторымъ Златоустомъ. За сіе несообразное сравненіе жизнь нашей монархини не будетъ имѣть спокойнаго конца».

На отлншенномъ полѣ противъ этого мѣста отмѣчено: «исполнилось при огорчительномъ сватовствѣ Павла Петровича».

— Покажите еще что-нибудь.

Рыжовъ опять заметалъ страницы и указалъ новое мѣсто, которое все заключалось въ слѣдующемъ: «Изданъ указъ о попенномъ сборѣ. Отнынѣ хладъ бѣдныхъ хижинъ усилятся. Надо ожидать особеннаго наказанія». И на полѣ опять отмѣтка: «Исполнилось,—зри страницу такую-то», а на той страницѣ запись о кончинѣ юной дочери императора Александра Перваго съ отмѣткою: «сіе послѣдовало за назначеніе налога на лѣсъ».

— Но позвольте, однако,—спросилъ Ланской:—вѣдь лѣса составляютъ собственность?

— Да; а грѣтъ воздѣхъ въ жилѣ составляетъ потребность.

— Вы противъ собственности?

— Нѣтъ: я только, чтобы всѣмъ тепло было въ стужу. Не надо давать лѣсовъ тѣмъ, кому и безъ того тепло.

— А какъ вы судите о податяхъ: слѣдуетъ ли облагать людей податью?

— Надо наложить и еще прибавить на всякую вещь роскошную, чтобы богатый платилъ казнѣ за бѣднаго.

— Гм, гм! вы ни откуда это учение не почерпаете?

— Изъ священнаго писанія и моеи совѣсти.

— Не руководить ли васъ къ сему иные источники того времени?

— Всѣ другіе источники не чисты и полны егемудріи.

— Теперь скажите внослѣднее: какъ вы не боитесь ни того, что пишете, ни того, что со мною въ церкви сдѣлали?

— Что пишу, то про себя пишу, а что въ храмѣ сдѣлать, то долженъ былъ учинить, цареву власть оберегаючи.

— Почему цареву?

— Дабы видѣли всѣ его слугъ къ вѣрѣ народнои почтительными.

— Но вѣдь я могъ съ вами обойтись совѣмъ не такъ, какъ обхожусь.

Рыковъ посмотрѣлъ на него «съ сожалѣніемъ» и отвѣчалъ:

— А какое же зло можно сдѣлать тому, кто на десять рублей въ мѣсяцъ умѣетъ съ семьей жить?

— Я могъ велѣть васъ арестовать.

— Въ острогѣ сытѣй ѣдятъ.

— Васъ сослани бы за эту дерзость.

— Куда меня можно сослать, гдѣ бы мнѣ было хуже и гдѣ бы Богъ мой оставилъ меня? Опъ вездѣ со мною, а кромѣ Его никого не страшно.

Надменная шея склонилась и дѣвая рука Ланского простерлась къ Рыкову.

— Характеръ вашъ почтененъ, — сказалъ опъ и велѣлъ ему выйти.

Но, повидимому, опъ еще не совѣмъ довѣрялъ этому библейскому социалисту и спросилъ о немъ лично самъ нѣсколько простолудиновъ.

Тѣ, покрути рукой въ воздухѣ, въ одно слово отвѣчали:

— Опъ у насъ такой-пѣкій-этакой.

Болѣе положительнаго изъ нихъ о немъ никто не знаетъ.

Прощаясь, Ланской сказалъ Рыкову:

— Я о васъ не забуду и совѣтъ вашъ исполню, — прочту Библию.

— Да только этого мало, а вы и на десять рублей въ мѣсяцъ жить поучитесь, — добавилъ Рыковъ.

Но этого совѣта Ланской уже не обѣщаль исполнить, а только засмѣялся, опять подалъ ему руку и сказалъ:

— Чудакъ, чудакъ!

Сергѣй Степановичъ уѣхалъ, а Рыковъ унесъ къ себѣ домой своего «Одnodума» и продолжалъ писать въ немъ, что изливали его наблюдательность и пророческое вдохновеніе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

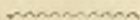
Со времени проѣзда Ланского прошло довольно времени, и событія, сопровождавшія этотъ проѣздъ черезъ Солигаличъ, уже значительно позабылись и затерлись ежедневною сутолкою, какъ вдругъ, нежданно-негаданно, на дивно-диво не только Солигаличу, а всей просвѣщенной Россіи, въ обривизованный городъ пришло извѣстіе совершенно невѣроятное и даже въ строиномъ порядкѣ правленія невозможное: квартальному Рыкову былъ присланъ дарующій дворянство владимірскій крестъ, — первый владимірскій крестъ, пожалованный квартальному.

Самый орденъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ предписаніемъ возложить его и носить по установленію. И крестъ, и грамота были вручены Александру Аонасьевичу съ объявленіемъ, что удостоенъ онъ сей чести и сего пожалованія по представленію Сергѣя Степановича Ланского.

Рыковъ принялъ орденъ, посмотрѣлъ на него и проговорилъ вслухъ:

— Чудакъ, чудакъ! А въ «Одnodумѣ» противъ имени Ланского отмѣтилъ: «быть ему графомъ», — что, какъ извѣстно, и исполнилось. Носить же ордена Рыкову было *не на челѣ*.

Кавалеръ Рыковъ жилъ почти девяносто лѣтъ, аккуратно и своеобразно отмѣчая все въ своемъ «Одnodумѣ», который, вѣроятно, издержанъ при какой-нибудь уѣздной реставраціи на оклейку стѣнъ. Умеръ онъ, исполнивъ всѣ христіанскія требы по установленію православной церкви, хотя православіе его, по общимъ замѣчаніямъ, было «сомнительно». Рыковъ и въ вѣрѣ былъ человекъ такой-пѣккой-этакой, но при всемъ томъ, мнѣ кажется, въ немъ можно видѣть кое-что кромѣ «одной дряни», — чѣмъ и да будетъ онъ помянута въ самомъ началѣ розыска о «трехъ праведникахъ».

ПИГМЕИ.

Расскажу вамъ одно истинное событіе, о которомъ недавно вспомнили въ одномъ скромномъ кружкѣ, по поводу замѣчаемаго нынче чрезмѣрнаго усиленія въ нашемъ обществѣ холоднаго и безстрастнаго эгоизма и безучастія. Нѣкоторымъ изъ собесѣдниковъ казалось, что будто прежде такъ не было, — имъ сдавалось, будто еще и въ недавнее время сердца были немножко потеплѣе и души поучастливѣе, и одинъ изъ собесѣдниковъ, мой землякъ, пожилой и весьма почтенный человѣкъ, сказалъ намъ:

— Да вотъ какъ, господа: я сейчасъ еще знаю у насъ въ губерніи одного старичка, самаго мелкопомѣстнаго дворянина, настоящаго пигмея, который никогда въ жизни не игралъ никакой значительной роли, а между тѣмъ онъ, живучи здѣсь въ Петербургѣ, по одному благородному побужденію, сдѣлать разъ такое дѣло, что этому даже, пожалуй, и повѣрить трудно. И если я вамъ это расскажу, такъ вы увидите, что можетъ сдѣлать для ближняго самый маленький человѣкъ, когда онъ серьезно *захочетъ* помочь ему; — наше нынѣшнее горе въ томъ, что никто ничего не хочетъ сдѣлать для человѣка, если не часть отъ этого себѣ выгоды.

И рассказчикъ сообщилъ намъ слѣдующее:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мелкопомѣстный дворянинъ, о которомъ я говорю, назывался С²⁴⁹, онъ еще здравствуетъ и доживаетъ свой вѣкъ въ своемъ маленькомъ хуторчкѣ въ К. уѣздѣ. Прежде чѣмъ

состарѣтся, онъ служилъ здѣсь въ Петербургѣ въ вѣдомствѣ с.-петербургской полиціи и на самомъ ничтожномъ мѣстѣ: на обязанности его лежало распорядиться исполненіемъ публичныхъ тѣлесныхъ наказаній. Въ то сравнительно весьма недавнее время у насъ на святой Руси людей непривилегированнаго класса сбѣли плетями и клеймили. За свою долговременную службу нынѣшній старичокъ С., разумѣется, «привелъ въ исполненіе» этихъ наказаній такое безчисленное множество, что совершенно привыкъ къ такому неприятному занятію и распорядился этимъ холодно и безтрепетно, какъ самымъ обыкновеннымъ служебнымъ дѣломъ. Но вотъ разъ съ нимъ случилось такое событіе, что онъ самъ себя измѣнилъ и, по собственнымъ его словамъ, «вмѣсто того, чтобы благо разумно долгъ свой исполнить—надѣлалъ глухостей».

Событіе это произошло въ 1853 г., когда русскія отношенія къ Франціи были очень натянуты, и въ столицѣ сильно уже поговаривали о возможности рѣшительнаго разрыва. Въ это время разъ чиновнику С. передаютъ «для исполненія» бумагу о наказаніи плетью, черезъ палача, молодого француза Н, осужденнаго къ этому за самый гадкій поступокъ надъ малолѣтней дѣвочкой. Я не назову вамъ этого француза, потому что онъ живъ и довольно извѣстенъ; а какъ его имя берегла отъ оглашенія скромность «пигмея», то и я не великашъ, чтобы его выдать.

— Прочелъ, — говоритъ С.:— я эту бумагу, помѣтилъ, и что же еще тутъ долго думать: отпущенаемъ молодца яко старца, да и дѣло съ концомъ; и я далъ въ порядкѣ приказъ подрядчику, чтобы завтра эшафотъ на площади сладить, а самъ велѣлъ привести арестанта, чтобы посмотрѣть на него: здоровъ ли онъ и можно ли его безопасно подвергнуть этой процедурѣ.

Приводятъ человѣка такого тщедушнаго, дохлаго; блѣдный, плачетъ, дрожитъ и руки ломаетъ, а самъ все жалостно лепечетъ.

— Ахъ ты, думаю, Господи Боже мой: надо же было ему, такому французскому поганцу, сюда завхать и такое на костное дѣло здѣсь учинить, чтобы мы его тутъ на свой фасонъ какъ сидорову козу дупили.

И вдругъ жаль мнѣ его стало.

— Что, говорю, ты это себѣ надѣлал! Какъ ты дерзнуть на бѣдное дитя покуситься...

А онъ падаетъ въ ноги, ручки въ капдалахъ къ небу поднимаетъ, гремитъ цѣбиями и плачетъ.

— Мусье, мусье! Небо виднѣть...

— Что, говорю: «Небо!» нечего теперь, братецъ, землю обезчестивши, на небо тошнриться,—готовься: завтра экзекуція,—что заслужилъ, то и применишь.

— И, говоритъ, занапрасно (онъ, три года въ острогѣ сидя, такъ подучился немпожко по-русски).

— Ну, уже это, говорю, монъ ами, врешь,—занапрасно бы у насъ тебя не присудили: судъ знаетъ, за что караетъ.

— Ей-Богу, говоритъ, занапрасно... вогъ Богъ. Дье, Дье меня убей... и тому подобное, и такъ горько, такъ горько бѣдный плачетъ, что всего меня встревожилъ. Много я въ своей жизни всякихъ слезъ передъ казнью видѣлъ, но а такіхъ жаркихъ, горючихъ да дробныхъ слезъ право, не видать. Такъ вотъ и видно, что ихъ напраслина жметъ...

— Ну, а мнѣ-то, скажите,—что же я, пигмей, могу ему сдѣлать?—мое дѣло одно, что надо его отноротъ, заклеить, да сослать «во исполненіе рѣшенія», вотъ и все, и толковать тутъ не о чемъ. И я кивнулъ часовымъ, чтобы взяли его, потому что для чего же мнѣ его держать,—и самому тревожиться, и его напрасно волновать раньше времени.

— Ведите, говорю, его назадъ въ тюрьму.

Но онъ, какъ услышать это, такъ обхватилъ мою ногу руками и замеръ: а слезы или лицо это у него такое горячее, что даже сквозь сапогъ мою ногу жжетъ.

— Тьфу, провались ты совѣмъ, думаю, вотъ на горо свос я съ нимъ разговорился: и никакъ его съ ноги стряхнуть не могу; а самому мнѣ въ ухо вдругъ что-то шептать начало: «разспроси его, разспроси, послушай, да заступнись».

— Ну, чего тутъ, помилуйте, заступаться мнѣ, ничтожному исполнительному чиновнику, когда дѣло уголовнымъ судомъ рѣшено и уже и подряднику, и смотрителю насчетъ налача приказъ дасть. Какія тутъ заступничества? А опо, это что-то незримое, знай все своѣ въ ухо шепчетъ: «разспроси, заступнись».

И я соблазнился: заступаться, думаю, я хоть и не буду, а разспросить, пожалуй, разспрошу.

— Валяй, говорю, рассказывай по всей истинѣ, какъ дѣло было! Да только смотри—по ври.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Опѣ мнѣ, сколько ему позволяли слезы и рыданія, рассказалъ, что жилъ онъ на Морской у шарикмахера; туда ходила къ нимъ, къ стригачамъ, отъ прачки дѣвочка, двѣнадцати—не то тринадцати лѣтъ,—очень хорошенккая. И говоритъ, что она не то па его сестренку или, какъ тамъ по-ихнему, на кузинку его какую, что ли, очень похожа была. Ну, а онъ, это, знаете, какъ французъ... ну, разумѣется, со вкусомъ тоже и фантазіей: правится ему дитя, — онъ ей пышке бантикъ, завтра апельсинчикъ, послѣ рубль, или полтинничекъ, бомбошки—все баловалъ ее. Говоритъ, безъ всякой будто цѣли; а мать-то ея пройдоха была: завала его къ себѣ да съ дѣвчонкою ихъ и заперла, а дѣвчонку научила ему рожу расцарапать, да кричать, будто ее странно обидѣть хотѣлъ. Сбѣжался народъ, актъ составили, въ тюрьму,—въ тюрьмѣ три года продержали и къ плетямъ, да къ есылкѣ присудили.

Выслушавъ я все это и все мнѣ показалось это такъ, какъ онъ рассказалъ, и обратилъ я вниманіе на его рубецъ, что эта дѣвочка ему на носу сдѣлала: глубокій рубецъ, — зажилъ, но побѣлѣлый шрамъ такъ и остался. Пре-странный шрамъ: точно нарочно рассчитано, на какомъ мѣстѣ его отмѣтить. Но большей части это никогда такъ не бываетъ: по большей части женщина въ такихъ случаяхъ прямо въ глаза, а еще больше въ щеки цапаетъ,—потому она, когда ее одолеваетъ, руками со сторонъ къ лицу взмахиваетъ: а это какъ-то по-коначки, прямо въ середину, какъ разъ по носу и къ губѣ пущено...

Думаю: чего добраго, Богъ знаетъ, вѣдь есть такія проходимки; въ полиціи какъ послужилъ, такъ вѣдь на какихъ негодяевъ не посмотришься, и говорю ему,—это вамъ даже смѣшно должно показаться,—говорю:

— Ну, хорошо, мусье: если все это такъ, какъ ты мнѣ сказалъ,—то, можетъ-быть, Богъ напраслины не допустить:—молись и надѣйся.

Онъ руки у меня расцѣловалъ и забрякалъ цѣлями, пошелъ, а я остался на своемъ мѣстѣ и думаю себѣ: вотъ и два дурака вмѣстѣ собрались. Первый онъ, что меня за

пророка почель, а другой я, что ему напрасную надежду подаль.

А во лбу такъ-таки вотъ и стоитъ, что это напраслина и ужасная напраслина, и между тѣмъ вотъ мы завтра его бить будетъ и это его щуплое французское тѣлице будетъ на деревянной кобылѣ сжиться, кровью обливаться и будетъ бить визжать, какъ живой поросенокъ на вертелѣ... Ахъ, ты, лихо бы тебя било, да не я бы на это смотрѣлъ! Не могу; просто такъ за него растревожился, что не могу самой пустой бумажонки на столѣ распределить.

Подозвать младшаго чиновника и говорю:

— Сдѣлайте тутъ, что нужно, а у меня очень голова разболѣлась,—я домой пойду.

Пришелъ домой, ходилъ-ходилъ, ругался-ругался со всѣми, и съ женою, и съ прислугою — не могу успокоиться да и баста! Стоитъ у меня французъ передъ глазами и никакъ его не вышхнешь.

Жена уговариваетъ, «что ты, да что съ тобою»?—потому что я никогда такой не былъ, а я еще хуже томлюсь.

Подали обѣдать; я сѣлъ, но сейчасъ же опять вскочилъ, не могу да и только. Жаль француза, да и конецъ.

Не выдержалъ и, чтобы не видали домашніе какъ я мучусь, схватилъ шляпу и побѣжалъ изъ дома, и вотъ съ этихъ-то поръ я уже словно не самъ собою управлялъ, а начало мною орудовать какое-то вдохновеніе: *я задумалъ измѣну.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вышелъ я и прямо къ приставу, у котораго это происшествіе было; спрашиваю: какъ это все тогда, три года назадъ, происходило и что за баба мать этой дѣвочки.

Приставъ говоритъ:

— Чортъ ихъ знаетъ,—это дѣло еще не при мнѣ было. а баба, мать этой дѣвочки—большая негодийка, и она, говоритъ, съ своею дочкою еще послѣ того не разъ такую же исторію подводила. А впрочемъ, говорить, кто ихъ разберетъ: кто правъ, кто виноватъ.

Ну, довольно, думаю, съ меня: мы съ тобою, братъ, этого не разберемъ, а Богъ разберетъ, да съ этимъ прямо въ Коношенную, на каретную биржу: договорилъ себѣ карету глубокую, четверомѣстную, въ какихъ больныяхъ возять, и

велѣлъ какъ можно скорѣе гнать въ Измайловскій полкъ, къ одному пріятелю, который былъ семейный и при дѣтяхъ держалъ гувернера француза. Этотъ французъ давно въ Россіи жилъ и по-русски понималъ все, какъ надо.

Прикатилъ я къ пріятелю и говорю:

— Даи, говорю, голубчикъ, мнѣ на поддержаніе своего французнику, что у тебя служить: онъ мнѣ нуженъ.

— Зачѣмъ тебѣ?—спрашиваетъ.

— Такъ, говорю, нуженъ онъ мнѣ, — на самое короткое время, — всего часа на два.

И говорю это, знаете, такъ, что пріятель мой легко могъ замѣтить, что я не спокоенъ, потому что задыхаюсь, тороплюсь и волнуюсь, и чѣмъ это больше скрыть хочу, тѣмъ больше себя, къ досадѣ своей, высказываю и ввожу его насчетъ себя въ сомнѣніе, а тѣмъ у него, разумѣется, еще больше вопросы вызываю: «что ты, да на что тебѣ?»

Насилу нашелся увернуться отъ его долгихъ разспросовъ, сказавши, что будто бы встревоженъ оттого, что получилъ извѣстіе о болѣзни брата, и не могу удержаться, хочу съѣздить къ французженкѣ гадалкѣ на ленорманскихъ картахъ погадать: выздоровѣетъ ли мой братъ или умретъ? Ну, а какъ самъ я по-французски не маракую, то... и прочее, и прочее, и прочее.

Не знаю: повѣрилъ ли мнѣ пріятель или не повѣрилъ, но только разспрашивать больше не сталъ и француза мнѣ отпустилъ; а я, взявши того, сейчасъ же опять съ нимъ въ карету и говорю:

— Ну, слушай, мусье: знаешь ли ты, по какому дѣлу я тебя взялъ?

А тотъ, смотрю, глядитъ на меня и блѣднѣетъ, потому, знаете: наша полицейская служба къ намъ вольнолюбивыхъ людей не располагаетъ. Особенно въ тогдашнее время, для француза я могъ быть очень непріятенъ, такъ какъ, напоминаю вамъ, тогда наши русскія отношенія съ Франціею сильно уже испортились и у насъ по полиціи часто секретныя распоряженія были за разными людьми ихъ націи по-строже присматривать.

— Что ты это, кажется, говорю:—сробѣлъ?

А уже его и лихорадка колотить.

— Помилуйте, — отвѣчаетъ:—я ни въ чемъ не виноватъ!

— Да, дуи тебя горою: кто тебѣ говорить, что ты въ

чемъ-нибудь виновать! Тутъ я, братецъ, во всемъ виновать, потому что я *измѣтникъ*: я въ такое время вмѣшиваюсь въ дѣло, куда мнѣ совсѣмъ и носа совать не слѣдуетъ; ну, да некуда податься, видно Богу такъ угодно, чтобы я сюда сунулся. И, вообразите себѣ, я, дѣйствительно, въ то время такъ чувствовалъ, что *это Богу угодно* совершить то, что я дѣлаю. Разумѣется, самоиѣніе.

— Слушай же, — говорю: — такъ и такъ, вотъ въ чемъ дѣло: вотъ что съ однимъ твоимъ компатріотомъ случилось и что ему завтра неотразимо угрожаетъ — плети, а я его отъ этого памѣрень избавить.

Спутникъ мой и ротъ разинулъ: онъ хоть и иностранецъ былъ, по давно, какъ я вамъ сказала, у насъ въ Россіи живши, имѣлъ о нашихъ порядкахъ понятіе и потому, конечно, могъ развѣ за сумасшествіе принять, что маленькій полицейскій исполнительный чиновникъ вызывается отмѣнить судебное уголовное рѣшеніе, утвержденное высшею властью. Но я ему говорю:

— Я тебя прошу, любезный другъ, на меня открытымъ ртомъ не зѣвать и не ахать, а послужить Богу въ этомъ дѣлѣ, для чего я тебя и взялъ: знаешь ли ты, куда я тебя теперь везу?

— Не знаю, — говоритъ.

— Ну, такъ вотъ знай, вотъ сейчасъ мы остановимся у вашего посольства; мнѣ туда заходить никакъ нельзя, потому что я полицейскій чиновникъ и намъ закономъ запрещено въ посольскіе дома вступать, а ты войди, и какъ ваши послы стель просты, что своихъ соотечественниковъ во всякое время принимаютъ, то добейся, чтобы тебя герцогъ сейчасъ принялъ *), и все ему Расскажи. А я, тѣмъ временемъ, здѣсь въ каретѣ сидѣть буду — тебя дожидаться, и если посолъ скажетъ, чтобы меня позвать, ну, ты тогда пришли за мной, и я явлюсь, и все подтвержу; но, можетъ-быть, онъ и такъ повѣритъ и самъ узнастъ, что ему надо сдѣлать.

Подѣхали мы къ посольскому дому, остановились; французъ мой вылезъ и за зеркальными двери въ подѣздъ.

*) Въ Петербургѣ въ это время французскимъ посломъ и полномочнымъ министромъ находился, кажется, *герцогъ де-Гингъ*, который заступилъ съ 10-го (22-го) августа 1853 г. барона Бюриньо де-Варенн, бывшего полѣтреннаго по дѣламъ.

ушелъ, а я велѣлъ извозчику подальше неможко отъѣхать и забился въ уголокъ кареты — и жду. И тутъ вдругъ я сообразилъ всю свою измѣну и меня начала лихорадка бить...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вдругъ, знаете, сразу мнѣ все ясно представилось: за какое я непосильное дѣло взялся, и это... полицейскій-то я чиновникъ, и какъ будто на свое правительство... жа-луюсь... да еще ипострапному послу, да еще французскому, и въ такое политическое время... Эхъ, скверно! измѣнникъ я, чистый измѣнникъ! И что больше думаю, то все хуже выходитъ... Эхъ, какъ скверно! А французика моего все нѣтъ, какъ нѣтъ, изъ-за этихъ зеркальныхъ дверей, а мнѣ видно, какъ по той сторонѣ улицы, по противоположному тротуару, все кварталный ходитъ... Думаю себѣ: недаромъ же онъ тутъ прогуливается... И, вѣдь поди, на мой грѣхъ, можетъ-быть, еще этакій... изъ внимательныхъ, орденскъ, гляди, хочеть выслужить и стоитъ, теперь, пожалуй, да соображаетъ, что, молъ, это за карета къ посольскому дому подъѣхала? нѣтъ ли тутъ чего? да возьметъ, воръ, и за-глянетъ въ окно; а я вотъ тутъ и есть! Узнаеть, бездѣль-никъ, потому что меня по полиціи всѣ знали, и скажетъ: «А-а, милостивый государь, такъ вы измѣняли!» да сейчасъ донесеть по начальству; и поминай какъ звали... И дома не побываешь, а прямо черезъ Троицкій мостъ, да въ Петропавловскую крѣпость, а тамъ для насъ, измѣнниковъ, обители многи суть... Страхъ такой обнялъ, что лежу въ углу кареты, какъ мокрый носъ колечкомъ свернувшись, а самъ такъ же, какъ песь на холоду, и дрожу, и уже ругательски себя ругаю, что заварилъ этакую крутую кашу... И все, знаете, однимъ глазкомъ поглядываю изъ окошечка на кварталнаго, который насупротивъ гуляетъ, а самъ все книзу, да книзу съ сидѣнья на полъ кареты спускаюсь, и поровню, чтобы пятками дверцу оттолкнуть, да по низку стрекача дать, благо — я тутъ вблизи пролетный дворъ зналъ — и искать бы меня погдѣ было.

Такъ я и устроилъ: въ каретѣ на сидѣнья положилъ два пѣлковыхъ, что за экипажъ слѣдовало, а самъ открылъ дверцу — и только задомъ-то вытолзъ и ступилъ на мосто-вую, какъ вдругъ слышу: «б-гисъ!» и мимо самой моей

спины пролетѣла пара вороныхъ лошадей въ коляскѣ и прямо къ подъѣзду, и я вижу французскій посоль въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ скоро сѣсть и поскакалъ, а возлѣ меня какъ изъ земли выросъ этотъ мой посоль-французъ, тоже очень взволнованъ, и говоритъ:

— Зачѣмъ,—говоритъ:—вы выѣзли?

А я отъ нечистой совѣсти такъ перелугался, что одурѣлъ, и давай врать:

— Что такое,—говорю:—вамъ нужно? Я васъ вовсе не знаю и ни откуда я не выѣзжалъ.

— А видѣли вы?

— Да что такое,—говорю:—видѣть? отстаньте вы отъ меня: ничего я не видалъ.

— Герцогъ-то нашъ,—говоритъ:—уже поѣхалъ.

— Да какое мнѣ дѣло до вашего герцога... что вы ко мнѣ приклеились?

— Какъ,—говоритъ:—какое дѣло: да вы знаете ли, куда онъ отправился?

— Ничего, ровно ничего я не знаю, и знать мнѣ незачѣмъ, а вы если отъ меня не уйдете, такъ я сейчасъ полицейскаго кликну.

Онъ смотритъ на меня, что я такъ странно, должно-быть, ему въ своихъ рѣчахъ показался, и шепчетъ:

— Герцогъ въ Зимній дворецъ поѣхалъ.

— Да отойдите же, — говорю: — вы отъ меня: — я вамъ сказать, что я ничего не знаю; и съ этимъ отпихнулъ его, да скорѣе черезъ знакомый пролетный дворъ, да домой къ итенцамъ, чтобы, пока еще время есть, хоть разъ ихъ къ своему сердцу прижать. И не успѣлъ этимъ распорядиться, какъ вдругъ нарочный, съ запиской отъ генерала, чтобы завтра наказаніе такого-то француза отмѣнить.

Батюшки мои, думаю, какъ занграто.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я только языкъ прикусилъ, да поскорѣе написалъ всѣмъ кому надо отмѣну церемоній и всю ночь потомъ не ложился, а все ходилъ въ такомъ въ самомъ странномъ какомъ-то состояніи. Еще самъ себѣ не отдавалъ отчета: какъ это я сдѣлалъ и что изъ этого дальше выйдетъ? А и страшно, и словне благодать какая въ дунѣ. Думаю, конечно, и о томъ: не попадусь ли я тутъ самъ какимъ-ни-

будь манеромъ и чего буду за мою измѣну удостоенъ, но и за бѣднягу французинку нарадоваться не могу. И только насилу передъ самымъ утромъ, съ этими пелегкими мыслями, у себя въ кабинетѣ въ креслѣ задремалъ, какъ вдругъ слышу въ передней возлѣ двери шумъ и пререканіе, жена кого-то упрасиваетъ повременить, говорить, что я только сейчасъ заснулъ; а тотъ, чужой голосъ, настаиваетъ, чтобы тотчасъ разбудить и точно какъ будто имя государя мнѣ послышалось. Сейчасъ мнѣ припомнилась моя измѣна, и сразу вся моя дрема прошла.

Вскочилъ я, какъ былъ, въ халатѣ къ двери, смотрю — курьеръ стоитъ съ такою солидною рожею, какихъ нарочно по осторожнымъ дѣламъ посылають, и подаетъ мнѣ молча пакетъ.

Я, знаете, и пакетъ беру, и руки-то ходенемъ ходять, насилу разломилъ печать и вижу бѣлый листъ, а на немъ посреднѣ всего одно слово выведено «благодарю», а въ серединѣ деньги... Сосчиталъ — какъ разъ полторы тысячи рублей денегъ.

Вѣдь не поймешь этого ничего какъ-то въ первую минуту: что это и отъ кого, и потому не знаешь, къ кому въ такомъ затрудненіи готовъ за объясненіями обратиться. Такъ и я курьера-то этого хочу спросить, а его уже слѣдъ простылъ... Ну, тутъ я на пакетъ-то этотъ глянулъ, чьей рукою имя-то мое написано и «благодарю-то» это священное для меня выведено, и вспомнилъ, чей это почеркъ... да ужъ зато тутъ-то уже я себѣ и далъ волю: то-есть, этакъ, я вамъ говорю, я дурачки ревелъ, этакъ я сладко вырыдался, что мое вамъ почтеніе... Два раза во всю мою жизнь потомъ только этакъ и плакалъ: во второй это было, какъ императоръ Николай Павловичъ умеръ, и я ему къ его гробу ночью *свое* «благодарю» ходилъ сказывать за то, про что мы *съ нимъ двое* только изъ всѣхъ русскихъ знали: онъ, мой царь, да я, — его измѣнникъ. И еще послѣ я въ третій разъ такъ же плакалъ, по иному случаю, изъ этой же, впрочемъ, исторіи вытекшему.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Этого французика мы такъ совсѣмъ плетями и не сѣкли, а вѣрно было его просто выслать вонъ изъ Россіи съ подпискою, чтобы никогда въ предѣлы оной возвращаться не

смѣлъ. Ну, да гдѣ уже ему, дураку, было желать сюда возвращаться, да и не зачѣмъ: — онъ дивнымъ образомъ очепь богатъ сдѣлался въ Парижѣ. А и эти полторы тысячи-то, которыя мнѣ какъ съ неба упали, припряталъ себѣ на леченіе и изъ нихъ въ нѣсколько лѣтъ къ отставкѣ моей изъ полторы двѣ или даже немножко болѣе стало, я и поѣхалъ въ Виши водами отъ своего снѣжня полѣчиться.. Наполеонъ тамъ еще императорствовалъ, ну, и все это еще у нихъ тогда по-старому было; а на обратномъ пути, облегчаясь, я въ Парижъ завернулъ: посмотрѣть тамъ, что интереснѣе, да домой своимъ дамкамъ, знаете, какой-нибудь галантерейщицки и парфюмеріи прихватить. У насъ, я слыхалъ, въ Петербургѣ все Пино, парижскаго парфюмера, предпочитаютъ, и говорю своему проводнику:

— Сведите-ка меня, батюшка, къ Пино, душковъ да помадки у него какіе лучшіе набрать.

А проводникъ мнѣ возражаетъ:

— Зачѣмъ же, — говоритъ: — вамъ къ Пино ѣхать?

— Да вѣдь онъ, — говорю: — самый лучшій.

— Помилуйте, — отвѣчаетъ: — это Богъ знаетъ, какъ давно было, что онъ лучшимъ считался, а теперь не Пино, а другой парфюмеръ здѣсь всѣхъ лучше, и назвалъ мнѣ, знаете, фамилію, которая такъ меня сразу чѣмъ-то знакомымъ по уху и шелкнула.

— Какъ, — говорю: — вы его называете?

Тотъ повторилъ.

— Ахъ, батюшки мои, — вспомнилъ я себѣ: — да вѣдь это чуть ли и мой давнишній крестникъ тоже такъ назывался! и сирашиваю:

— Не былъ ли этотъ вашъ знаменитый парфюмеръ когда-нибудь въ Россіи!

— Какъ же, — говоритъ: — былъ, только онъ въ 1853 г. — передъ крымскою кампаніею, за политическія вмѣшательства отсюда высланъ изъ Петербурга.

— Гмъ, знаю, молъ, я эту политику.

— Ну, а все-таки, — говорю, — мы уже батюшка лучше къ Пино покушать-то поѣдемъ, а къ этому не поѣдемъ.

Проводникъ мой меня отговаривать, но я, однако, на своемъ уперся.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — говорю, — мнѣ это не идетъ... Богъ его еще знаетъ тамъ, какъ онъ, хорошо ли дѣлаетъ; мало ли

кто у васъ тутъ на короткое время въ моду входить, а Пино, говорю,—это фирма старая, и онъ у насъ славится: такъ уже вы меня, пожалуйста, къ Пино свезите.

Избѣгалъ, разумѣется, чтобы не встрѣтиться, знаете... Ну, что хорошаго этакое скверное, что уже прошло, опять человѣку напоминать?

Но тутъ, долженъ вамъ сознаться въ своей маленькой слабости: проводникъ мнѣ началъ рассказывать, какъ этотъ господинъ очень богатъ; какая у него богатая фабрика и какой щегольской магазинъ и живетъ въ собственномъ домѣ,—не знаю уже, какъ эта улица у нихъ называется, а только, близъ самой Вандомской колонны... Я домъ-то и захотѣлъ посмотреть.

— Что же, думаю: хоть не на него, такъ, по крайней мѣрѣ, на его имущество взгляну: отчего же не взглянуть? вѣдь это ему ничего,—онъ и знать не будетъ. Разумѣется, не хорошо, и этого не слѣдовало, потому что сустно. Но, какъ хотите, вѣдь интересно, потому что хоть небольшое дѣло я ему сдѣлалъ, а все же онъ съ моихъ рукъ жить пошелъ.

Вотъ мы и поѣхали: проѣзжаемъ мимо, нарочно тихо—въ колясочкѣ, и вижу: домъ какъ дворецъ; выѣска фабрики на три улицы; окна въ магазинѣ—хоть шестерикомъ въ нихъ поворачивай.

— Быть,—говорю, не можетъ, чтобы это тотъ самый человѣкъ!

— Нѣтъ, тотъ самый, что у васъ изъ Россіи за политику высланъ.

— Да что ты, думаю, дурачокъ, толкуешь, много ты понимаешь меня, о чемъ я думаю? По-твоему это тотъ, а по моему это не тотъ политикъ, про котораго я разумѣю.

Ну, а впрочемъ, что я ему стану рассказывать, какіе гамъ у моего крестника кондуиты: я только не вѣрю, чтобы могла судьба этакъ играть человѣкомъ и дать вдругъ, послѣ такого униженія, такое большое богатство.

— Когда бы мнѣ можно было на него какъ-нибудь взглянуть,—говорю:—вотъ бы это мнѣ было очень интересно!

— Отчего же,—говоритъ:—это очень можно.

— Только я къ нему въ магазинъ не пойду, а целься ли такъ... гдѣ-нибудь въ щелочку, чтобы онъ меня не видѣлъ, а я бы его видѣлъ?

— Очень можно,—говорить:—да онъ самъ въ магазинъ и рѣдко приходитъ, и въ домъ-то этомъ теперь лѣтомъ не живетъ.

— А гдѣ же онъ живетъ?

— У себя на дачѣ, въ Пасси.

— У него и дача,—говорю,—есть?

— Не одна,—говорить,—а двѣ: одна этакая полулѣтняя, по-лхнему «демисезонъ», тутъ недалеко надъ Трокадеро, а другая, настоящая, въ Пасси,—такой, говоритъ, загородный домъ, что рѣдко можно другой встрѣтить, и онъ, говоритъ, всегда въ семь часовъ у себя надъ открытымъ цвѣтникомъ, на верандѣ, кофе съ гостями пьетъ, а иногда съ женою и дѣтьми въ серсо играетъ: вотъ мы можемъ потихоньку разили два мимо пройти, вы его и увидите.

— Что же, и отлично!

На дворѣ было какъ разъ часовъ шесть, и я уже по-своему, по-русски, былъ пообедавши и проводникъ мой тоже накормленъ, я и говорю ему:

— Да что, батюшка, далеко-то откладывать: велите-ка извозчику сейчасъ прямо туда ѣхать. Эй, ты, братецъ, говорю:—коше, пошелъ-ка, братъ, въ Пасси, да порѣзвиѣ, на водку хорошо получишь.

Проводникъ перевелъ,—мы и поѣхали.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Поѣхали, и какъ путь лежалъ чрезъ Трокадеро, то мой проводникъ и домикъ мнѣ этого моего стараго знакомаго показалъ,—важный домикъ, хоть бы принцу жить не стыдно; ну, а въ Пасси такъ просто замокъ этакій маленькій, стѣны каменные, высокія, всё плуцемъ заросли, и подъѣздъ изъ узенькаго переулочка, а за рѣшеткою виденъ цвѣтникъ, а за цвѣтникомъ домъ и веранда... И что же вы изволите думать: застали мы здѣсь все, будто по писанному, какъ мой проводникъ мнѣ предсказалъ: въ цвѣтникъ дѣтки рѣзвятся, на верандѣ гости сидятъ и хозяинъ... Я спрятался за уголъ стѣнки, вынулъ изъ кармана бинокль, навелъ на него и вижу, нѣтъ сомнѣнія,—это *онъ*, мой крестникъ! Возмужалъ и постарѣлъ, да и отъѣлся, разумѣется, хорошо въ благополучной жизни; а у носика-то бѣлый рубчикъ все-таки остался.

— Не знаете ли, батюшка,—говорю я своему проводнику:—хорошій ли онъ мужъ?

— Превосходный, — говоритъ, человекъ; отлично они живутъ, — и жена у него чудесная, и дѣти добрыя, и самъ онъ добрый, и бѣдныхъ людей очень помнить.

— Вотъ за это, — говорю, молодець, что бѣдныхъ помнить.

А въ это самое время, какъ мы, такимъ образомъ, за угломъ перешептываемся, онъ насъ, должно быть, замѣтилъ — и кричитъ дочкѣ:

— Аллива!

И вдругъ рѣшетчатая калиточка хлопнула и ко мнѣ подпорхнула милая, какъ ангелокъ, дѣвочка, въ розовомъ платьицѣ, и не успѣвъ опомниться, какъ она мнѣ сунула въ руку франкъ, проговорила: «о номъ де Мезю», или какъ тамъ по-ихнему въ родѣ нашего: «прими, Христа ради» и скрылась.

И это, знаете, въ пальто въ своемъ, въ русскомъ, былъ и шляпа на мнѣ мягкая пуховая и, дѣйствительно, я на бульварнаго воюка былъ похожъ, ну, она мнѣ и подала за отца «Христа ради». Что же такое: я этотъ франкъ ей принять и о сю пору берегу: говорятъ, будто ищесское хорошо для счастья, но я не для суевѣрія, а такъ... для памяти дорожу.

Ну-съ, вотъ тутъ-то вотъ, я, какъ назадъ въ свой померишка фхаль, уже самъ себя измѣнилъ: опять въ третій разъ всю дорогу сладко-пресладко плакалъ. Проводникъ-то, я думаю, какимъ дуракомъ меня считалъ, да и стоило. Только вѣдь, знаете, не удержишься, потому что, какъ въ старинныхъ стихахъ говорится:

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Какъ же за эти незаслуженныя ощущенія Бога хоть слезою не поблагодарить!

КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У насъ не переводились, да и не переведутся праведные. Ихъ только не замѣчаютъ, а если стать присматриваться — они есть. Я сейчасъ вспоминаю цѣлую обитель праведныхъ, да еще изъ такихъ временъ, въ которыя святое и доброе больше чѣмъ когда-нибудь пряталось отъ свѣта. И замѣйте, все не изъ чернородья и не изъ знати, а изъ людей служилыхъ, зависимыхъ, конимъ; соблюсти правоту труднѣе, но тогда были... Вѣрно и теперь есть; только, разумѣется, искать надо.

Я хочу вамъ рассказать нѣчто весьма простое, но не лишнее занимательности—сразу о четырехъ праведныхъ людяхъ такъ называемой «глухой поры», хотя я увѣренъ, что тогда подобныхъ было очень много.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воспоминанія мои касаются Перваго петербургскаго кадетскаго корпуса и именно одной его поры, когда я тамъ жилъ, учился и сразу въявь видѣлъ всѣхъ четырехъ праведниковъ, о которыхъ буду рассказывать. Но прежде позвольте мнѣ сказать о самомъ корпусѣ, какъ мнѣ представляется его заключительная исторія.

До воцаренія императора Павла корпусъ былъ раздѣленъ на возрасты, а каждый возрастъ на камеры. Въ каждой камерѣ было по двадцати человекъ и при нихъ были гувернеры изъ иностранцевъ, такъ называемые «аббаты»—французы и нѣмцы. Бывали, кажется, и англичане. Каж-

дому аббату давали по пяти тысячъ рублей въ годъ жалованья и они жили вмѣстѣ съ кадетами и даже вмѣстѣ и спали, дежуря по двѣ недѣли. Подъ ихъ надзоромъ кадеты готовили уроки, и какой національности былъ дежурный аббатъ, на томъ языкѣ должны были все говорить. Отъ этого знаніе иностранныхъ языковъ между кадетами было очень значительно и этимъ, конечно, объясняется, почему Первый кадетскій корпусъ далъ такъ много пословъ и вышшихъ офицеровъ, употреблявшихся для дипломатическихъ посылокъ и сношеній.

Императоръ Павелъ Петровичъ, какъ пріѣхалъ въ корпусъ, въ первый разъ по своему воцареніи, сейчасъ же приказалъ: «аббатовъ прогнать, а корпусъ раздѣлить на роты и назначить въ каждую роту офицеровъ, какъ обыкновенно въ ротахъ полковыхъ» *).

Съ этого времени образованіе во всехъ своихъ частяхъ пало, а языкознаніе — вовсе уничтожилось. Объ этомъ въ корпусѣ жили преданія, не позабытыя до той сравнительно поздней поры, съ которой начинаются мои личные воспоминанія о здѣшнихъ людяхъ и порядкахъ.

Я прошу вѣрить, а лично слышавшихъ меня — засвидѣтельствовать, что моя память совершенно свѣжа и умъ мой не находится въ разстройствѣ, а также я понимаю слегка и нынѣшнее время. Я не чуждъ направленіи нашей литературы: я читалъ и до сихъ поръ читаю не только что мнѣ нравится, но часто и то, что не нравится, и знаю, что люди, о которыхъ буду говорить, не въ фаворѣ обрѣтаются. Время то обыкновенно называютъ «глухое», что и справедливо, а людей, особенно военныхъ, любятъ представлять сплошь «скалозубами», что, можетъ-быть, нельзя признать вполне вѣрнымъ. Были люди высокіе, люди такого ума, сердца, честности и характеровъ, что лучшихъ, кажется, и искать незачѣмъ.

Всѣмъ теперешнимъ взрослымъ людямъ извѣстно, какъ воспитывали у насъ юношество въ послѣдующее, менѣе глухое время; видимъ теперь на глазахъ у себя, какъ сейчасъ воспитываютъ. Всякой вещи свое время подъ солнцемъ. Кому что нравится. Можетъ быть хорошо и то, и

*) Изъ краткой исторіи Перваго кадетскаго корпуса, составленной Висковатовымъ, видно, что это произошло 16 января 1797 г.

другое, а я коротенько расскажу, кто насъ воспитывалъ и *какъ* воспитывалъ, т. е. какими чертами своего примѣра эти люди отразились въ нашихъ душахъ и отпечатлѣлись на сердцахъ, потому что—грѣшный человѣкъ,—виѣ этого, т. е. безъ живого возвышающаго чувства примѣра никакого воспитанія не понимаю. Да, впрочемъ, теперь и большіе ученые съ этимъ согласны.

Итакъ, вотъ мои воспитатели, которыми я на старости лѣтъ задумалъ хвалиться. Иду по нумерамъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

№ 1. *Директоръ, генералъ-маіоръ Перскій* (изъ воспитанниковъ лучшаго времени Перваго же корпуса). Я опредѣлился въ корпусъ въ 1822 году вмѣстѣ съ моимъ старшимъ братомъ. Оба мы были еще маленькіе. Отецъ привезъ насъ на своихъ лошадяхъ изъ херсонской губерніи, гдѣ у него было имѣніе, жалованное «матушкою Екатериною». Аракчеевъ хотѣлъ отобрать у него это имѣніе подъ военное поселеніе, но нашъ старикъ поднялъ такой шумъ и сопротивляемость, что на него махнули рукою и подаренное ему «матушкою» имѣніе оставили въ его владѣніи.

Представляя насъ съ братомъ генералу Перскому, который въ одномъ своемъ лицѣ сосредоточивалъ должности директора и инспектора корпуса, отецъ былъ растроганъ, такъ какъ онъ оставлялъ насъ въ столицѣ, гдѣ у насъ не было ни одной души ни родныхъ, ни знакомыхъ. Онъ сказалъ объ этомъ Перскому и просилъ у него «вниманія и покровительства».

Перскій выслушалъ отца терпѣливо и спокойно, но не отвѣчалъ ему ничего, вѣроятно, потому, что разговоръ шелъ при насъ, а прямо обратился къ намъ и сказалъ:

— Ведите себя хорошо и исполняйте то, что приказываетъ вамъ начальство. Главное, вы знайте только самихъ себя и никогда не пересказывайте начальству о какихъ-либо шалостяхъ своихъ товарищей. Въ этомъ случаѣ васъ никто уже не спасетъ отъ бѣды.

На кадетскомъ языкѣ того времени для занимавшихся такимъ недостойнымъ дѣломъ, какъ пересказъ чего-нибудь и вообще искательство передъ начальствомъ, было особенно выраженіе «подъязычникъ», и этого преступленія кадеты *никогда не прощали*. Съ виновнымъ въ этомъ обращались

презрительно, грубо и даже жестоко, и начальство этого не упустило. Такой самосудъ, можетъ-быть, былъ и хорошъ, и худъ, но онъ несомнѣнно воспитывалъ въ дѣтяхъ понятія чести, которыми кадеты бывшихъ временъ недаромъ славились и не измѣняли имъ на всѣхъ ступеняхъ служенія до гроба.

Михаилъ Степановичъ Перскій былъ замѣчательная личность: онъ имѣлъ въ высшей степени представительную паружность и одѣвался щеголемъ. Не знаю, было ли это щегольство у него въ натурѣ, или онъ считалъ обязанностью служить имъ для насъ примѣромъ опрятности и военной аккуратности. Онъ до такой степени былъ постоянно занятъ нами и все, что ни дѣлалъ, то дѣлалъ для насъ, что мы были въ этомъ увѣрены и тщательно старались подражать ему. Онъ всегда былъ одѣтъ самымъ форменнымъ, но самымъ изящнымъ образомъ: всегда носилъ тогдашнюю треугольную шляпу «по формѣ», держался прямо и молодцовато и имѣлъ важную, величавую походку, въ которой какъ бы выражалось настроеніе его души, проникнутой служебнымъ долгомъ, но не знавшей служебнаго страха.

Онъ былъ съ нами въ корпусѣ безотлучно. Никто не помнилъ такого случая, чтобы Перскій оставилъ зданіе, и одинъ разъ, когда его увидали съ сопровождающимъ его вѣстовымъ на тротуарѣ, — весь корпусъ пришелъ въ движеніе, и отъ одного кадета другому передавалось невѣроятное извѣстіе: «Михаилъ Степановичъ прошелъ по улицѣ!»

Ему, впрочемъ, и некогда было разгудывать: будучи въ одно и то же время директоромъ и инспекторомъ, онъ по этой послѣдней обязанности четыре раза въ день *непрерывно* обходилъ всѣ классы. У насъ было четыре переменныя уроковъ, и Перскій *непрерывно* побывалъ на *каждомъ урокъ*. Придетъ, посидитъ или постоитъ, послушаетъ и идетъ въ другой классъ. Рѣшительно ни одинъ урокъ безъ него не обходился. Обходъ свой онъ дѣлалъ въ сопровожденіи вѣстового, такого же какъ онъ рослаго унтеръ-офицера, музыканта Ананьева. Ананьевъ всюду его сопровождалъ и открывалъ передъ нимъ двери.

Перскій *исключительно* занимался по научной части и отстранилъ отъ себя фронтную часть и наказанія за дисциплину, которыхъ терпѣть не могъ и не переносилъ. Отъ

него мы видѣли только одно наказаніе: когда лѣниваго или нерадиваго офицера, бывало, слегка коснется въ лобъ кончикомъ безымяннаго пальца, какъ бы оттолкнетъ отъ себя, и скажетъ своимъ чистымъ, отчетливымъ голосомъ:

— Ду-ур-рной кадетъ!

И это служило горькимъ и памятнымъ урокомъ, отъ котораго заслужившій такое порицаніе часто не шель и не ѣлъ и вслѣдствіи старался исправиться и тѣмъ «утѣшить Михаила Степановича».

Надо замѣтить, что Перскій былъ холостъ, и у насъ существовало такое убѣжденіе, что онъ и не женится тоже *для насъ*.—Говорили, что онъ боится, обязавшись семействомъ, уменьшить свою о насъ заботливость. И здѣсь же у мѣста будетъ сказать, что это, кажется, совершенно справедливо. По крайней мѣрѣ знавшіе Михаила Степановича говорили, что на шуточные или пешуточные разговоры съ нимъ о женитьбѣ онъ отвѣчалъ:

— Мнѣ Провидѣніе вѣрило такъ много чужихъ дѣтей, что некогда думать о собственныхъ,—и это въ его правдивыхъ устахъ, конечно, была не фраза.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жилъ онъ совершенно монахомъ. Болѣе строгой аскетической жизни въ міру нельзя себѣ и представить. Не говоря о томъ, что самъ Перскій не ѣздилъ ни въ гости, ни въ театры, ни въ собранія,—онъ и у себя на дому никогда никого не принималъ. Объясняться съ нимъ по дѣлу всякому было очень легко и свободно, но только въ пріемной комнатѣ, а не въ его квартирѣ. Тамъ никто посторонній не бывалъ, да и, по слухамъ, разошедшимся, вѣроятно, отъ Ананьева, квартира его была неудобна для пріемовъ; комнаты Перскаго представляли видъ самой крайней простоты.

Вся прислуга директора состояла изъ одного вышеупомянутаго вѣстового, музыканта Ананьева, который не отлучался отъ своего генерала. Онъ, какъ сказано, сопровождалъ его при ежедневныхъ обходахъ классовъ, дортуаровъ, столовыхъ и малолѣтняго отдѣленія, гдѣ были дѣти отъ четырехъ-лѣтняго возраста, за которыми наблюдали уже не офицеры, а приставленные къ тому дамы. Этотъ Ананьевъ и служилъ Перскому, т. е. тщательно и превосходно чи-

стиль его сапоги и платье, на которомъ никогда не было пылинки, и ходилъ для него съ судками за обѣдомъ, не куда-нибудь въ избраный ресторанъ, а на общую кадетскую кухню. Тамъ кадетскими же стражунами готовился обѣдъ для безсемейныхъ офицеровъ, которыхъ въ нашемъ монастырѣ, какъ бы по примѣру начальника, завелось много, и Перскій кушалъ этотъ самый обѣдъ, платя за него эконому такую же точно скромную плату, какъ и всѣ другіе.

Понятно, что, найдившись весь день по корпусу, особенно по классамъ, гдѣ онъ былъ не для формы, а имѣя хорошія свѣдѣнія во всѣхъ наукахъ, внимательно вникалъ въ преподаваніе, Перскій приходилъ къ себѣ усталый, съѣдалъ свой офицерскій обѣдъ, отличавшійся отъ общаго кадетскаго обѣда однимъ лишнимъ блюдомъ, но не отдыхалъ, а тотчасъ же садился просматривать всѣ журнальныя отмѣтки всѣхъ классовъ за день. Это давало ему средство знать всѣхъ учениковъ ввѣреннаго ему обширнаго заведенія и не допускать случайной оплошалости перейти въ привычную лѣность. Всякій, получившій сегодня неудовлетворительный балъ, мучился ожиданіемъ, что завтра Перскій непременно его подзоветъ, тронетъ своимъ античнымъ, бѣлымъ пальцемъ въ лобъ и скажетъ:

— Дурной кадетъ.

И это было такъ странно, что казалось страннѣе сѣченія, которое у насъ практиковалось, но не за науки, а только за фронтъ и дисциплину, отъ завѣдыванія конны Перскій, какъ сказано, устранился, вѣроятно потому, что нельзя было по тогдашнему обычаю обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній, а они ему несомнѣнно были противны.

Свѣкли ротные командиры, изъ которыхъ большой охотникъ до этого дѣла былъ командиръ первой роты Ореусъ.

Вечеръ свой Перскій проводилъ за инспекторскими работами, составляя и провѣряя росписанія и соображая успѣхи учениковъ съ непройденными частями программы. Потомъ онъ много читалъ, находя въ этомъ большую помощь въ знаніи языковъ. Онъ основательно зналъ языки французскій, нѣмецкій, англійскій и постоянно упражнялся въ нихъ чтеніемъ. Затѣмъ онъ ложился немного попозиже насъ для того, чтобы завтра опять встать немного насъ пораньше.

Такъ проводилъ изо дня въ день много лѣтъ кряду

этотъ достойный человѣкъ, котораго я рекомендую не исключить со счета при смѣтѣ о трехъ русскихъ праведникахъ. Онъ и жилъ, и умеръ честнымъ человѣкомъ безъ пятна и упрека; но этого мало: это все еще идетъ подъ чертою простой,—хотя, правда, весьма высокої честности, которой достигаютъ немногіе,—однако, все это, *только честность*. А у Перскаго была и доблесть, которую мы, дѣти, считали *своею*, т. е. нашею, кадетскою, потому что Михайло Степановичъ Перскій былъ воспитаникъ нашего кадетскаго корпуса и въ лицѣ своемъ олицетворялъ для насъ духъ и преданія кадетства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

По нѣкоторому степенію обстоятельствъ мы, ребята, сдѣлались причастны къ одному событію декабристскаго бунта. Фасъ нашего корпуса, какъ извѣстно, выходилъ на Неву, прямо противъ нынѣшней Псаакіевской площади. Всѣ роты были размѣщены по линіи, а *резервная* рота выходила на фасъ. Я былъ тогда именно въ этой резервной ротѣ и намъ, изъ нашихъ оконъ, было все видно.

Кто знаетъ графически это положеніе, тотъ его пойметъ, а кто не знаетъ—тому нечего рассказывать. Было такъ, какъ я говорю.

Тогда съ острова прямо къ этой площади былъ мостъ, который такъ и назывался Псаакіевскимъ мостомъ. Изъ оконъ фаса намъ видно было на Псаакіевской площади огромное стеченіе народа и бунтовавшихъ войскъ, которыя состояли изъ баталіона московскаго полка и двухъ ротъ экипажа-гвардіи. Когда послѣ шести часовъ вечера открыли огонь изъ шести орудій, стоявшихъ противъ адмиралтейства и направленныхъ на сенать, и въ числѣ бунтовавшихъ появились раненыя, то изъ нихъ нѣсколько человѣкъ бросились бѣжать по льду черезъ Неву. Одни изъ нихъ шли, а другіе ползли по льду и, перебравшись на нашъ берегъ, человѣкъ шестнадцать вошли въ ворота корпуса, и тутъ, который гдѣ привалились,—кто подъ стѣнкой, кто на сходахъ къ служительскимъ помѣщеніямъ.

Помнится, будто все это были солдаты бунтовавшаго баталіона московскаго полка.

Кадеты, услышавъ объ этомъ или увидавъ раненыхъ, безъ удержки, но и безъ уговора, никого не слушая, бросились

къ нимъ, подняли ихъ на руки и уложили каждого какъ могли лучше. Имъ собственно хотѣлось уложить ихъ на свои койки, но, не помню, почему - то это такъ не сдѣлалось, хотя другіе говорятъ, что будто и такъ было. Однако, я объ этомъ не спору и этого не утверждаю. Можетъ-быть, что кадеты размѣстили раненыхъ по солдатскимъ койкамъ въ служительской казармѣ и тутъ принялись около нихъ фельдшерить и имъ прислуживать. Не видя въ этомъ ничего предосудительнаго и дурнаго, кадеты не скрывались съ своимъ поступкомъ, котораго, къ тому же, и невозможно было скрыть. Сейчас же они дали знать объ этомъ директору Перекому, а сами межъ тѣмъ уже сдѣлали, какъ умѣли, раненымъ перевязку. А какъ бунтовщики стояли цѣлый день не ѣвши, то кадеты распорядились также ихъ накормить, для чего, построившись къ ужину, сдѣлали такъ-называемую «передачу», т. е. по всему фронту передали шепотомъ слова:

— «Пиროговъ не ѣсть,—раненымъ». «Пиროговъ не ѣсть,—раненымъ»...

Эта «передача» *) была пріемъ обыкновенный, къ которому мы всегда обращались, когда въ корпусъ были кадеты, арестованные въ карцерѣ и оставленные «на хлѣбъ и на воду».

Дѣлалось это такимъ образомъ: когда мы выстраивались всѣмъ корпусомъ передъ обѣдомъ или передъ ужиномъ, то отъ старшихъ кадетъ - гренадеровъ, которые всегда больше знали домашнія тайны корпуса и имѣли авторитетъ на младшихъ, — «шло приказаніе», передаваемое отъ одного сосѣда къ другому шепотомъ и всегда въ самой короткой, лаконической формѣ. Напримѣръ:

— Есть арестанты—широги не ѣсть.

Если по росписанію въ этотъ день не было пиროговъ, то точно такой же приказъ отдавался насчетъ котлетъ, и несмотря на то, что утаить и вынести изъ - за стола котлеты было гораздо труднѣе, чѣмъ пироги, но мы умѣли это дѣлать очень легко и незамѣтно. Да, впрочемъ, начальство, зная нашъ въ этомъ случаѣ непреклонный ребячій духъ и

*) Воспитанники корпуса позднѣйшихъ выпусковъ говорятъ, что у нихъ не было слова «передача», но я оставляю такъ, какъ мнѣ сказано кадетомъ-старцемъ.

обычай, совѣзмъ къ этому не придиралось. «Не ѣдятъ, упо-
сать,—ну, и пускай уносятъ». Худа въ этомъ не полагали,
да его, можетъ-быть, и не было. Это маленькое правонару-
шеніе служило къ созиданію великаго дѣла: оно воспиты-
вало духъ товарищества, духъ взаимопомощи и сострадан-
нія, который придаетъ всякой средѣ теплоту и жизненность,
съ утратой конхъ люди перестаютъ быть людьми и стано-
вятся холодными эгоистами, неспособными ни къ какому
дѣлу, требующему самоотверженія и доблести.

Такъ было и въ этотъ, для нѣкоторыхъ изъ насъ, очень
многослѣдственный день, когда мы уложили и перевязали
своими платками раненыхъ бунтовщиковъ. Гренадеры дали
передачу:

— «Проговъ не ѣсть,—раненымъ».

И все этотъ приказъ исполнили по всей точности, какъ
было принято: проговъ никто не ѣлъ и все они были
отнесены раненымъ, которые велѣдъ за тѣмъ были куда-то
убраны.

День кончился, по обыкновенію, и мы уснули, нимаю
не помышляя о томъ, какое мы сдѣлали непозволительное
и вредное для нашихъ товарищей дѣло.

Мы могли быть тѣмъ спокойнѣе, что Перскій, который
всехъ болѣе отвѣчалъ за наши поступки, не сказалъ намъ
ни одного слова охуденія, а, напротивъ, простился съ
нами такъ, какъ будто мы не сдѣлали ничего дурного. Онъ
даже былъ ласковъ и тѣмъ далъ намъ поводъ думать, какъ
будто онъ одобрилъ наше ребячье состраданіе.

Однимъ словомъ, мы считали себя ни въ чемъ невинно-
ватыми и не ждали ни малѣйшей непріятности, а она была
на чеку и двигалась на насъ какъ будто нарочно, затѣмъ,
чтобы показать намъ Михаила Степановича въ такомъ ве-
личіи души, ума и характера, о которыхъ мы не могли со-
ставить и понятія, но о которыхъ, конечно, ни одинъ изъ
насъ не сумѣлъ забыть до гроба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пятнадцатаго декабря въ корпусъ *исожиданно* пріѣхалъ
государь Николай Павловичъ. Онъ былъ очень гнѣвенъ.

Перскому дали знать, и онъ тотчасъ же явился изъ своей
квартиры и, по обыкновенію, отранпортовалъ его величеству
о числѣ кадетъ и о состояніи корпуса.

Государь выслушалъ его въ суровомъ молчаніи и изволилъ громко сказать:

— Здѣсь духъ нехорошій!

— Военный, ваше величество, — отвѣчая полнымъ и спокойнымъ голосомъ Перскій.

— Отсюда Рылѣвъ и Бестужевъ! — попрежнему съ удовольствіемъ сказалъ императоръ.

— Отсюда Румянцевъ, Прозоровскій, Каменскій, Кульневъ, — всѣ главнокомандующіе, и отсюда Толь, — съ тѣмъ же неизмѣннымъ спокойствіемъ возразилъ, глядя открыто въ лицо государя, Перскій.

— Они бунтовщиковъ кормили! — сказали, показавъ на пась рукою, государь.

— Они такъ воспитаны, ваше величество, — дратся съ непріятелемъ, но послѣ побѣды призрѣвать раненыхъ, какъ своихъ.

Негодование, выражавшееся на лицѣ государя, не измѣнилось, но онъ ничего болѣе не сказалъ и уѣхалъ.

Перскій своими откровенными и благородными вѣрно-подданническими отвѣтами отклонилъ отъ пась бѣду, и мы продолжали жить и учиться, какъ было до сихъ норъ. Обращеніе съ нами все шло мягкое, человѣчное, но уже недолго: близился крутой и жесткій переломъ, совершенно измѣнившій весь характеръ этого прекрасно учрежденнаго заведенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ровно черезъ годъ послѣ декабрьскаго бунта, именно 14-го декабря 1826 года, главнымъ директоромъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ вмѣсто генераль-адъютанта Павла Васильевича Голеннищева-Кутузова былъ назначенъ генераль-адъютантъ отъ — пѣхотѣи Николай Ивановичъ Демидовъ, человѣкъ чрезвычайно набожный и совершенно безжалостный. Его и безъ того трепетали въ войскахъ, гдѣ имя его произносилось съ ужасомъ, а для пась онъ получилъ особенное приказаніе «подтянуть».

Демидовъ велѣлъ собрать совѣтъ и пріѣхалъ въ корпусъ. Совѣтъ состоялъ изъ директора Перскаго, баталіоннаго командира, полковника Шмидта (человѣка превосходной чести) и ротныхъ командировъ: Ореуса (сѣкуна), Шмидта 2-го, Эллермана и Черкасова, который переду тѣмъ долгое время

преподавалъ фортификацію, такъ что пожалованный въ графы Толь въ 1822 году былъ его ученикомъ.

Демидовъ началъ съ того, что сказалъ:

— Я желаю знать имена кадетъ, которые дурно себя ведутъ. Прошу сдѣлать имъ особый списокъ.

— У насъ нѣтъ худыхъ кадетъ, — отвѣчалъ Перскій.

— Однакоже, конечно, непремѣнно одни ведутъ себя лучше, другіе хуже.

— Да, это такъ; но если отобрать тѣхъ, которые хуже, то въ числѣ остальныхъ опять будутъ лучше и худшіе.

— Должны быть внесены въ списокъ самыя худшіе, и они, въ примѣръ прочимъ, будутъ посланы въ полки унтеръ-офицерами.

Перскій никакъ этого не ожидалъ и, выразивъ непри-творное удивленіе, возразилъ со всегдашнимъ своимъ само-обладаніемъ и спокойствіемъ:

— Какъ въ унтеръ-офицеры!—за что?

— За дурное поведеніе.

— Намъ ввѣрили ихъ родители съ четырехлѣтняго воз-раста, какъ вамъ извѣстно. Слѣдовательно, если они дурны, то въ этомъ мы виноваты, что они дурно воспитаны. Что же мы скажемъ родителямъ? то, что мы довоспитали ихъ дѣтей до того, что ихъ пришлось сдать въ полки нижними чинами. Не лучше ли предупредить родителей, чтобы они взяли ихъ, чѣмъ сослать ихъ безъ вины въ унтеръ-офицеры.

— Намъ объ этомъ не слѣдуетъ разсуждать, а должно только исполнить.

— А! въ такомъ случаѣ не для чего было собирать со-вѣтъ, — отвѣчалъ Перскій: — вы бы изволили такъ сказать сначала, и что приказано, то должно быть исполнено.

Результатъ былъ тотъ, что на другой день, когда мы сидѣли за учебными занятіями, классы обходилъ адъютантъ Демидова Багговуть и, держа въ рукахъ списокъ, вызывалъ по именамъ тѣхъ кадетъ, у которыхъ были наилучшія от-мѣтки за поведеніе.

Вызваннымъ Багговуть приказалъ идти въ фехтовальную залу, которая была такъ расположена, что мы изъ классовъ могли видѣть все тамъ происходившее. И мы видѣли, что солдаты внесли туда кучу сѣрыхъ шинелей и нашихъ то-варщицъ одѣли въ эти шинели. Затѣмъ ихъ вывели на

дворъ, расадили тамъ съ жандармами въ заготовленныя сани и отправили по полкамъ.

Само собою разумѣется, что паника была ужасная. Намъ объявили, что если еще найдутся между нами кадеты, которые будутъ вести себя неудовлетворительно, то такія высылки станутъ повторяться. Для оцѣнки поведенія была назначена отмѣтка *сто балловъ*, и сказано, что если кто будетъ имѣть менѣе семидесяти пяти балловъ, то такой будетъ немедленно отданъ въ унтеръ-офицеры.

Само начальство было въ немаломъ затрудненіи: какъ располагать оцѣнку поведенія по этой новой, сто-балльной системѣ, и мы слышали объ этомъ недоумѣніи переговоры, которые окончились тѣмъ, что начальство стало насъ щадить и оберегать, милостиво относясь къ нашимъ ребячьимъ грѣшкамъ, за которые надъ нами была утверждена такая страшная кара. Мы же такъ скоро съ этимъ освоились, что чувство минутнаго паническаго страха вдругъ замѣнилось у насъ еще большею отвагою: скорбя за исключенныхъ товарищей, мы иначе не звали между собою Демидова, какъ «варваръ», и вмѣсто того, чтобы робѣть и трястись его образцоваго жестокосердія, рѣшились идти съ нимъ въ открытую борьбу, въ которой хотя всѣмъ пропасть, но показать ему «наше презрѣніе къ нему и ко всѣмъ опасностямъ».

Случай представился къ этому немедленно же, и очень трудно сказать, до чего бы дошло дѣло, если бы опять не подошли намъ на помощь находчивый умъ и большой тактъ никогда не ходившаго за словомъ въ карманъ Перскаго.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ отъ насъ были отлучены и сосланы въ унтеръ-офицеры наши товарищи, намъ было приказано идти въ ту же фехтовальную залу и построиться тамъ въ колонны. Мы исполнили приказаніе и ждали, что будетъ, а на душѣ у всѣхъ жутко. Вспомнили, что стоимъ на тѣхъ самыхъ половицахъ, на которыхъ стояли наши несчастные товарищи передъ грудами приготовленныхъ для нихъ солдатскихъ шинелей, и такъ вотъ варомъ и закипитъ на душѣ... Какъ они, сердечные, должно быть были изумлены и поражены этою неожиданностью, и гдѣ-то

и какъ они стали приходять въ себя и проч., проч... Словомъ сказать: душевная мука, — и стоимъ мы всё, понуриль головочки уныло, и воспоминаемъ Демидова, «варвара», но ни капли его не боимся. Пропадать, такъ всё заодно пропадать,—знаете, ступень такая... освоились. И въ это-то время вдругъ отворятся двери и является самъ Демидовъ вмѣстѣ съ Перскимъ и говоритъ:

— Здравствуйте, дѣточки!

Всѣ молчали. Ни уговора, ни моментальной «передачи» при его появленіи не было, а такъ просто отъ чувства негодования ни у одного уста не раскрылись отвѣчать. Демидовъ повторилъ:

— Здравствуйте, дѣточки!

Мы опять молчали. Дѣло переходило въ сознательное упорство и моментъ принималъ самый острый характеръ. Тогда Перскій, видя, что изъ этого произойдетъ большая непріятность, сказалъ Демидову громко такъ, что всё мы слышали:

— Они не отвѣчаютъ, потому что не привыкли къ выраженію вашему «дѣточки». Если вы поздороваетесь съ ними и скажете: «здравствуйте, *кадеты*», они непременно вамъ отвѣтятъ.

Мы очень уважали Перскаго и поняли, что, говоря эти слова такъ громко и такъ увѣренно Демидову, онъ въ то же время, главнымъ образомъ, адресуеть ихъ намъ, довѣряя себя самого нашей совѣстливости и нашему разсудку. Опять, безъ всякаго уговора всё сразу поняли его единими сердцами и поддержали его единими устами. Когда Демидовъ сказалъ: «здравствуйте, *кадеты!*» мы единогласно отвѣтили извѣстнымъ возгласомъ: «здравія желаемъ!»

Но это не былъ конецъ исторіи.

· ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ того, какъ мы прокричали свое «здравія желаемъ», Демидовъ спустиль съ себя строгость, которою началъ-было набираться, когда мы не отвѣчали на его противную ласку, но сдѣлать нѣчто еще болѣе для насъ непріятное.

— Вотъ,—сказалъ онъ голосомъ, который хотѣлъ сдѣлать ласковымъ и дѣлать только приторнымъ:—вотъ я хочу вамъ сейчасъ показать, какъ мы васъ любимъ.

Онъ кивнулъ вѣстовому Ананьеву, который скорыми ша-

гами вышелъ за двери и тотчасъ же возвратился въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, несшихъ большія корзины съ дорогими кондитерскими конфетами въ изукрашенныхъ бумажкахъ.

Демидовъ остановилъ корзины и, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Вотъ тутъ цѣлые пять пудовъ конфетъ (кажется, пять, а можетъ-быть, было и болѣе) — это все для васъ, берите и кушайте.

Мы не трогались.

— Берите же, — это для васъ.

А мы тоже ни съ мѣста, но Перскій, видя это, далъ знакъ солдатамъ, державшимъ демидовское угощеніе, и тѣ стали носить корзины по рядамъ.

Мы опять поняли, чего хочетъ нашъ директоръ, и не позволили себѣ противъ него никакой неумѣстности, но демидовское угощеніе мы все-таки ѣсть не стали и нашли ему особое опредѣленіе. Въ то самое мгновеніе, какъ первый фланговый изъ нашихъ старшихъ гренадеровъ протянулъ руку къ корзинамъ и взялъ горсть конфетъ, онъ усилъ шепнуть сосѣду:

— Конфеты не ѣсть — въ яму.

И въ одну минуту «передача» эта пробѣжала по всему фронту съ быстротою и съ незамѣтностью электрической искры и ни одна конфета не была съѣдена. Какъ только начальство ушло и насъ пустили порѣзвиться, мы все, другъ за другомъ, веревочкою, пришли въ извѣстное мѣсто, держа въ рукахъ конфеты, и все бросили ихъ туда, куда было указано.

Такъ и кончилось это демидовское угощеніе. Ни одинъ мальшиш не слукавилъ и не соблазнился конфетою: все бросили. Да иначе и нельзя было: духъ дружества и товарищества былъ удивительный, и самый маленькій повичокъ прощкался имъ быстро и подчинялся ему съ какимъ-то священнымъ восторгомъ. Насъ нельзя было подкупить и заласкать никакими лакомствами: мы такъ были преданы начальству, но не за ласки и подарки, а за его справедливость и честность, которая видѣли въ такихъ людяхъ какъ Михаилъ Стенановичъ Перскій — главный командиръ, или, лучше сказать, игумень нашего кадетскаго монастыря,

гдѣ онъ подѣ-стать себѣ умѣлъ подобрать такихъ же и старцевъ.

Впрочемъ,—онъ ли ихъ умѣлъ подбирать, или они сами къ нему подѣ-стать подбирались, дабы жить въ отрадномъ согласіи, —этого я не знаю, потому что мы малы были, чтобы вникать въ такія вещи; но что знаю о сподвижникахъ Михаила Степановича, то тоже разскажу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Второй номеръ за игуменомъ въ монастыряхъ принадлежить *эконому*. Такъ было и у насъ, въ нашемъ монастырѣ. За Михаиломъ Степановичемъ Перскимъ, по важности значенія, слѣдовалъ воспитанный Рылѣевымъ экономъ, въ чинѣ бригадира, Андрей Петровичъ *Бобровъ*.

Я ставлю его *вторымъ* только по подчиненности и потому, что нельзя всѣхъ поставить вмѣстѣ въ первыхъ, но по достоинствамъ души, сердца и характера этотъ Андрей Петровичъ былъ такой же высоко-замѣчательный человѣкъ, какъ самъ Перскій, и ни въ чемъ не уступалъ ему, развѣ только въ одной умственной находчивости на отвѣты. Зато сердцемъ Бобровъ былъ еще теплѣе.

Онъ, разумѣется, былъ *холостъ*, какъ и надо по монастырскому уставу, и дѣтей любилъ чрезвычайно. Только не такъ любилъ, какъ иные любятъ,—теоретически, въ разсужденіяхъ, что, молъ, «это будущность Россіи», или «наша надежда»—или же еще что-нибудь подобное, вымышленное и пустяковое, за чѣмъ часто нѣтъ ничего, кромѣ эгоизма и безсердечія. А у нашего бригадира эта любовь была простая и настоящая, которую не нужно было намъ изъяснять и растолковывать. Мы всѣ знали, что онъ насъ любить и о насъ печется, и никто бы насъ въ этомъ не могъ разубѣдить.

Бобровъ былъ низенькаго роста, толстый, ходилъ съ косицею и, по опрятности, составлялъ самый рѣзкій контрастъ съ Перскимъ, а былъ похожъ въ этомъ отношеніи на дѣдушку Крылова. Сколько мы его знали, онъ всегда носилъ одинъ и тотъ же мундиръ,—засаленный-презасаленный,—и другого у него не было. Цвѣтъ воротника этого мундира опредѣлить было невозможно, но Андрей Петровичъ нимало этимъ не стѣснялся. Въ этомъ самомъ мундирѣ онъ былъ при дѣлѣ и въ немъ же, когда случалось, предстоялъ передъ

старшими военными лицами, великими князьями и самим государемъ. Говорили, будто бы императоръ Николай Павловичъ зналъ, куда Бобровъ дѣваетъ свое жалованье и изъ уваженія къ нему не хотѣлъ замѣчать его нерадивство.

У Боброва была Анна съ брильянтами на шеѣ, которую онъ носилъ постоянно, а ужъ на какой лентѣ висѣла эта Анна,—про то не спрашивайте. Лента была такъ же нераспознаваема, какъ цвѣтъ его воротника на мундирѣ.

Онъ завѣдывалъ всею экономическою частью корпуса совершенно самостоятельно. Безпрестанно занятый научною частью, директоръ Перскій совѣтъ не вмѣшивался въ хозяйство, да это было и не нужно при такомъ экономѣ, какъ бригадиръ Бобровъ. Къ тому же, оба они были друзья и вѣрили другъ другу безгранично.

Въ вѣдѣніи Боброва было какъ продовольствіе, такъ и одежда всѣхъ кадетъ и всей прислуги безъ исключенія. Сумма расходовъ простиралась до 600,000 руб. ежегодно, а за сорокъ лѣтъ его экономскаго служенія у него, значитъ, обратилось до 24 милліоновъ, но къ рукамъ ничего не пришло. Напротивъ, даже 3 т. р. положеннаго ему жалованья онъ не получалъ, а только въ немъ расписывался, и когда этотъ денежный человѣкъ на сороковомъ году своего экономства умеръ, то у него не оказалось своихъ денегъ ни гроша и его хоронили на казенный счетъ.

Я скажу въ концѣ, куда онъ дѣвалъ свое жалованье, на какую громатывалъ его необходимую страстишку, о которой, какъ выше замѣчено, будто бы и зналъ покойный императоръ Николай Павловичъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

По обычаю своему, Бобровъ былъ такой же домосѣдъ, какъ и Перскій. Сорокъ къ ряду лѣтъ онъ буквально не выходилъ изъ корпуса, но зато постоянно ходилъ по корпусу и все учреждалъ свое дѣло, все хлопоталъ, «чтобы мошенники были сыты, теплы и чисты». *Мошенники* это были мы, — такъ онъ называлъ кадетъ; разумѣется, употребляя это слово какъ ласку, какъ шутку. Мы это знали.

Всякій день онъ вставалъ въ пять часовъ утра и являлся къ намъ въ шесть часовъ, когда мы шли сбить; послѣ этого мы шли въ классы, а онъ по хозяйству. Затѣмъ обѣдъ и всякую другую пищу мы получали непременно при

немъ. Онъ любилъ «кормить» и кормилъ насъ прекрасно и очень сытно. Наливъ нынѣшній государь, въ отрочествѣ своемъ, не разъ кушивалъ съ нами за общимъ кадетскимъ столомъ, и, вѣроятно, еще изволить помнить нашего «старого Бобра»^{*)}). Порцій, какъ это водится во всеѣхъ заведеніяхъ, у насъ при Бобровѣ не было, — все ѣли сколько кто хотѣлъ. Одѣвалъ онъ насъ всегда хорошо; бѣлье заставлялъ перемѣнять три раза въ недѣлю. Былъ очень жалостливъ и даже баловникъ, что отчасти было, вѣроятно, извѣстно Перскому и другимъ, но не все: водились и такія вещи, которыя Андрей Петровичъ, по добросердечію своему, не могъ не сдѣлать, но зналъ, что онѣ незаконны, и онъ, бригадиръ, скрывался съ ними какъ школьникъ. Это больше всего касалось кадетъ, подвергнутыхъ наказанію. Тутъ онъ весь внѣ себя былъ, сдерживался, но внутренно ужасно болѣлъ, — кипятился, какъ самоварчикъ, и, наконецъ, не выдерживалъ, чтобы чѣмъ-нибудь не «утѣшить мошенника». Всякаго наказаннаго онъ какъ-нибудь подзоветь, насунится, будто какой-то выговоръ хочетъ сказать, но вмѣсто того поглядитъ, что-нибудь дастъ и отпихнетъ:

— Пошелъ, мошенникъ, впередъ себя не доводи!

Особенная же забота у него шла о кадетахъ-арестантахъ, которыхъ сажали на хлѣбъ на воду, въ такіе устроенные при Демидовѣ особенные карцеры, куда товарищи не могли доставить арестантамъ подаваніе. Андрей Петровичъ всегда зналъ, по счету пустыхъ столовыхъ приборовъ, сколько арестованныхъ, но кадеты не опускали случая съ своей стороны еще ему особенно объ этомъ напомнить. Бывало, проходя мимо его изъ столовой, подъ ритмическій топотъ шаговъ, какъ бы безотносительно произносятъ:

— Пять арестантовъ, пять арестантовъ, пять арестантовъ.

А онъ или стоитъ только выпуча свои глазки, какъ будто ничего не слышитъ, или, если нѣтъ вблизи офицеровъ, дразнится, т. е. отвѣчаетъ намъ тѣмъ же тономъ:

— Миѣ что за дѣло, миѣ что за дѣло, миѣ что за дѣло.

Но когда посаженныхъ на хлѣбъ на воду выводили изъ арестантскихъ на ночлегъ въ роту, Андрей Петровичъ

^{*)} Въ «Исторіи I Кадетскаго Корпуса» (1832 г.) есть упоминанія о томъ, что государь императоръ Александръ Николаевичъ въ отрочествѣ носѣдцалъ корпусъ и тамъ кушалъ съ кадетами.

подстерегаль эту процессію, отнималь ихъ у провожатыхъ, забираль къ себѣ въ кухню и тутъ ихъ кормилъ; а по коридорамъ во все это время разставляль солдатъ, чтобы никто не подошелъ.

Самъ имъ, бывало, кашу маслитъ и торопится тарелки подставлять, а самъ твердитъ:

— Скорѣе, мошенникъ, скорѣе глотай!

Всѣ при этомъ часто плакали,—и арестанты, и онъ, ихъ кормилецъ, и сторожевые солдаты, участвовавшіе въ продѣлкахъ своего добраго бригадира.

Кадеты его любили до той надоедливости, что ему буквально нельзя было показаться въ такое время, когда мы были свободны. Если, бывало, случится ему, по неосторожности, попасть въ это время на плацъ, то сейчасъ же раздавался крикъ:

— Андрей Петровичъ на плацу!

Больше ничего не нужно было, и всѣ знали, что дѣлать: всѣ бросались къ нему, ловили его, брали на руки и на рукахъ несли, куда ему было нужно.

Это ему было тяжело, потому что онъ былъ толстепякій кубикъ, ворочается, бывало, у насъ на рукахъ,—кричить:

— Мошенники! вы меня уроните, убьете... Это мнѣ нездорово,—но это не помогало.

Теперь скажу о страстишкѣ, по милости которой Андрею Петровичу никогда почти не приходилось получать своего жалованья, а только расписываться.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

У насъ очень много было людей бѣдныхъ и когда насъ выпускали, то выпускали на бѣдное же офицерское жалованье. А мы вѣдь были младенцы, о доходныхъ мѣстахъ и должностяхъ, о чемъ выше грудные младенцы знаютъ, у насъ и мыслей не было. Разставались не съ тѣмъ, что я такъ-то устроюсь или разживусь—а говорили:

— Слѣдите за газетами, если только нашъ полкъ будетъ въ дѣлѣ,—на приступѣ первымъ я.

Всѣ такъ собирались, а многіе и исполнили. Идеалисты были ужасны! Андрей Петровичъ сожалѣль о бѣднякахъ и безродныхъ и хотѣль, чтобы и изъ нихъ каждый имѣль что-нибудь приличное, въ чемъ оно ему представлялось. Онъ давалъ всѣмъ бѣднымъ приданое,—серебряныя ложки

и бѣлье. Каждый вынужденный прапорицкѣ получалъ стѣ него по три перемѣны бѣлья, двѣ столовыя серебряныя ложки, по четыре чайныхъ восемьдесятъ четвертой пробы. Бѣлье давалось для себя, а серебро—для «общегитія».

— Когда товарищъ зайдетъ, чтобы было у тебя, чѣмъ дать щей хлебнуть, а къ чаю могутъ зайти двое и трое,— такъ вотъ чтобы было, чѣмъ...

Такъ это и соразмѣрялось — накормить хоть одного, а чайкомъ напоить до четырехъ собратьевъ. Все до мелочей и вдаль — на всю жизнь, внушалось о товариществѣ, и диво ли, что оно было?

Ужасно трогательный былъ человекъ и самъ растрогивался сильно и глубоко. Поэтически могъ вдохновлять, и Рыгѣевъ, какъ я сказалъ, написалъ ему оду, которая начиналась словами:

«О ты, почтенный эконокъ Бобровъ!»

Вообще любили его поистинѣ, можно сказать, до чрезвычайности, и любовь эта въ насъ не ослабѣвала ни съ лѣтами, ни съ перемѣною положенія. Пока онъ жилъ, всѣ наши, когда случалось быть въ Петербургѣ, непременно прѣзжали въ корпусъ «явиться Андрею Петровичу» — «старому Бобру». И тутъ происходили иногда сцены, которыхъ словами просто даже передать нельзя. Увидить, бывало, человека незнакомаго съ знаками заслугъ, а иногда и въ большомъ чинѣ и встрѣтить официально вопросомъ: «что вамъ угодно?» А потомъ, какъ тотъ назоветъ себя, онъ сейчасъ сдѣлаетъ шагъ назадъ и одной рукой начнетъ лобъ почесывать, чтобы лучше вспоминать, а другою — отстраняетъ гостя:

— Позвольте, позвольте, говорить, — позвольте!

И если тотъ не снѣшилъ вполне открыться, то онъ ворчалъ:

— У насъ быть... мошенникъ... не изъ нашихъ ли?..

— Вашъ. вашъ, Андрей Петровичъ! — отвѣчалъ гость, или же, порываясь къ хозяину, показывалъ ему его «благословеніе» — серебряную ложечку.

Но тутъ вся сцена становилась какою-то дрожащею. Бобровъ топалъ ногами, кричалъ: «прочь, прочь, мошенникъ!» и съ этимъ самъ быстро прятался въ уголокъ дивана за столъ, закрывалъ оба глаза своими пухленькими кулачками

или синимъ бумажнымъ платкомъ и не плакалъ, а рыдалъ, рыдалъ звонко, визгливо и неудержимо, какъ нервическая женщина, такъ что вся его внутренность и полная мясистая грудь его дрожала и лицо паливалось кровью.

Удержать его было невозможно, а такъ какъ это не разъ бывало съ нимъ при такихъ крайне волнованныхъ его встрѣчахъ, то денщикъ его это зналъ и сейчасъ ставилъ передъ нимъ на подносикѣ стаканъ воды. Болѣе никто ничего не предпринималъ. Истерика восторга кончилась, старикъ самъ выкинулъ воду и, вставая, говорилъ ослабѣвшимъ голосомъ:

— Ну... теперь поцѣлуй, мошенникъ!

И они цѣловались долго-долго, причемъ многіе, конечно, безъ всякаго униженія или ласкательства цѣловали у него руки, а онъ уже только съ блаженствомъ повторялъ:

— Вспомнить, мошенникъ, старика,—вспомнить!—и сейчасъ же усаживалъ гостя и самъ принимался доставать изъ шкапа какой-то графинчикъ, а денщика посылалъ на кухню за кушаньемъ.

Отказаться отъ этого никто не могъ. Иной, бывало, отпрашивается:

— Андрей Петровичъ! я,—говорить,—званъ и общался къ такому-то, или къ такому-то, какому-нибудь важному лицу.

Или за что не отпустить.

— Знать ничего не хочу,—говорить,—важныя лица тебя не знали, когда я тебя на кухнѣ кормилъ. Пришелъ сюда, такъ ты *мой*,—и долженъ изъ стараго корыта почавкать. Безъ того не выпущу.

И не выпустить.

Рацей онъ никогда не читалъ, а только *жилъ* передъ нами и остался жить послѣ того, какъ его въ концѣ сорокового года службы за недостаточностію на казенный счетъ похоронили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Теперь третій постоянный инокъ нашего монастыря — нашъ корпусный докторъ *Зеленскій*. Онъ тоже былъ холостъ, тоже былъ домосѣдъ. Этотъ даже превзошелъ двухъ первыхъ тѣмъ, что жилъ въ лазаретѣ, въ послѣдней комнатѣ. Ни фельдшеръ, ни прислуга—никто никогда не могли

себя предостеречь отъ внезапнаго его появленія у больныхъ: онъ былъ тутъ какъ днемъ, такъ и ночью. Числа визитацій у него не полагалось, а онъ всегда былъ при больныхъ. Въ день нѣсколько разъ обойдетъ, а, кромѣ того, еще навернется иногда невзначай и ночью. Если же случался трудно-больной кадетъ, такъ Зеленскій и вовсе его не оставлялъ, — тутъ и отдыхалъ возлѣ больного на сосѣдней койкѣ.

Этотъ докторъ, по опрятности, былъ противоположность Перскому и родной братъ эконому Боброву. Онъ ходилъ въ сюртукѣ, рѣдко вычищенномъ, часто очень изношенномъ и всегда разстегнутомъ, и цвѣтъ воротника у него былъ такой же, какъ у Андрея Петровича, т. е. нераспознаваемый.

Онъ былъ тѣломъ и душою нашъ человѣкъ, какъ и два первые. Изъ корпуса онъ не выходилъ. Это, можетъ-быть, покажется невѣроятнымъ, но это такъ. Никакими деньгами нельзя было его заставить выѣхать съ визитомъ на сторону. Былъ одинъ примѣръ, что онъ измѣнилъ своему правилу, когда пріѣхалъ въ Петербургъ великій князь Константинъ Павловичъ изъ Варшавы. Его высочество посѣтилъ одну статсъ-даму, которую засталъ въ страшномъ горѣ: у нея былъ очень боленъ маленькій сынъ, которому не могли помочь тогдашніе лучшіе доктора столицы. Она посылала за Зеленскимъ, который славился отличнымъ знатокомъ дѣтскихъ болѣзней, въ коихъ имѣлъ, разумѣется, огромный навыкъ, но онъ далъ свой обыкновенный отвѣтъ:

— У меня на рукахъ тысяча триста дѣтей, за жизнь и здоровье которыхъ я отвѣчаю, и на стороны разбрасываться не могу.

Огорченная его отказомъ, статсъ-дама сказала объ этомъ великому князю, и Константинъ Павловичъ, будучи шефомъ Перваго кадетскаго корпуса, изволилъ *приказать* Зеленскому поѣхать въ домъ этой дамы и *вылѣчить* ся ребенка.

Докторъ повиновался, — поѣхалъ и скоро вылѣчилъ больное дитя, но платы за свой трудъ не взялъ.

Одобрять ли кто или не одобрять этотъ его поступокъ, но я говорю какъ происходило.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Зеленскій былъ докторъ отличный, и сколько я могу теперь понимать, вѣроятно, относился къ новой медицинской

школъ: онъ былъ гигиенистъ и къ лѣкарствамъ прибѣгалъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Но тогда насчетъ медикаментовъ и другихъ пужныхъ врачебныхъ пособій былъ требователенъ и чрезвычайно настойчивъ. Чтò онъ назначалъ и потребовалъ,—это уже чтобъ было, да, впрочемъ, и сопротивленія-то некому было оказывать. О пищѣ ужъ и говорить нечего: разумѣется, какую порцію ни потребуй — Бобровъ не откажетъ. Онъ и здоровыхъ «мошениковъ» любилъ кормить дò-сыта, а про больныхъ уже и говорить нечего. Но я помню разъ такой случай, что докторъ Зеленскій для какого-то больного потребовалъ вина и назначилъ его на рецептъ словами: «такой-то номеръ по прейсъ-куранту англійскаго магазина».

Солдатъ понесъ требованіе эконому и чрезъ нѣсколько минутъ идетъ самъ Андрей Петровичъ.

— Батенька, — говоритъ: — вы знаете ли, сколько этотъ номеръ вина за бутылку стоитъ? Онъ, вѣдь, стоитъ восемнадцать рублей.

А Зеленскій ему отвѣчалъ:

— Я и знать, — говоритъ: — этого не хочу: это вино для ребенка нужно.

— Ну, а если нужно, такъ и толковать не о чемъ, — отвѣчалъ Бобровъ, и сейчасъ же вынулъ деньги и послалъ въ англійскій магазинъ за указаннымъ виномъ.

Привожу это, между прочимъ, въ примѣръ, какъ они всѣ были между собою согласны въ томъ, что нужно для нашей выгоды, и приписываю это именно той ихъ крѣпкой другъ въ другъ увѣренности, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ болѣе драгоценной цѣли, какъ *наше* благо.

Имѣя на рукахъ, въ числѣ 1,300 человекъ, двѣсти пятьдесятъ малолѣтнихъ отъ четырехъ до восьми лѣтъ, Зеленскій тщательнѣйше наблюдалъ, чтобы не допускать повальныхъ и заразительныхъ болѣзней, и заболѣвавшихъ скарлатиною сейчасъ же отдѣлялъ и лѣчилъ въ темныхъ комнатахъ, куда не допускалъ капли свѣта. Надъ этой системой позже смѣялись, но онъ считалъ ее дѣломъ серьезнымъ и всегда ее держался, и оттого ли, или не оттого, но результатъ былъ чудесный. Не было случая, чтобы у насъ не выздоровѣлъ мальчикъ, заболѣвшій скарлатиною. Зеленскій на этотъ счетъ немножко бравировалъ. У него была поговорка:

— Если ребенокъ умретъ отъ горячки, доктора надо повѣсить за шею, а если отъ скарлатины—то за ноги.

Мелкихъ чиновныхъ лицъ у насъ въ корпусѣ было очень мало. Напримѣръ, *вся* канцелярія такого громаднаго учрежденія состояла изъ одного бухгалтера Паутова—человѣка, имѣвшаго феноменальную память, да трехъ писарей. Только и всего, и всегда все, что нужно—было сдѣлано; но при больницѣ Зеленскій держалъ большой комплектъ фельдшеровъ и ему въ этомъ не отказывали. Къ каждому серьезному больному приставлялся отдѣльный фельдшеръ, который такъ возлѣ него и сидѣлъ, — поправлялъ его, одѣвалъ, если раскидывается, и подавалъ лѣкарство. Отойти онъ, разумѣется, не смѣлъ и подумать, потому что Зеленскій былъ тутъ же за дверью и каждую минуту могъ выйти; и тогда, по старшинѣ, много не говоря, сейчасъ же короткая расправа: зуботычина—и опять сиди на мѣстѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Вѣруя и постоянно говоря, что «главное дѣло не въ лѣченіи, а въ недопущеніи, въ предупрежденіи болѣзней», Зеленскій былъ чрезвычайно строгъ къ прислугѣ и зуботычины у него летѣли за малѣйшее неисполненіе его гигиеническихъ приказаній, къ которымъ, какъ извѣстно, наши русскіе люди относятся какъ къ какой-то неосновательной прихоти. Зналъ это, Зеленскій держался съ ними морали крыловской басни «Котъ и поваръ». Не исполнено или не точно исполнено его приказаніе, — не станетъ разсуждать, а сейчасъ же щелкъ по зубамъ и пошелъ мимо.

Мнѣ немножко жаль сказывать объ этой привычкѣ скорого на руку доктора Зеленаго, чтобы скорые на осужденіе современные люди не сказали: «вотъ какой драчунъ или Держиморда»; но чтобы воспоминавія были вѣрны и полны — изъ пѣсни слова не выкинешь. Скажу только, что онъ не былъ Держиморда, а былъ даже добрякъ и несправедливѣйшій и великодушнѣйшій человѣкъ, но былъ, разумѣется, человѣкъ *своего времени*, а время его было такое, что зуботычина за великое не считалась. Тогда была другая мѣрка: отъ человѣка требовали, чтобы «никого не сдѣлать несчастнымъ», и этого держались всѣ хорошіе люди, а въ томъ числѣ и докторъ Зеленскій.

Въ видахъ *недопущенія болѣзней*, прежде чѣмъ кадетъ

вводили въ классы, Зеленскій проходилъ всѣ классныя комнаты, гдѣ въ каждой былъ термометръ. Онъ требовалъ, чтобы въ классахъ было не меньше 13° и не больше 15°. Истопники и сторожа должны были находиться тутъ же, и если температура не выдержана—сейчасъ врачебная зубочистка. Какъ мы сѣли за классныя занятія, онъ точно такъ же обходилъ роты и тамъ опять происходило то же самое.

Пищу нашу онъ зналъ хорошо, потому что самъ другой пищи не ѣлъ: онъ *всегда* обѣдалъ или съ больными въ лазаретѣ, или съ здоровыми, но не за особымъ, а за общимъ кадетскимъ столомъ, и притомъ не позволялъ ставить себѣ избраннаго прибора, а садился гдѣ пошало и ѣлъ то самое, чѣмъ питались мы.

Осматривалъ онъ насъ каждую баню въ предбанникѣ, но, кромѣ того, производилъ еще внезапныя ревизіи: вдругъ остановить кадета и прикажетъ раздѣться до-нага; осмотрить все тѣло, все бѣлье, даже ногти на ногахъ оглянуть, выстрижены ли.

Рѣдкое и преползное вниманіе!

Но теперь, окончивая и съ нимъ, я скажу, что у этого третьяго извѣстнаго мнѣ истиннаго друга дѣтей составляло его удовольствіе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Удовольствіе доктора Зеленскаго заключалось въ томъ, что когда назначенные изъ кадетъ къ выпуску въ офицеры ожидали Высочайшаго приказа о производствѣ, онъ выбиралъ изъ нихъ пять-шесть человекъ, которыхъ зналъ, отличалъ за способности и любилъ. Онъ записывалъ ихъ больными и помѣщалъ въ лазаретѣ, рядомъ съ своей комнатой, давалъ имъ читать книги хорошихъ авторовъ и вель съ ними долгія бесѣды о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Это, конечно, составляло нѣкоторое злоупотребленіе, но если вникнуть въ дѣло, то какъ это злоупотребленіе покажется простительно!

Надо только вспомнить, что было надѣлано съ корпусами съ тѣхъ поръ, какъ они попали въ руки Демидова, который, какъ выше было сказано, получилъ приказаніе ихъ «подтянуть» и, кажется, слишкомъ переусердствовалъ

въ исполненіи. Думаю такъ потому, что графы Строгановъ и Уваровъ, дѣйствуя въ то же время, ничего того не надѣлали, что надѣлалъ Демидовъ съ корпусамп. Подъ словомъ «подтянуть» Демидовъ понять *остановить образованіе*. Теперь уже, разумѣется, не было никакого мѣста прежней задачѣ—чтобы корпусъ могъ выпускать такихъ образованныхъ людей, изъ коихъ при прежнихъ порядкахъ безъ нужды выбирали лицъ, способныхъ ко всякой служебной карьерѣ, не исключая и дипломатической. Наоборотъ, все дѣло шло о томъ, чтобы сузить нашъ умственный кругозоръ и всячески понизить значеніе науки. Въ корпусѣ существовала богатая бібліотека и музеумъ. Библіотеку приказали *запереть*, въ музеумъ не водить и наблюдать, чтобы никто не смѣлъ приносить съ собою никакой книги изъ отпуска. Если же откроется, что, несмотря на запрещеніе, кто-нибудь принесъ изъ отпуска книгу, хотя бы и самую невинную, или, еще хуже, самъ написалъ что-либо, то за это вѣрно было подвергнуть строгому тѣлесному наказанію розгами. При чемъ въ опредѣленіи мѣры наказанія была установлена оригинальная постепенность: если кадетъ изобличался въ прозаическомъ авторствѣ (конечно, смирнаго содержанія), то ему давали двадцать пять ударовъ, а если онъ согрѣшилъ стихомъ, то вдвое. Это было за то, что Рыльевъ, который писалъ стихи, вышелъ изъ нашего корпуса. Книжечка всеобщей исторіи, не знаю кѣмъ составленная, была у насъ едва ли не въ двадцать страничекъ и на оберткѣ ея было обозначено: «для воиновъ и для жителей». Прежде она была надписана: «для воиновъ и *для гражданъ*»,—такъ надписалъ ее ея искусный составитель,—но это было кѣмъ-то признано за неудобное и вмѣсто «*или гражданъ*», было поставлено «для жителей». Даже географическіе глобусы, вѣрно было вынести, чтобы не наводили на какія-нибудь мысли, а стѣну, на которой въ старину были сдѣланы крупныя надписи важныхъ историческихъ датъ,—закрасить... Было принято правиломъ, которое потомъ и выражено въ инструкціи, что «*никакія учебныя заведенія въ Европѣ не могутъ для заведеній нашихъ служить образцомъ—они «уединоображиваются»*»^{*)}.

*) См. не дѣйствующее болѣе «Наставленіе къ образованію воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній». 24 декабря 1848 года. Слб., типографія Военно-учебныхъ заведеній.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Можно представить, какъ мы при такомъ ученіи выходили учены... А впереди стояла цѣлая жизнь. Добрый и просвѣщенный человѣкъ, какимъ, несомнѣнно, былъ нашъ докторъ Зеленскій, не могъ не чувствовать, какъ это ужасно, и не могъ не позаботиться, если не пополнить ужасающей пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ (потому что это было невозможно), то, по крайней мѣрѣ, хотъ возбудить въ насъ какую-нибудь любознательность, дать хотъ какое-нибудь направление нашимъ мыслямъ.

Правда, что это не составляетъ предмета заботливости врача казеннаго заведенія, но онъ же былъ человѣкъ, онъ любилъ насъ, онъ желалъ намъ счастья и добра, а какое же счастье при кругломъ невѣжествѣ? Мы годились къ чему-нибудь въ корпусѣ, но выходили въ жизнь въ полномъ смыслѣ ребятами, правда, съ задатками чести и хорошихъ правилъ, но совершенно ничего не понимая. Первый случай, первый хитрецъ при новой обстановкѣ могъ насъ сбивать и вести по пути недоброму, котораго мы не сумѣли бы ни понять, ни оцѣнить. Какъ къ этому быть равнодушнымъ!

И вотъ Зеленскій забиралъ насъ къ себѣ въ лазаретъ и подшпиговывалъ насъ то чтеніемъ, то бесѣдами.

Извѣстно ли объ этомъ было Перскому — я не знаю, но можетъ-быть, что и было извѣстно, только онъ не любилъ знать о томъ, о чемъ не считалъ нужнымъ знать. Тогда было строго, но формалистики меньше.

Читали мы у Зеленскаго, опять повторяю, книги самыя, позволительныя, а изъ бесѣдъ я помню только одну и то потому, что она имѣла анекдотическое основаніе и черезъ то особенно прочно засѣла въ голову. Но, говорить, человѣкъ ни въ чемъ такъ легко не намѣчается, какъ въ своемъ любимомъ анекдотѣ, а потому я его здѣсь и приведу.

Зеленскій говорилъ, что въ жизнь надо внести съ собою какъ можно болѣе добрыхъ *чувствъ*, способныхъ порождать добрыя *настроенія*, изъ которыхъ въ свою очередь непременно должно вытечь доброе же *поведеніе*. А потому будутъ цѣлесообразнѣе и всѣ *поступки* въ каждомъ столкновеніи и при всѣхъ случайностяхъ. Всего предвидѣть и расpredѣлнить, гдѣ какъ поступить, — невозможно, а надо все

съ добрымъ настроеніемъ и разсмотрѣніемъ, и безъ упрямства; приложить одно, а если не дѣйствуетъ и раздражаетъ, обратиться благоразумно къ другому. Онъ все это изъ медицины бралъ и къ ней приравнивалъ и говорилъ, что у него, въ молодой порѣ, былъ упрямый главный докторъ.

Подходить, говорить, къ больному и спрашиваетъ:

— Что у него?

— Такъ и такъ,—отвѣчаетъ Зеленскій:—весь аппаратъ бездѣйствуетъ, что-то въ родѣ miserere.

— Oleum ricini давали?

— Давали.

И еще тамъ что-то спросилъ: давали?

— Давали.

— А oleum crotoni?

— Давали.

— Сколько?

— Двѣ капли.

— Дать двадцать!

Зеленскій только было ротъ раскрылъ, чтобы возразить, а тотъ остановилъ:

— Дать двадцать!

— Слушаю-сь.

На другой день спрашиваетъ:

— А что больной съ miserere: дали ему двадцать капель?

— Дали.

— Ну, и что онъ?

— Умеръ.

— Однако, проняло?

— Да, проняло.

— То-то и есть.

И довольный, что по его сдѣлано, старшій докторъ начиналъ преспокойно бумаги подписывать. А что больной умеръ, до этого дѣла нѣтъ: лишь бы *проняло*.

По сколько къ чему этотъ медицинскій анекдотъ могъ быть приложимъ,—онъ намъ нравился и казался понятенъ, а ужъ насколько онъ кого-нибудь изъ насъ воздерживалъ отъ вреднаго упрямства въ выборѣ сильныхъ, но вредно дѣйствующихъ средствъ,—этого не знаю.

Зеленскій служилъ въ корпусѣ тридцать лѣтъ и оставилъ послѣ себя всего богатства пятьдесятъ рублей.

Таковы были эти три коренные старца нашего кадет-

скаго скита, но надо помянуть еще четвертаго, пришлаго въ нашъ монастырь съ своимъ уставомъ, но также поповшаго нашему духу подѣ-стать и оставившаго по себѣ пресвходную память.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Тогда былъ такой обычай, что для преподаванія религиозныхъ предметовъ кадетамъ высшихъ классовъ въ корпусъ присылался архимандритъ, изъ назначавшихся къ архіереюству. Разумѣется, это большею частію были люди очень умные и хорошіе, но особенно дорогъ и памятенъ намъ остался *последній*, который былъ у насъ на этомъ назначеніи, и съ нимъ оно кончилось. Рѣшительно не могу вспомнить его имени, потому что мы звали ихъ просто «отецъ архимандритъ», а справиться о его имени теперь трудно. Пусть этотъ будетъ такъ, безъ имени. Онъ былъ среднего возраста, небольшого роста, сухощавъ и брюнетъ, энергическій, живой, съ звучнымъ голосомъ и весьма пріятными манерами, любилъ цвѣты и занимался для удовольствія астрономіей. Изъ окна его комнаты, выходившей въ садъ, торчала мѣдная труба телескопа, въ который онъ вечерами наблюдалъ звѣздное небо. Онъ былъ очень уважаемъ Перскимъ и всѣмъ офицерствомъ, а кадетами былъ любимъ удивительно. Мнѣ теперь думается, да и прежде въ жизни, когда приходилось слышать легкомысленный отзывъ о религіи, что она будто скучна и бесполезна,—я всегда думалъ: «вздоръ мелете, миланки: это вы говорите только оттого, что на мастера не попали, который бы васъ заинтересовалъ и раскрылъ вамъ эту поэзію вѣчной правды и не умирающей жизни». А самъ сейчасъ думаю о томъ послѣднемъ архимандритѣ нашего корпуса, который навѣки меня облагодѣтельствовалъ, образовавъ мое религиозное чувство. Да и для многихъ онъ былъ такимъ благодѣтелемъ. Онъ училъ въ классѣ и проповѣдывалъ въ церкви, но мы никогда не могли его вволю послушаться, и онъ это видѣлъ: всякій день, когда насъ выпускали въ садъ, онъ тоже приходилъ туда, чтобы съ нами разговаривать. Всѣ игры и смѣхи тотчасъ прекращались и онъ ходилъ, окруженный цѣлою толпою кадетъ, которые такъ тѣснились вокругъ него со всѣхъ сторонъ, что ему очень трудно было подвигаться. Каждое слово его ловили. Право, мнѣ это напоминаетъ

что-то древнее, апостольское. Мы передъ нимъ всё были открыты: выбалтывали ему всё наши горести, преимущественно заключавшіяся въ докучныхъ преслѣдованіяхъ Демидова и особенно въ томъ, что онъ не позволялъ намъ ничего читать.

Архимандритъ насъ выслушивалъ терпѣливо и утѣшалъ, что для чтенія впередіи будетъ еще много времени въ жизни, но такъ же, какъ Зеленскій, онъ всегда внушалъ намъ, что наше корпусное образованіе очень недостаточно и что мы должны это помнить и, по выходѣ, стараться приобрѣтать познанія. О Демидовѣ онъ отъ себя ничего не говорилъ, но мы по едва замѣтному движенію его губъ замѣчали, что онъ его презираетъ. Это потомъ скоро и высказалось въ одномъ оригинальномъ и очень памятномъ событіи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Я выше сказалъ, что Демидовъ былъ большой ханжа, онъ постоянно крестился, ставилъ свѣчи и прикладывался ко всѣмъ иконамъ, но въ религіи былъ суевѣръ и невѣжда. Онъ считалъ за преступленіе разсуждать о религіи, можетъ-быть, потому, что не могъ разсуждать о ней. Намъ онъ ужасно надоѣдалъ, кстати и некстати прпставая: «молитесь, дѣточки, молитесь, вы ангелы, ваши молитвы Богъ слышитъ». Точно ему сообщено, чьи молитвы доходятъ до Бога и чьи не доходятъ. А потомъ этихъ же «ангеловъ» растягивали и драли какъ сидоровыхъ козъ. Самъ же себя онъ, какъ большинство ханжей, считалъ полнымъ, совершеннымъ христіаниномъ и ревнителемъ вѣры. Архимандритъ же былъ христіанинъ въ другомъ родѣ и, притомъ, какъ я сказалъ, онъ былъ уменъ и образованъ. Проповѣди его были не подготовленныя, очень простыя, теплыя, всегда направленныя къ подъему нашихъ чувствъ въ христіанскомъ духѣ, и онъ произносилъ ихъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, который долеталъ во всё углы церкви. Уроки же или лекціи его отличались необыкновенною простотою и тѣмъ, что мы могли его обо всемъ спрашивать и прямо, ничего не боясь, высказывать ему всё наши сомнѣнія и бесѣдовать. Эти уроки были нашъ бенефисъ.—нашъ праздникъ. Какъ образецъ, приведу одну лекцію, которую очень хорошо помню.

«Подумаемъ, — такъ говорилъ архимандритъ, — не лучше ли было бы, если бы для устраненія всякаго недоумѣнія и сомнѣнія, которыя длятся такъ много лѣтъ, Иисусъ Христосъ пришелъ не скромно въ образѣ человеческомъ, а сошелъ бы съ неба въ торжественномъ величїи, какъ божество, окруженное сонмомъ свѣтлыхъ, служебныхъ духовъ. Тогда, конечно, никакого сомнѣнія не было бы, что это, дѣйствительно, божество, въ чемъ теперь очень многіе сомнѣваются. Какъ вы объ этомъ думаете?»

Кадеты, разумѣется, молчали. Чтò тутъ кто-нибудь изъ насъ могъ бы сказать, да мы бы на такого говоруна и разсердились, чтобы не лѣзъ не въ свое дѣло. Мы ждали его разъясненія и ждали страстно, жадно и затанувъ дыханіе. А онъ прошелся передъ нами и, оставоваясь, продолжалъ такъ:

«Когда я, сытый, чтò по моему лицу видно, и одѣтый въ шелкъ, говорю въ церкви проповѣдь и объясняю, что нужно терпѣливо сносить холодъ и голодъ, то я въ это время читаю на лицахъ слушателей: «хорошо тебѣ, монахъ, разсуждать, когда ты въ шелку да сытъ. А посмотрѣли бы мы, какъ бы ты заговорилъ о терпѣніи, если бы тебѣ отъ голода живеть къ спинѣ подвело, а отъ стужи все тѣло посинѣло». И я думаю, что, если бы Господь нашъ пришелъ въ славу, то и Ему отвѣчали бы что-нибудь въ этомъ родѣ. Сказали бы, пожалуй: «Тамъ Тебѣ на небѣ отлично, пришелъ къ намъ на-время и учишь. Нѣтъ, вотъ, если бы Ты промежъ насъ родился, да отъ колыбели до гроба претерпѣлъ, чтò намъ терпѣть здѣсь приходится, тогда бы другое дѣло». И это очень важно и основательно, и для этого Онъ и сошелъ босой и приобрелъ по землѣ безъ прїюта».

Демидовъ, я говорю, ничего не понималъ, но чувствовалъ, что это человѣкъ не въ его духѣ, чувствовалъ, что это заправскїй, настоящїй христіанинъ, а такіе ханжамъ хуже и противнѣе самаго крайняго невѣра. Но подвѣлать онъ съ нимъ ничего не могъ, потому что не смѣлъ открыто порицать доброе боговѣданіе и разсужденіе архимандрита, пока этотъ не далъ на себя иного оружія. Архимандритъ вышелъ изъ терпѣнія и опять не за себя, а за насъ, потому что Демидовъ съ своимъ пустосвятствомъ разрушалъ его работу, портивъ наше религіозное настроеніе и дово-

дивъ насъ до шалостей, въ которыхъ обнаруживалась обыкновенная противоположность ханжества, легкомысленное отношеніе къ священнымъ предметамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Демидовъ былъ чрезвычайно суевѣренъ: у него были счастливые и несчастные дни; онъ боялся трехъ свѣчей, креста, встрѣчи съ духовными и имѣлъ многіе другіе глупые предразсудки. Мы, со свойственною дѣтямъ наблюдательностью, очень скоро подмѣтили эти странности главнаго директора и обратили ихъ въ свою пользу. Мы отлично знали, что Демидовъ ни за что не пріѣдетъ ни въ понедѣльникъ, ни въ пятницу, ни въ другой тяжелый день или тринадцатаго числа; но главнѣе всего насъ выручали кресты... Одинъ разъ, замѣтивъ, что Демидовъ, гдѣ ни увидитъ крестъ, сейчасъ крестится и обходитъ, мы начали ему всюду готовить эти сюрпризы: въ тѣ дни, когда можно было ожидать, что онъ пріѣдетъ въ корпусъ, у насъ уже были приготовлены кресты изъ палочекъ, изъ пвѣтныхъ шерстинокъ или даже изъ соломинокъ. Они дѣлались разной величины и разнаго фасона, но особенно хорошо дѣйствовали кресты въ родѣ надмогильныхъ—съ покрышечками. Ихъ особенно боялся Демидовъ, вѣроятно, имѣвшій какую-нибудь скрытую надежду на безсмертіе. Кресты эти мы разбрасывали на полу, а всего больше помѣщали ихъ подъ карнизы лѣстничныхъ ступеней. Какъ, бывало, начальство за этимъ ни смотреть, чтобы этого не было, а уже мы ухитримся — крестикъ подбросимъ. Бывало, всѣ идутъ и никто не замѣтитъ, а Демидовъ непременно увидитъ и сейчасъ же отпрыгнетъ, закрестится, закрестится и вернется назадъ. Ни за что рѣшительно онъ не могъ наступить на ступеньку, на которой былъ брошенъ крестикъ. То же самое было, если крестикъ оказывался на полу посреди проходной комнаты, чрезъ которую лежалъ его путь. Онъ сейчасъ отскочитъ, закрестится и уйдетъ, и намъ въ этотъ разъ полегчаетъ, но потомъ начнется дознаніе и окончится или карцеромъ для многихъ, или даже наказаніемъ на тѣлѣ для нѣкоторыхъ.

Архимандрита это возмущало, и хотя онъ намъ ничего не говорилъ на Демидова, но одинъ разъ, когда подобная

шалость окончилась обширной раздѣлкой на тѣлѣ многихъ, онъ побѣднѣлъ и сказалъ:

— Я запрещаю вамъ это дѣлать, и кто меня хоть немножко любитъ, тотъ послушается.

И мы дали слово не метать больше крестиковъ, и не металы, а рядомъ съ тѣмъ, въ слѣдующее же воскресенье, архимандритъ, по окончаніи обѣдни, сказалъ въ присутствіи Демидова проповѣдь «о предразсудкахъ и пустосвятствѣ», гдѣ только не называлъ Демидова по имени, а перечислялъ всѣ его ханжескія глупости и даже упомянулъ о крестикахъ.

Демидовъ стоялъ полотна бѣлѣ, весь трясся и вышелъ, не подойдя къ кресту, но архимандритъ на это не обратилъ никакого вниманія. Надо было, чтобы у нихъ сочинился особенный духовно-военный турниръ, въ которомъ я не знаю, кому приписать побѣду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Черезъ недѣлю, въ воскресенье, слѣдовавшее за знаменитою проповѣдью «о предразсудкахъ», Демидовъ не сманкировалъ, а пріѣхалъ въ церковь, но, опоздавъ, вошелъ въ половинѣ обѣдни. Онъ до конца отстоялъ службу и проповѣдь, которая на этотъ разъ касалась вещей обыкновенныхъ и ничего остраго въ себѣ для него не заключала; но тутъ онъ выкинулъ удивительную штуку, на которую архимандритъ отвѣтилъ еще болѣе удивительною.

Когда архимандритъ, возгласивъ «благословеніе Господне на васъ», закрылъ царскія двери, Демидовъ вдругъ тутъ же въ церкви гласно съ нами поздоровался.

Мы, разумѣется, какъ привыкли отвѣчать, громко отвѣчали ему:

— Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!—и хотѣли уже поворачиваться и выходить, какъ вдругъ завѣса, гремя колечками по рубчатой проволокъ, неожиданно распахнулась, и въ открытыхъ царскихъ дверяхъ появился еще не успѣвшій разоблачиться архимандритъ.

— Дѣти! я *вамъ* говорю, — воскликнулъ онъ скоро, но спокойно: — въ храмъ Божиюмъ умѣстны только одни возгласы, — возгласы въ честь и славу Живаго Бога и никакіе другіе. Здѣсь я имѣю право и долгъ запрещать и при-

казывать, и я вамъ *запрещаю* дѣлать возгласы начальству. Аминь.

Онъ повернулся и закрылъ двери. Демидовъ поскакалъ жаловаться, и архимандритъ отъ насъ выѣхалъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ было сдѣлано распоряженіе, чтобы архимандритовъ впредь въ корпуса вовсе не назначали. Это былъ послѣдній.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Я кончилъ, больше мнѣ сказать объ этихъ людяхъ нечего, да, кажется, ничего и не нужно. Ихъ время прошло, нынче дѣйствуютъ другіе люди и ко всему другія требованія, особенно къ воспитанію, которое уже не «уединоображивается». Можетъ-быть, тѣ, про которыхъ я рассказалъ, теперь были бы недостаточно учены или, какъ говорятъ, «не педагогичны» и не могли бы быть допущены къ дѣлу воспитанія, но позабыть ихъ не слѣдуетъ. То время, когда все жалось и тряслось, мы, цѣлыя тысячи русскихъ дѣтей, какъ рыбки рѣзвились въ водѣ, по которой масломъ плыла ихъ, защищавшая насъ отъ всѣхъ бурь, елейность. Такіе люди, стоя въ сторонѣ отъ главнаго историческаго движенія, какъ правильно думалъ незабвенный Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, *сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію*. И если ихъ «педагогичность» даже не выдержитъ критики, то все-таки ихъ память почтенна и души ихъ во благихъ водворятся.

Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырѣ.

Въ долгодѣтную бытность покойнаго Андрея Петровича эконома 1-го кадетскаго корпуса, тамъ состоялъ «старшимъ поваромъ» нѣкій Кулаковъ.

Поваръ этотъ умеръ скоростижно на своемъ поварскомъ посту — у плиты, и смерть его была очень замѣтнымъ событіемъ въ корпусѣ. Кулаковъ — честный человѣкъ, не воръ, и потому честный экономъ Бобровъ уважалъ Кулакова при жизни и скорбѣлъ о его трагической кончинѣ. Послѣ того, какъ Кулаковъ умеръ, «стоя у плиты», на смѣну ему долго не было мужа съ такою же нравственною доблестью. Со смертью Кулакова, при всей строгости досмотра

со стороны бригадира Боброва, «просѣлъ кисель» и «тертый картофель потерялъ свою густоту». Особенно повредился картофель, составлявшій важный элементъ при кадетскомъ столѣ. Послѣ Кулакова картофель не ползъ меланхолично, сходя съ ложки на тарелки кадетъ, но лился и «лопоталъ». Бобровъ видѣлъ это и огорчался, — даже, случалось, дрался съ поварами, но никакъ не могъ добиться секрета стирать картофель такъ, чтобы онъ былъ «какъ масло». Секретъ этотъ, быть-можетъ, навсегда утраченъ вмѣстѣ съ Кулаковымъ, и потому понятно, что Кулакова въ корпусѣ сильно вспоминали и вспоминали добромъ. Находившійся тогда въ числѣ кадетъ Кондратій Федоровичъ Рыльцевъ († 14-го юля 1826 г.), видя скорбь Боброва и дѣняя утрату Кулакова для всего заведенія, написалъ по этому случаю комическую поэмку, въ двухъ пѣсняхъ, подъ заглавьемъ «Кулакиада». Поэма, исчисливъ заслуги и доблести Кулакова, описываетъ его смерть у плиты и его погребеніе, а затѣмъ она оканчивалась слѣдующимъ воззваніемъ къ Андрею Петровичу Боброву:

«Я знаю то, что не достоинъ
Вѣщать о всѣхъ дѣлахъ твоихъ;
Я не поэтъ, я просто вошь,—
Въ моихъ устахъ не складенъ стихъ,
Но ты, о мудрый, знаменитый
Царь кухни, мрачныхъ погребовъ,
Топленнымъ жиромъ весь облитый,
Единственный герой Бобровъ!
Не осердися на поэта,
Тебя который воспѣвалъ,
И знай—у каждаго кадета
Ты тѣмъ навѣкъ безсмертенъ стал
Прочтя стихи сіи, потомки,
Бобровъ, вспомнуть о тебѣ*),
Твой дѣла вспомнуть громки
И вспомнать, можетъ-быть, о мнѣ».

Таковъ и есть Бобровъ на его единственномъ карандашевомъ портретѣ «царь кухни, мрачныхъ погребовъ», «топленнымъ жиромъ весь облитый, единственный герой Бобровъ».

И еще одинъ анекдотъ.

Бобровъ ежедневно являлся къ директору корпуса Михаилу Степановичу Перскому рапортовать «о благополучіи».

* *) Вариантъ: «Вспомнуть, мудрый, о тебѣ».

Рапорты эти, разумеется, чисто формальные, писались всегда на листъ обыкновенной бумаги и затѣмъ складывались вчетверо и клались Боброву за кокарду треуголки. Бригадиръ бралъ шляпу и шелъ къ Перскому, но такъ какъ въ корпусѣ всѣмъ было до Боброва дѣло, то онъ по дорогѣ часто останавливался для какихъ-нибудь распоряженій, а имѣя слабость горячиться и пылить, Бобровъ часто бросалъ свою шляпу или забывалъ ее, а потомъ снова ее бралъ и шелъ далѣе.

Зная такую привычку Боброва, кадеты подшутили надъ своимъ «дѣдушкой» шутку: они переписали «Кулакиаду» на такой самый листъ бумаги, на какомъ у Андрея Петровича писались рапорты по начальству, и, сложивъ листъ тѣмъ же форматомъ, какъ складывалъ Бобровъ свои рапорты, кадеты всунули рылѣвское стихотвореніе въ треуголку Боброва, а рапортъ о «благополучіи» вынули и спрятали.

Бобровъ не замѣтилъ подмѣна и явился къ Перскому, который Андрея Петровича очень уважалъ, но все-таки былъ ему начальникъ и держалъ свой тонъ.

Михаилъ Степановичъ развернулъ листъ и, увидавъ стихотвореніе вмѣсто рапорта, разсмѣялся и спросилъ:

— Что это, Андрей Петровичъ, — съ какихъ поръ вы сдѣлались поэтомъ?

Бобровъ не могъ понять, въ чемъ дѣло, но только видѣлъ, что что-то неладно.

— Какъ, что изволите... какой поэтъ? — спросилъ онъ вмѣсто отвѣта у Перскаго.

— Да какъ же: кто пишетъ стихи, вѣдь тѣхъ называютъ поэтами. Ну, такъ и вы поэтъ, если стали сочинять стихи.

Андрей Петровичъ совсѣмъ сбился съ толку.

— Что такое... стихи...

Но онъ взглянулъ на бумагу, которую подаль въ сложенномъ видѣ, и увидалъ въ ней, дѣйствительно, какія-то беззаконно неровныя строчки.

— Что же это такое?!

— Не знаю, — отвѣчалъ Перскій и сталъ всякухъ читать Андрею Петровичу его рапортъ.

Бобровъ чрезвычайно сконфузился и взволновался до

слезъ, такъ что Перскій, окончивъ чтеніе, долженъ былъ-его успокоивать.

Послѣ этого былъ найденъ авторъ стихотворенія, — это былъ кадетъ Рылѣвъ, на котораго добрыйшій Бобровъ тутъ же сгоряча излилъ все свое негодованіе, по скольку онъ былъ способенъ къ гнѣву. А Бобровъ, при всемъ своемъ безконечномъ незлобіи, былъ вспыльчивъ, и «попасть въ стихи» ему показалось за ужасную обиду. Онъ не столько сердился на Рылѣва, какъ вопіялъ:

— Нѣтъ, за что! Я только желаю знать—за что ты меня, разбойникъ, осрамилъ!

Рылѣвъ былъ тронутъ непредвидимою имъ горестію всѣмъ любимаго старика и просилъ у Боброва прощенія съ глубокимъ раскаяніемъ. Андрей Петровичъ плакалъ и всхлипывалъ, вздрагивая всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ. Онъ былъ слезливъ или, по-кадетски говоря, былъ «плакса» и «слезомойка». Чуть бы что ни случилось въ немножко торжественномъ или въ немножко печальномъ родѣ, бригадиръ сейчасъ же готовъ былъ расплакаться.

Корпусные солдаты говорили о немъ, что у него «глаза на мокромъ мѣстѣ вставлены».

Но какъ ни была ужасна вся исторія съ «Кулакіадою», Бобровъ, конечно, все-таки помирился съ совершившимся фактомъ, и простилъ его, но сказалъ при томъ Рылѣву назидательную рѣчь, что литература вещь дрянная, и что занятія ею нікого не приводятъ къ счастью.

Собственно же для Рылѣва, говорятъ, будто старикъ высказалъ это въ такой формѣ, что она имѣла отношеніе съ послѣднею судьбою покойнаго поэта, котораго добрый Бобровъ ласкалъ и особенно любилъ какъ умнаго и бойкаго кадета.

«Послѣдній архимандритъ», который не ладилъ съ генераломъ Муравьевымъ и однажды заставилъ его замолчать, былъ архимандритъ Иринеи, впоследствии епископъ, архіерействовавшій въ Сибири и перессорившійся тамъ съ гражданскими властями, а потомъ скончавшійся въ помраченіи разсудка.

РУССКІИ ДЕМОКРАТЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Это—маленькая исторійка, но я думаю, что ее тоже, пожалуй, можно прикнуть къ рассказамъ «о трехъ праведникахъ». Такъ говорилъ мнѣ почтенный старецъ, со словъ котораго я записалъ рассказъ объ инокахъ кадетскаго монастыря, а теперь въ видѣ post-scriptum записываю еще одно послѣднее сказаніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я поступилъ на службу прямо по выходѣ изъ корпуса въ канцелярію главнокомандующаго дѣйствующею арміею генераль-фельдмаршала князя Паскевича. Это было въ тридцать второмъ году, въ январѣ мѣсяцѣ, — значитъ, вскорѣ послѣ покоренія Варшавы, которая взята въ августѣ тридцать перваго года. Директоромъ этой канцеляріи былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій, про котораго и пойдетъ моя рѣчь. Его позабыли, и исторія о немъ умалчивается, а онъ былъ человѣкъ замѣчательный и, по моему мнѣнію, даже историческій.

Самбурскій былъ малороссъ и имѣлъ репутацію человѣка необыкновеннаго ума и способностей, а также отличался честностью и непреклонностью убѣжденій. Тогда еще на службѣ такими людьми иногда дорожили, и если не всегда, то хоть изрѣдка о нихъ вспоминали и думали, что безъ нихъ не хорошо, — что они нужны. Притомъ же Иванъ Ѳомичъ былъ невообразимо дѣловитъ: буквально — не было

занятія, къ которому онъ былъ бы неспособенъ и, взявшись за которое, оказался бы не на своемъ мѣстѣ. О чести же, разумѣется, и говорить нечего — на однихъ коммисіонерахъ и интендантахъ миліонъ могъ нажить, а онъ ничего не наживалъ и для всѣхъ воровъ былъ неодолимъ. Всякую хитрость провидитъ и *округлитъ*. Это было извѣстно, и потому при назначеніи Ивана Томпча въ директора канцеляріи при Дибичѣ ему было положено двойное жалованье.

Обязанности директора канцеляріи были очень большія и чрезвычайно разностороннія. По взятіи Варшавы, тутъ сосредоточивалась и военная, и гражданская переписка по всему Царству Польскому; онъ долженъ былъ возстановить русское правленіе вмѣсто революціоннаго; привести въ извѣстность статьи доходовъ и образовать правильный приходъ и обращеніе финансовъ. Вообще, требовалось организовать дѣло, которое послѣ военнаго разгрома представляло обыкновенный въ такихъ случаяхъ хаосъ.

Это трудъ огромный и почтенный, но неблагодарный. Онъ требуетъ человѣка выше обыкновенныхъ способностей и поглощаетъ его всего; а между тѣмъ дѣятельность его не видна и остается почти незамѣчаемою, такъ сказать, черною работою, въ родѣ уборки чего-то въ тылу.

Нынче, можетъ-быть, это еще лучше, потому что теперь о тылѣ располагають совсѣмъ иначе, но тогда вся слава и честь почиталась быть на виду — впереди, въ опасности. Въ тылу тогда, бывало, остаются не иначе какъ плачущи. Ну, а уже что при такомъ взглядѣ могла значить канцелярская крыса, — это понять не трудно. Штатскіе, впрочемъ, тогда и повсемѣстно мало гдѣ и за людей были почитаемы. Такое время было, и за это нечего сердиться. У всякаго времени свои странности, а одна изъ тогдашнихъ странностей была — пренебреженіе ко всѣмъ невоеннымъ занятіямъ. Исключеніе дѣлали для одного графа Сперанскаго, но и то ставили это себѣ за несприятную необходимость. Удивительно вспомнить, какъ люди, бывало, съ особенною серьезностью внушали, что «Россія государство не торговое и не земледѣльческое, а военное и призваніе его быть грозою свѣта»... Хомяковъ сказалъ: «мы долго вѣрили среди восточной дѣли и грязной суеты» и проч., — и дѣйствительно, вѣрили. Такъ часто тогда повторялось это мудрое

изреченіе, что, бывало, наслушаешься и начнешь вѣрить. Крымъ это поисправилъ, а то мѣры не было вздорамъ. Рассказывали, напримѣръ, какіе-то полудикіе анекдоты, какъ пришли два офицера въ трактиръ и, видя двухъ штатскихъ, говорятъ лакею: «подай намъ двухъ титулярныхъ совѣтниковъ!» Тотъ недоумѣваетъ, а они ему объясняютъ вслухъ, что титулярные совѣтники—это рябчики. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ штатскихъ говоритъ: «а намъ, братецъ, дай двухъ поручиковъ подъ хрѣномъ». Лакей опять недоумѣваетъ, а штатскій изъясняетъ ему гласно, что поручики—это поросята. Этотъ глупый анекдотъ выражалъ настроеніе.

Я самъ помню, какъ разъ вечеромъ, на томъ мѣстѣ Казанской площади, у садика, гдѣ теперь часто стоитъ тележка чухонца съ Выборгскими кренделями, иду я домой, а передо мною идутъ два офицера и говорятъ:

— Видишь штафирку?

Другой отвѣчаетъ: вижу.

И указываютъ другъ другу на чиновника, который покупаетъ крендельки и завязываетъ ихъ въ платочекъ. Вѣрно, человекъ бѣдный былъ, потому что шляпка на немъ рыженькая, и самъ онъ тощій, заморенненькій, а на немъ шинелька суконная, ветхая, подоль подтрепанъ и разрѣзъ сзади,—какъ это дѣлалось.

Одинъ офицеръ говоритъ: давай, разорвемъ его.

Другой отвѣчаетъ: давай.

И тутъ же, на моихъ глазахъ, взяли его за край шинельнаго разрѣза, потянули въ разныя стороны и расположились пополамъ до самаго воротника. Только пыль изъ стараго суконца посыпалась, и крендельки онъ свои, бѣднякъ, разронялъ. А все это совершенно ни за что, да и безъ злобы, а такъ, можно сказать, по глупой манерѣ носились сами съ собою въ какомъ-то священномъ восторгѣ и какъ зыбливые телята брыкались. Я же вамъ объ этомъ упоминаю для того, чтобы показать, какой былъ духъ времени и какое царствовало неблагоприятное для гражданской дѣятельности настроеніе—особенно въ кругу тѣснаго соприкосновенія съ людьми военными.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Самбурскій, съ его правильнымъ умомъ, конечно, отлично понималъ свое время и потому, идучи въ директоры кан-

целярии, зная как устроиться. Онъ позаботился не только о деньгахъ, которыхъ у него не было и на которыя онъ естественно имѣлъ право, принимая на себя трудъ большой и чрезвычайно ответственный, но онъ выговорилъ себѣ и такое положеніе, чтобы ему не быть пѣшкой. Онъ не хотѣлъ быть слѣпымъ исполнителемъ чинхъ-либо случайныхъ фантазій, а желалъ имѣть необходимую для пользы службы свободу выбора людей и плана дѣйствій, равно какъ и средствъ къ ихъ исполненію. Съ княземъ Иваномъ Федоровичемъ это было еще необходимѣе, чѣмъ съ Дибичемъ, который былъ очень толковый администраторъ. Съ Паскевичемъ было труднѣе, въ виду очень многихъ свойствъ его характера и манеры распоряжаться: нныя изъ его распоряженій, бывало, не только неудобно исполнить, но даже иногда нельзя и понять.

Я не знаю, какъ понималъ Паскевичъ въ точности огромныя способности Самбурскаго, на мой взглядъ представляющіяся необычайными; но знаю, что онъ въ душѣ цѣнилъ его превосходную честность. Миѣ извѣстно также, что онъ былъ прельщенъ однимъ анекдотомъ, который относился къ юношескимъ годамъ Ивана Оомпча и заключался въ слѣдующемъ.

Самбурскій былъ бѣдный человѣкъ и нуждался въ работѣ. Работать онъ могъ, разумѣется, только перомъ, къ чему имѣлъ счастливый даръ прекраснаго изложенія мыслей спокойно, плавно и вразумительно. Когда хотѣлъ тронуть или обличить и доказать справедливость,—былъ неподражаемъ. Съ этой стороны онъ сдѣлался извѣстенъ по поводу прошенія, написаннаго имъ для одной бѣдной мелкопомѣстной дворянки, тяжело оскорбленной богатымъ сосѣдомъ. Прошеніе это, поданное императору Александру Павловичу въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, растрогало его величество до слезъ, и государь спросилъ: «Кто писалъ?» Вдова назвала Самбурскаго. И это обратило на него вниманіе многихъ. Что же касается самого предмета просьбы, то императоръ велѣлъ переслѣдовать неправильно рѣшенное дѣло, и вдова послѣ многихъ лѣтъ обидъ и страданія была восстановлена въ своемъ правѣ. Самбурскій писалъ мастерски, можетъ-быть, отчасти потому, что онъ превосходно чувствовалъ, вдохновенно проникалъ справедливость и любилъ постоять за нее безъ страха.

Все это у него шло свободно, вольно, естественно, съ какою-то поэтическою отвагою типичнаго хохла. Глядя на него, бывало, не разъ вспоминаешь чье-то вѣрное замѣчаніе о малороссахъ, что между ними очень рѣдко встрѣчается середина въ нравственности. Нигдѣ природы не бываютъ цѣльнѣе и даже отчасти прямолинейнѣе, какъ въ Малороссіи. Тамъ, если честный человѣкъ, такъ ничѣмъ его не своротишь, и негодян, если задаются, такъ тоже бываютъ ничѣмъ несправимые. Самбурскій, разумѣется, былъ изъ хохловъ перваго сорта.

Но я отбиваюсь отъ анекдота, который располагалъ къ Самбурскому Паскевича, и едва ли не былъ, быть-можетъ, главнымъ поводомъ, почему фельдмаршалъ уважалъ его.

Былъ какой-то ученый, какой-то трудной специальности, говорили, будто астрономъ. Ему надо было написать ученое сочиненіе на какую-то степень по этому предмету, который онъ хорошо зналъ, но былъ совершенно бездаренъ. Сидѣль-сидѣль этотъ ученый, мучился, и пришелъ въ отчаяніе, а Самбурскій былъ къ нимъ вхожъ и въ домѣ друженъ. Видитъ онъ это горе, день, два, мѣсяцъ, давалъ совѣты, обѣщаль помощь и, наконецъ, разсердясь, говоритъ:

— Да расскажи ты мнѣ все, что тебѣ надо написать.

Тотъ отвѣчаетъ:

— Это нельзя,—это цѣлый предметъ.

— Ну, и рассказывай цѣлый предметъ.

Принудилъ рассказать, выслушалъ, а черезъ недѣлю приноситъ написанную диссертацию.

Можетъ-быть, тутъ что-нибудь раздуто и преувеличено,— я не знаю, но дословно такой анекдотъ ходилъ о Самбурскомъ, и многіе передавали его даже едва ли не такъ, что Иванъ Ѳомичъ не зналъ астрономіи, но всю ее проникъ одною силою своего остраго ума.

Вообще по всему можно было видѣть, что фельдмаршалъ считалъ своего директора за человѣка необыкновеннаго, котораго надо было уважать; но, тѣмъ не менѣе, это не помѣшало имъ разойтись довольно смѣшно и, такъ сказать, анекдотически. Поводомъ къ этому послужило ихъ несогласіе въ оригинальномъ вопросѣ о самоварахъ, которымъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій надумалъ дать государственную роль въ исторіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По благородной простотѣ характера Ивана Ѳомича, у насъ канцелярія была будто его семья. Она вся была неболыная, кажется, человекъ изъ десяти, но какъ въ ней составлялись бумаги самаго секретнаго содержанія, то въ ней люди были собраны съ большою осторожностію и по самымъ надежнымъ рекомендаціямъ. Но разъ какъ человекъ былъ принятъ, Иванъ Ѳомичъ терпѣть не могъ показывать, что онъ его остерегается или имѣеть къ нему не полное довѣріе. Эта дрянная, хотя весьма распространенная, манера душъ мелкихъ и подозрительныхъ была чужда его благородному и дальновидному уму. Самбурскій зналъ, что единодушіе ничѣмъ такъ не достигается, какъ любовью, и имѣлъ благоразуміе дорожить сердечными чувствами своихъ младшихъ сотрудниковъ. Молодыхъ людей онъ старался знать со стороны ихъ способностей и въ минуты своего небольшого отдыха всегда съ ними бесѣдовалъ, о чемъ приходило ему въ голову. Этимъ способомъ онъ всегда зналъ настроеніе нашихъ мыслей и силу сообразительности. Бывало, поговорить-поговорить, да смотришь и даешь работу, изъ назначенія которой видишь, что онъ тебя уже совсѣмъ и смѣрилъ. Такого начальника, разумѣется, мудрено не любить и не цѣнить, и мы всѣ были къ нему очень привязаны.

Правая рука его у насъ былъ начальникъ отдѣленія Лахтинъ, очень образованный человекъ, съ которымъ Самбурскій любилъ посовѣтоваться. Но и совѣты совѣщаль онъ не по-официальному, а по-семейному, т. е. не наединѣ, «при закрытыхъ дверяхъ». въ насмѣшку надъ которыми тайны, за ними сказанныя, очень быстро разносятся, а Самбурскій говорилъ прямо при насъ, молодыхъ людяхъ, какъ бы приучая тѣмъ насъ къ скромности на всякъ часъ, безъ особыхъ предупрежденій.

Однажды, когда мы такимъ образомъ всѣ были въ сборѣ за своимъ дѣломъ, Самбурскій поднялъ голову отъ бумагъ, назвалъ Лахтина по имени и отчеству и спросилъ его: очень ли онъ занятъ,—что онъ хотѣлъ бы съ нимъ поговорить.

Лахтинъ отвѣчалъ, что у него въ эту минуту особенныхъ занятій нѣтъ и онъ готовъ къ его услугамъ.

Самбурскій и говорить:

— Давно я думалъ объ одномъ предметѣ, а нынче бессонною ночью, ворочая его со стороны на сторону, кажется, додумался до чего-то похожего на дѣло. Не знаю, каковъ будетъ объ этомъ вашъ судъ, но мнѣнiе ваше знать очень желаю.

Лахтинъ отвѣчалъ, что онъ слушаетъ со вниманiемъ. Мы же оставались, какъ всегда бывало, при своихъ мѣстахъ.

Не смотря на милую доброту Ивана Ѳомича, всѣ мы держали себя съ нимъ крайне почтительно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Каждое царствованiе,—началь Самбурскiй:—мы ведемъ здѣсь побойща съ поляками, но самое огромное побойще было теперь; оно стоило денегъ двѣсти миллионъ, а человѣческихъ жертвъ шестьдесятъ тысячъ. Это меня приводитъ въ ужасъ. Сколько вдовъ, сиротъ и стариковъ, которыхъ кормитъ некому послѣ такой побѣды? За это надо отвѣтъ дать Богу, а между тѣмъ мы отъ своей роли здѣсь отказаться не можемъ, пока не устроимъ своихъ единовѣрныхъ въ Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ. Польша—Богъ съ ней; но своихъ мы никакъ не можемъ оставить на произволь судьбы.

Самбурскiй,—ошибался онъ или нѣтъ,—былъ того мнѣнiя, что Польша намъ *ненужна* и составляетъ для насъ вопросъ только, пока не упрочены какъ надо юго-западнiй край и Литва. Поэтому онъ и проектировалъ всѣ свои мѣры для этой окранны и былъ увѣренъ, что если тѣ мѣры исполнить, т. е. если Литва, Волынь и Подолия сдѣлаются совершенно русскими, то о Польшѣ и говорить не стоить и беречь ее при себѣ не для чего. Тогда она лѣзть къ намъ подъ бокъ не можетъ чрезъ сплошное единовѣрное намъ населенiе съ русскимъ дворянствомъ и безпокоить насъ не будетъ. А что касается собственнаго ея значенiя для Россiи, то Самбурскiй сводилъ его къ нулю и говорилъ:

— Надо желать, чтобы она сдѣлалась самостоятельною, надо ее сдѣлать таковою и бросить. Тогда ее сейчасъ же сожрутъ нѣмцы и запаху ея не останется.

Онъ даже думалъ, что Польша намъ вредъ и болѣзнь.

— Наполеонъ,—говорить:—ошибался, называя Кавказъ нашимъ вѣчнымъ чирьемъ,—настоящій вѣчный чирій нашъ— Польша, и мы ее будемъ таскать, пока не загородимся полосой западнаго края, а саму Польшу бросимъ. Иначе она намъ нагадитъ, напуститъ внутренняго разлада (что, кажется, и сбывается). Но я возвращаюсь къ прерванному разговору Самбурскаго съ Лахтинымъ.

— Непремѣнно,—сказалъ Самбурскій;—надо на будущее время сдѣлать невозможными такія кровопролитія; а если вести дѣла такъ, какъ они ведутся, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что это когда-нибудь кончится. Усмиримъ мятежь, подсеѣмъ старые корни, а молодые побѣги опять отрыгнуть. и черезъ нѣсколько лѣтъ снова готова такая же исторія.

Лахтинъ качнулъ въ знакъ согласія головою и сказалъ:

— Это иначе и быть не можетъ.

— Да; это очень естественно,—согласился Самбурскій:—если прилагать къ нашимъ расправамъ съ Польшей одинъ узкій масштабъ военныхъ занятій западнаго края, то это не можетъ быть иначе. Пушки и ружья, по моему мнѣнію, не имѣютъ того вліянія, какое нужно, чтобы разъ навсегда отучить поляковъ отъ неумѣстныхъ претензій на Литву и на юго-западный край, населенный народомъ, который поляковъ не любитъ. Нужно еще особое орудіе.

— Какое же?

— А вотъ отгадайте.

— Не могу,—отвѣчалъ Лахтинъ.

Самбурскій улыбнулся и сказалъ:

— Это оружіе—самоваръ.

— Что-о такое?!

— Самоваръ-съ, самоваръ, Николай Андреевичъ. — простой русскій самоваръ.

Тутъ уже и мы, «молодшіе люди», слыша, что наши наибольшіе договорились до такихъ странностей, перестали работать и подняли головы съ недоумѣніемъ, чѣмъ это разъяснится: серьезнымъ дѣломъ или шуткою.

— Приходило ли вамъ когда-нибудь на мысль положеніе престарѣлаго офицера?—продолжалъ Самбурскій.

— Очень много разъ приходило,—отвѣчалъ Лахтинъ.

— Вотъ видите! Значить, у кого есть нѣкоторый жаръ въ сердцѣ и любовь къ человѣчеству, то ко всякому такому человѣку этотъ вопросъ бьется. Это не даромъ: въ чье-нибудь сердце онъ хочетъ достучаться. Теперь посмотрите дальше, сколько у насъ въ арміи изъ офицеровъ людей женатыхъ, особенно вверхъ отъ капитанскаго чина... Это уже настоящіе страсотерпцы: служатъ они, и на службѣ имъ нѣтъ никакой радости, а подъ старость и угла нѣтъ, гдѣ приклонить голову. Хорошо, который куда-нибудь городничимъ попадетъ, да будетъ морковью или потрохами на базарѣ взятки брать, или у арестантовъ изъ трехкопеечнаго содержанія половину воровать станетъ. Но, вѣдь, очень немного такихъ счастливцевъ, которымъ такая карьера выпадетъ, а то жалъ смотрѣтъ чѣмъ занимаются...

Лахтинъ отозвался:

— Это правда!

— Да какъ же не правда! — продолжалъ Самбурскій. — Пока молодъ да легкомысленъ, онъ и въ восторгѣ: его занимаетъ, что и шпоры звенять, и эполеты блестятъ, а какъ съ лѣтами въ разумъ начнетъ приходиться, такъ, вѣдь, — сдѣлайте вашу милость... мишура-то слетитъ и очень горько станетъ.

— Ропщутъ, — молвилъ Лахтинъ.

— Да: ропщутъ, но очень мало ропщутъ. — отвѣчалъ, продолжая матерію, Самбурскій. — Удивительные люди, — праведники. Иной бы, поди, какого шума надѣлалъ и пѣлый бы вѣкъ все визжалъ, а нашъ съ сердцовъ за чаркой зелена вина гдѣ-нибудь выругается, а потомъ завьетъ горе веревочкой, да такъ всю жизнь съ обрывкомъ и ходитъ. Только не дергай его за этотъ узелокъ, потому что у него тутъ большое мѣсто завязано. Все, все простить ему надо, и даже свѣчку поставитъ. Служилъ какъ слѣдуетъ, сколько разъ его могли убить и пзувѣчить, а другой, можетъ-быть, и пзувѣченъ, а между тѣмъ, война кончится, составъ войскъ введется на мирное положеніе, и тысячи этихъ отставныхъ слугъ отечества идутъ въ запштатъ. Разумѣется, это въ порядкѣ вещей, да смотрѣтъ-то на нихъ жалко въ этомъ положеніи. Хорошо, — который куда-нибудь на частную должность примкнетъ къ откупу, или къ какой конторѣ... Разумѣется, не особенно высокоблагородно, но, по крайней

мѣрѣ, спрятанъ отъ когтей нужды и питается; а то на выдумки идутъ: янтарьки продають, просьбы по постоялымъ дворамъ пишутъ, въ трактирахъ фокусы показываютъ,— всего и не перечесть.

— И не дай Богъ,—вставилъ Лахтинъ.

— Именно, не дай Богъ, а между тѣмъ, въ такомъ печальномъ исходѣ совѣмъ нѣтъ никакой необходимости. Если объ этомъ хорошенько подумать, то есть даже средство не только оказать оторваннымъ отъ мирныхъ занятій военнымъ людямъ справедливость, но выставить прямо отечество благодарнымъ къ своимъ слугамъ, — и въ то же время за одинъ пріемъ достигнуть высшаго государственнаго плана — пресѣчь возможность повторенія безнокойной аристократической грамолы. Вотъ въ чемъ дѣло: вамъ, какъ и мнѣ, извѣстно количество казенныхъ и конфискованныхъ магнатскихъ земель на Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ. Казнѣ онѣ не принесутъ дохода,—все съѣсть администрація. По-моему, выгоднѣе будетъ отдать ихъ въ частныя руки. Я сообразилъ и расчелъ, что изъ нихъ можно накрошить двадцать пять тысячъ небольшихъ помѣщичьихъ имѣній, изъ которыхъ каждое можетъ приносить отъ пяти до шести тысячъ годового дохода.

— Я думаю, вы не ошиблись,—сказалъ Лахтинъ.

— Расчетъ мною сдѣланъ вѣрно. Необходимо только, чтобы всѣ эти земли явились въ трудолюбивыхъ рукахъ, и именно въ рукахъ воиновъ, поработавшихъ для водворенія здѣсь русскаго владычества. Офицеры въ правахъ и въ исторіи малосвѣдуци, но они хорошо знаютъ, чего имъ стоило усмирить разыгравшійся здѣсь мятежь, и потому оцѣнить все настоящимъ образомъ, безъ фантазій. При томъ же это будетъ имъ справедливымъ вознагражденіемъ, за которое они будутъ благодарны правительству и усугубятъ свою преданность. А чтобы и казна своего не теряла—даромъ ничего давать не нужно, даровое всегда слабо цѣнится. А надо благоразумно перевести эти земли изъ непроизводительнаго казеннаго управленія въ частныя руки, и для этого есть средства. Стоитъ только образовать банкъ или другое какое кредитное учрежденіе съ спеціальною цѣлью помочь пріобрѣтенію этихъ земель русскими воинами на льготныхъ для выплаты условійхъ, и цѣль эта будетъ исполнѣ достигнута. А когда на двадцати пяти тысячахъ

мѣстъ стануть двадцать пять тысячъ русскихъ помѣщичьихъ домиковъ, да въ нихъ передъ окнами на балкончикахъ задымятся двадцать пять тысячъ самоваровъ и поѣдетъ со съѣдъ къ сосѣду съ семействомъ на тройкахъ, заложенныхъ по-русски, съ валдайскимъ колокольчикомъ подъ дугою, да съ бубенцами, а на козлахъ отставной денщикъ въ тверскомъ шлыкѣ съ павлиньими перьями заведеть: «Не одну во полѣ дороженьку», такъ это будетъ уже не Литва и не Велико-Польша, а Россія. Единовѣрное намъ крестьянское населеніе какъ слышитъ пыхтѣнье нашихъ веселыхъ тульскихъ толстопузиковъ и разстилающійся отъ нихъ дымъ отечества, — сразу пойметъ, кто здѣсь настоящіе хозяева, да и поляки увидятъ, что это не шутка и не «збуйство да здрайство», какъ они называютъ наши нынѣшнія военныя нашествія и стоянкіи, а это тихое, хозяйственное заселеніе на всегдашнія времена, и дѣло съ возстаніями будетъ покончено.

Лахтинъ вскричалъ:

— Это великолѣпно!

— Вы одобряете?

— Великолѣбно, Иванъ Ѳомичъ, великолѣпно!

А мы,—хотя насъ не спрашивали,—подъ вліяніемъ проникшаго насъ горячаго чувства, всѣ встали, поклонились Ивану Ѳомичу и безъ уговора сказали ему:

— Богъ въ помощь! Богъ въ помощь!

Онъ откланялся намъ жестомъ руки и сказалъ:

— Отъ души благодарю, господа,—ваше сочувствіе мнѣ дорого и дай Богъ, чтобы наше—какъ вижу—общее желаніе исполнилось ко благу нашей родины. А чтобы не оставаться долго на этотъ счетъ въ томительной нерѣшимости,—я сейчасъ отправлюсь къ фельдмаршалу и сейчасъ же представлю ему мою мысль.

Онъ всталъ, перекрестился, сказалъ: «Господи благослови!»—и вышелъ.

Мы, провожая его глазами, желали ему удачи. И хотя все это происходило въ канцеляріи, гдѣ торжественныхъ минутъ сердечнаго восхищенія по штатамъ не полагается, но тутъ оно было. Мы чувствовали, какъ сердца наши въ насъ горѣли, при мысли, что цѣлыя двадцать пять тысячъ семействъ нашихъ военныхъ трудниковъ разведутъ себя по домамъ и на полянкахъ свои самовары и стануть по-

паривать своимъ чайкомъ свои косточки, подъ своею же кровлею, которую дало имъ за ихъ кровную службу отечество.

Конечно, можетъ-быть, теперь за это кто-нибудь и осудитъ, но надо было быть ближе къ тому времени, котораго это касается, и видѣть во-очію мужественныхъ людей, судьбу которыхъ по отставкѣ просто и трогательно намъ вспомнили Иванъ Ѳомичъ. Тогда станетъ понятно то чувство, какое мы испытывали, и оно было, дѣйствительно, патріотическое чувство, хотя и родилось въ канцеляріи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вечеромъ мы въ своихъ кружкахъ думали и гадали: какъ могутъ быть послѣдствія смѣлаго и, какъ намъ казалось, гениальнаго по своей простотѣ предложенія Ивана Ѳомича? Намъ казалось невозможнымъ, чтобы фельдмаршалъ не внялъ его представленіямъ и не позволилъ изыскать средства къ ихъ осуществленію.

Одинъ только, — былъ у насъ другой начальникъ отдѣленія, Ивашинъ, съ русской фамиліею, но хохоль, онъ былъ грубоватъ и выражался не изысканно, — такъ онъ не то что сомнѣвался, но не отрицалъ возможности сомнѣнія, и тѣмъ насъ огорчалъ. Онъ, лѣниво цѣдя слова сквозь зубы, сказалъ:

— Перестаньте угадывать и ждите утра: не угадаете; можетъ случиться и то, чего не можетъ быть. Совершенно невозможно на свѣтѣ только одно, — козырнаго туза покрыть, этого уже никакой чудотворецъ не сдѣлаеть.

Добрѣйшій Яковъ Ѳомичъ (такъ звали Ивашина) былъ и умникъ, и дѣлецъ, и характера самаго достойнаго, но любилъ, къ своему наслѣдственному гадячскому или кролевецкому остроумію, поднустить благопріобрѣтеннаго волтеріанства. Особенно онъ лихъ былъ насчетъ чудесъ, которыя имѣлъ слабость считать личною для себя обидою, и всегда имѣлъ при себѣ наготовѣ этого козырнаго туза, котораго, по его словамъ, «никакой чудотворецъ не покроеть».

Но ночь прошла въ мирномъ снѣ, или, кому спать не хотѣлось, — въ другихъ какихъ-либо занятіяхъ, а на утро приходитъ въ канцелярію Лахтинъ и говоритъ:

— Свиданіе Ивана Ѳомича съ фельдмаршаломъ было

какъ нельзя больше благопріятно. Больше ничего вамъ сказать не могу. но Иванъ Ѳомичъ самъ все разскажетъ.

Самбурскій, какъ пришелъ, подписалъ заготовленные къ этому дню бумаги и потомъ говоритъ:

— Поздравляю всѣхъ васъ, господа, съ радостною работою. Фельдмаршалъ, выслушавъ мои соображенія, о которыхъ здѣсь вчера было говорено, изволилъ выразить этому дѣлу свое сочувствіе и желаетъ, чтобы были составлены самыя точныя и полныя свѣдѣнія съ возможно подробнымъ кадастровымъ описаніемъ, по которому можно было бы судить о достоинствѣ и стоимости имѣній. Это работа сложная и трудная, потому что мало данныхъ, но тѣмъ болѣе чести ее исполнить, и я надѣюсь, что тутъ мы себя покажемъ достойными его довѣрія и исполнимъ все какъ только возможно и съ большою радостію.

Дѣйствительно, работали съ радостію. Откуда только что возможно было выбрать — все собрали. А самъ Иванъ Ѳомичъ въ это время изготовилъ свой проектъ, который, какъ все имъ писанное, былъ изложенъ мастерски и пошелъ въ ходъ. Прежде чѣмъ готовы были наши кадастры и смѣты, потребныя уже къ заключительному дѣлежу и рассадкѣ двадцати пяти тысячъ нашихъ воиновъ, которые должны были поставить свои самовары и напустить здѣсь пріятнаго намъ отечественнаго дымку, князь былъ введенъ Самбурскимъ во всѣ его соображенія.

Все остальное дѣлалось скоро, мы спѣшили изготовить дѣло къ поѣздкѣ фельдмаршала въ Петербургъ, и изготовили такъ благовременно, что онъ могъ до отъѣзда изучить и детали дѣла. Это было необходимо для обстоятельнаго объясненія на каждый могущій возникнуть въ Петербургѣ вопросъ. Самбурскій былъ очень доволенъ, что князь вникаетъ въ дѣло внимательно и даже дѣлаетъ себѣ отмѣтки о земляхъ.

Послѣднее было тѣмъ радостнѣе, что Иванъ Ѳомичъ, имѣвшій на рукахъ кучу дѣлъ, не могъ оставить Варшавы и не сопровождалъ фельдмаршала. Стало-быть очень важно было, чтобы онъ все зналъ и могъ все совершить, не требуя какихъ-нибудь частныхъ разъясненій.

Самбурскій не ошибся: фельдмаршалъ, дѣйствительно, вполне овладѣлъ предметомъ и сочинилъ собственный планъ, какъ этимъ дѣломъ распорядиться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Паскевичъ уѣхалъ, а мы въ это время въ своей канцеляріи все возились съ эмеритурою и вообще уравненіемъ русскихъ чиновниковъ въ выгодахъ службы съ чиновниками изъ поляковъ, которые имѣли многія преимущества. У насъ это дѣло поднимать и горячо, но безуспѣшно разработывалъ Ивашинъ, а мы всё ему помогали только безъ пользы. Это отерочилось до новыхъ исторій, когда насъ тамъ уже не было. При насъ, какъ ни горячился Ивашинъ, русскіе чиновники военнаго министерства все получали за выслугу 35 лѣтъ 150—200 р. пенсіи, а чиновники Царства Польскаго изъ поляковъ по той же должности получали за выслугу 25 лѣтъ по 6,000 злотыхъ эмеритальнаго пенсіона. Ивашинъ представилъ это Паскевичу, и тотъ нашелъ это неправильнымъ и позволить открыть переписку съ разными вѣдомствами. Всѣмъ намъ хотѣлось упорядочить это такъ, — чтобы русскимъ не обидно было протпвѣ поляковъ, но не вышло по нашему. Свѣдѣнія о штатахъ доставлялись плохо, и это намъ причиняло много хлопотъ, за которыми мы и не замѣтили, какъ прошло время отъѣзда свѣтлѣйшаго и онъ снова вернулся въ Варшаву.

Передъ возвращеніемъ князя ни сновъ никто не видалъ, ни мыши изъ норъ не выходили, ни невидимая нежить тяжелою ступнею по полу не расхаживала и не трепала половницами, словомъ, ничто никого не выживало, а между тѣмъ для всѣхъ насъ былъ готовъ ударъ, самый неожиданный и очень вредный для дѣла, но отчасти и нелишennyй комизма, или, лучше сказать, горькой прони.

Самбурскій видѣлся съ фельдмаршаломъ по его возвращеніи не изъ первыхъ, и притомъ не съ-глазу-на-глазъ, а на официальномъ выходѣ.

Иванъ Ѳомичъ не былъ самолюбивъ въ дурномъ смыслѣ этого слова, да и укола въ этомъ его самолюбіи не было, но было другое, чего онъ имѣлъ причины не желать и опасаться. Было замѣтно, что свѣтлѣйшему какъ будто неловко или, по крайней мѣрѣ, неприятно что-то сообщить своему директору, котораго умомъ и соображеніями онъ самъ гордился, а честность его уважалъ.

Но, конечно, игры нельзя было тянуть долго: при пер-

вомъ же докладѣ, будетъ или не будетъ рѣчь о томъ, что фельдмаршалу неприятно, — Самбургскій съ его прозорливостью прочтетъ князя; да и самому князю, который никого не боялся — нескладно же такъ институтски конфузиться лица ему подчиненнаго, какимъ былъ Самбургскій.

Паскевичъ, конечно, все это зналъ и не могъ поступить иначе, какъ поступилъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Самбургскій возвратился съ доклада князю не скоро, но вошелъ въ канцелярію спѣшными шагами, былъ красенъ и разстроены.

Онъ роздалъ начальникамъ отдѣленія Ивашину и Лахтину принесенныя съ собою бумаги и, послабивъ пальцемъ галстукъ, сказалъ:

— Господа! я съ вами прощаюсь.

Услыхавъ это, мы всѣ вскочили съ мѣсть и, забывъ всюкую дисциплину, бросились къ нему и осыпали его вопросамъ: что, какъ и для чего?

— Я подаю въ отставку.

Всѣ опять заговорили:

— Для чего, Иванъ Ѳомичъ, для чего?

Онъ отвѣчалъ: представленіе мое рѣшено иначе, — князь имѣетъ маіоратъ, который долженъ приносить 200,000 злотыхъ, нѣсколько другихъ лицъ получили меньшіе участки съ доходами тысячъ до 60, и т. д. Въмѣсто многихъ маленькихъ русскихъ осѣдлыхъ помѣщиковъ будетъ только очень немного крупныхъ, и притомъ такихъ, которые никогда въ своихъ деревняхъ не сидятъ, — самоваровъ на столъ не ставятъ и за чаемъ по-русски не говорятъ. Такого оборота я не ожидалъ и не могъ придвидѣть, но эта игра не стѣитъ свѣчь. Если бы я зналъ, что это случится, то я задушилъ бы въ себѣ эту мысль, которую столько времени носилъ и въ значеніи которой для Россіи и для Польши не сомнѣваюсь. Но теперь она совершенно испорчена и, чтобы ее поправить, надѣо ожидать новаго возстанія и новыхъ конфискацій... Безъ этого и не обойдется, но одно воображеніе объ этомъ меня угнетаетъ. Я этого снести не могу.

Мы заговорили: ну, что Иванъ Ѳомичъ, — все можетъ измѣниться: фельдмаршалъ васъ уважаетъ и любитъ...

— Да; благодарю его, — перебилъ Самбурскій: — онъ меня не забывъ, — мнѣ тоже предложено выбрать себѣ маіоратъ, но я этимъ не воспользуюсь, — я отъ него отказался. Передо мною была открыта возможность полнѣйшей оцѣнки всѣхъ земель и угодій вовсе не за тѣмъ, чтобы я могъ выбрать себѣ лучшее. Служить каждому правительству нужно честно, а тѣмъ болѣе правленію монархическому, гдѣ государь одинъ правитъ, и потому кому онъ вѣритъ, тому грѣхъ и стыдъ не хранить и не беречь его довѣрія, а думать о себѣ. Отъ этого падаетъ уваженіе ко всему правительству. Въ разговоръ со мною было употреблено слово «демократъ». Оно шло, очевидно, по моему адресу... Что же, — я принимаю и не обижаюсь; демократъ — не демагогъ. Быть демократомъ, между прочимъ, значитъ желать счастья возможно большому числу людей. Я этого желаю, и, по-моему, въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Аристократія желаетъ противоположнаго: господства своего меньшинства. «Польза безъ аристократіи». Есть такой взглядъ, но только я его не раздѣляю. Аристократіи есть мѣсто въ Англіи и тамъ я ее понимаю, хотя и тамъ считаю несправедливою и недолговѣчною; — роль аристократизма въ польской исторіи вижу только губительную, а въ русской исторіи никакого мѣста аристократизму вовсе не нахожу, ибо строй нашей монархіи демократическій. Въ другія начала я не вѣрю и служить имъ не могу. У меня есть хлѣбъ, — пенсіонъ, который я выслужилъ, а у жены моей въ Петербургѣ, на Воскресенской набережной, есть домикъ, въ которомъ мы и можемъ дожить нашу старость. Прощайте: служите честно, а меня не уговаривайте остаться. — При этомъ онъ горько улыбнулся и, обратясь съ шутливою ироніею къ Ивашину, — добавилъ:

— Ваше взяло, Яковъ Ѳомичъ, — козыряго туза; дѣйствительно, ничѣмъ не покроешь, а мои самоварчики заглохли и съ тѣмъ роль моя кончена.

Такъ оно и было для него кончено. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы, имѣя тѣ же ограниченные достатки, съ какими пріѣхалъ. Поляки, считавшіе Самбурскаго человекомъ спра-

ведливый и весьма его уважавшие, были, однако, чрезвычайно рады его падению. Его планъ о двадцати пяти тысячахъ самоваровъ сдѣлался пмъ извѣстенъ черезъ закрытыя двери Петербурга или Варшавы и напугалъ ихъ хуже самыхъ большихъ пушекъ. Они ужаснулись этого плана, вредность котораго для всѣхъ ихъ затѣй была такъ очевидна по его необыкновенной простотѣ и органической прочности. Отдача казенныхъ и конфискованныхъ земель большими маіоратами, въ сравненіи со страшнымъ планомъ о самоварахъ, казалась легкою и сравнительно совсѣмъ безопасною для польскаго патріотизма, — что и оправдалось.

Самбурскій выѣхалъ скоро; съ фельдмаршаломъ они прощались въ палаткѣ, которая стояла у Паскевича въ комнатѣ. Разлука, вѣроятно, была теплая, потому что Самбурскій, выйдя, казался растроганнымъ. На виду предъ всѣми они еще поцѣловались, а когда Иванъ Омичъ возвратился домой, прислуга, убирающая его плащъ, нашла въ его карманѣ и подала Самбурскому пакетикъ, въ которомъ оказалась записочка на польскомъ языкѣ. Это было нѣчто въ родѣ диплома, выданнаго «дѣйствительному русскому демократу Самбурскому» на званіе «государственнаго самовара» (samowara państwa).

Надъ этой польскою шуткой, которую немудрено было устроить въ многолюдной лакейской, конечно, только и оставалось посмѣяться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вмѣсто Самбурскаго директоромъ канцеляріи былъ назначенъ Я—чъ, человѣкъ совсѣмъ другого сорта и другихъ правилъ. Онъ на первыхъ же порахъ столкнулся съ Пвашинымъ, который все еще продолжалъ хлопотать объ эмеритурѣ для русскихъ чиновниковъ. Повздоривъ съ начальникомъ отдѣленія, новый директоръ сказалъ ему:

— Я не могу съ вами служить.

— И мнѣ тоже это очень неприятно, — отвѣчалъ Пвашинъ: — просите себѣ перемѣненія или выходите въ отставку.

Того это ужасно обидѣло и онъ пожаловался Паскевичу.

— Ты ничего не понимаешь, и долженъ цѣнить людей, которыхъ тебѣ оставилъ Самбурскій, — отвѣчалъ фельдмар-

шать.—А докучное дѣло объ уравниніи служебныхъ выгодъ, принесившее много хлопотъ по сношеніямъ, приказалъ «бросить».

Всему этому надо было долежаться до позднѣйшаго времени и до другихъ русскихъ дѣятелей, которымъ удалось сдѣлать въ этихъ вопросахъ болѣе того, что могъ сдѣлать Самбурскій. Чести ихъ это, разумѣется, нисколько не уменьшаетъ, но для исторической вѣрности и справедливой оцѣнки событій, можетъ - быть, не лишнее знать, что идеи князя Владиміра Александровича Черкаскаго гораздо прежде его трудовъ въ Польшѣ имѣли перваго дальнозоркаго, дѣятельнаго и притомъ самоотверженнаго и безкорыстнѣйшаго представителя въ лицѣ Ивана Ѳомича Самбурскаго. Такихъ людей достойно знать и въ извѣстныхъ случаяхъ жизни подражать имъ, если есть сила вмѣстить благородный патріотическій духъ, который согрѣвалъ ихъ сердце, окрылялъ слово и руководилъ поступками.

Оглавление

III ТОМА.

	стр.
Запечатлѣнный Ангель	5
Праведники:	
Предисловіе	73
Однодумъ	76
Пигмей	108
Кадетскій монастырь	122
Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырѣ	154
Русскій демократъ въ Польшѣ	158